

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

1(114)

Выходит 4 раз в год. Год издания 18-й

Январь—март 2013

Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)

Междисциплинарный
академический центр
социальных наук
(Интерцентр)

Редакционный совет:

Т.И. Заславская
(председатель)
А.Г. Аганбегян
А.Г. Вишневский
Л.М. Дробижева
Н.М. Римашевская
Т. Шанин
В.А. Ядов
Е.Г. Ясин

Редколлегия:

Л.Д. Гудков
(главный редактор)
А.И. Гражданкин
Т.Е. Ворожейкина
(зам. главного редактора)
Н.А. Зоркая
(ответственный секретарь)
М.Д. Красильникова
Г.А. Стерликова
Л.А. Хахулина
(зам. главного редактора)

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» 87847

СОДЕРЖАНИЕ

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ 3, 21, 35

ВЕКТОРЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Борис МАКАРЕНКО. Новые водоразделы в российском обществе:
попытка реконструкции 7
Алексей ЛЕВИНСОН. Российское общество до и после 2012 года 22
Сергей НИКОЛЮК. Белорусская модернизация как способ борьбы
с трудовой эмиграцией 36

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ: ЭКОНОМИКА, ЗАНЯТОСТЬ, МИГРАЦИЯ, ОБРАЗОВАНИЕ

Марина КРАСИЛЬНИКОВА. Доверие и финансовое поведение
населения 44
Наталья БОНДАРЕНКО. Представления населения о финансовых
рисках и финансовой системе страны: сравнение России
с другими странами 64
Ирина ПОПОВА, Валентина ОСИПОВА.
Отношение принимающей стороны к мигрантам 81
Клаудио МОРРИСОН. Строители в России: мобильность, наём
и стабильность рабочих мест постсоветских мигрантов-строителей 89
Петр БИЗЮКОВ. Неустойчивая занятость как форма
деградации трудовых отношений 100
Елена АВРААМОВА. Первоклассники и их родители: жизнь
по новым правилам 110
Авторы номера 115
SUMMARY 116

Ответственный редактор
выпуска Л.Д. Гудков

Редактор, корректор
В.Я. Мордере

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел.: (495) 229 3810
E-mail: direct@levada.ru

Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр)
119571, Москва, просп. Вернадского, 82. Тел.: (495) 564 8582

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна

Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, Интерцентр, 2008 ISSN 2070-5107

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussions

1(114)

Quarterly

January–March 2013

Analytic Centre
Yury Levada
(Levada-Centre)

**The Interdisciplinary
Academic Centre for
Social Sciences**
(InterCentre)

Members of the Editorial Council

Tatyana Zaslavskaya
(*Chair*)
Abel Aganbeghian
Anatoly Vishnevsky
Leokadia Drobizheva
Natalia Rimashevskaya
Teodor Shanin
Vladimir Yadov
Yevgenii Yassin

Editorial Board

Lev Gudkov
(*Editor-in-Chief*)
Tatyana Vorozheikina
(*Deputy Editor-in-Chief*)
Alexei Grazhdankin
Ludmila Khakhulina
(*Deputy Editor-in-Chief*)
Marina Krasilnikova
Galina Sterlikova
Natalia Zorkaya
(*Executive Secretary*)

CONTENTS

MONITORING OF CHANGES: PRINCIPAL TRENDS 3, 21, 35

VECTORS OF SOCIAL EVOLUTION

New Cleavages in the Russian Society: an Attempted Reconstruction
(by Boris Makarenko) 7
Russian society before and after 2012 (by Aleksey Levinson) 22
Belarusian modernization as a measure against labor emigration (by
Sergey Nikolyyuk) 36

SOCIAL PROBLEMS: ECONOMY, EMPLOYMENT, EDUCATION, MIGRATION

Trust and financial behavior of the population (by Marina Krasilnikova) 44
Public perceptions of the financial system and financial risks
in Russia and other countries (by Natalia Bondarenko) 64
Attitudes towards migrants among the recipient population
(by Irina Popova & Valentina Osipova) 81
Builders of Russia: mobility, recruitment and workplace resistance
of post soviet migrant construction worker (by Claudio Morrison) 89
Unstable forms of employment as a form of degradation
of labor relations (by Petr Bizyukov) 100
First graders and their parents: a new life with new rules
(by Elena Avramova) 110

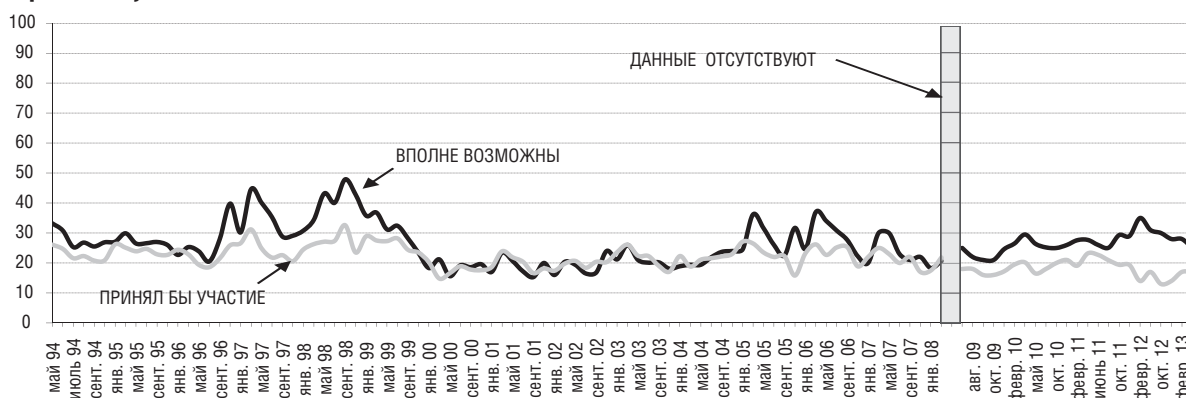
Authors of the issue 115

SUMMARY 116

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

1. ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТА

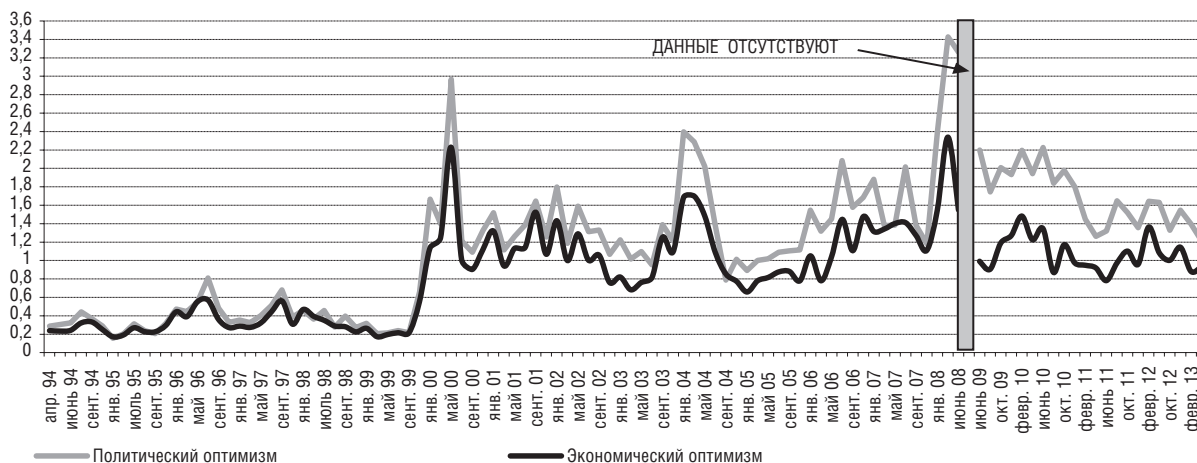
«Насколько возможны сейчас в Вашем городе, сельском районе массовые выступления против роста цен и падения уровня жизни?»; «Если такого рода митинги или демонстрации протеста состоятся, Вы лично примете в них участие?» (в % от числа опрошенных)

До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

С осени 2011 г. на фоне роста массовых протестов в Москве и других городах росла оценка вероятности социальных протестов, которая достигла своего максимума в феврале 2012 г., а после президентских выборов пошла на спад. Вместе с тем на протяжении всего этого периода (начиная с лета 2011 г.) постепенно падал общий российский показатель готовности принять участие в протестах, что отчасти отражает эффективность кремлевской пропаганды, нацеленной на подавление массового недовольства и потенциала поддержки оппозиции. Показатели высокой вероятности протестов сохранялись до конца лета 2012 года лишь в Москве и в средних городах.

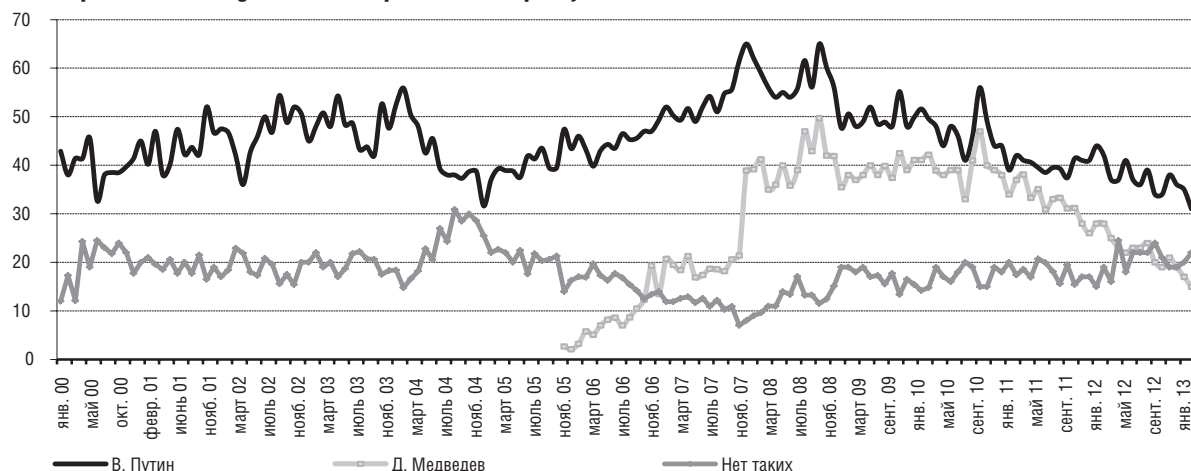
3. ПОКАЗАТЕЛИ ОПТИМИЗМА (соотношение позитивных и негативных ожиданий)

До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

После резкого подъема индексов политического и экономического оптимизма на волне президентских выборов к началу лета 2012 они резко упали. Особенно глубоко опустился Индекс экономического оптимизма. В этом избирательном цикле зафиксирован самый низкий уровень надежд на власть, связанных с выборами, и электоральной мобилизации.

3. ДОВЕРИЕ К Д. МЕДВЕДЕВУ И В. ПУТИНУ СРЕДИ ДРУГИХ ПОЛИТИКОВ (в % от числа опрошенных, по данным «открытого» вопроса)

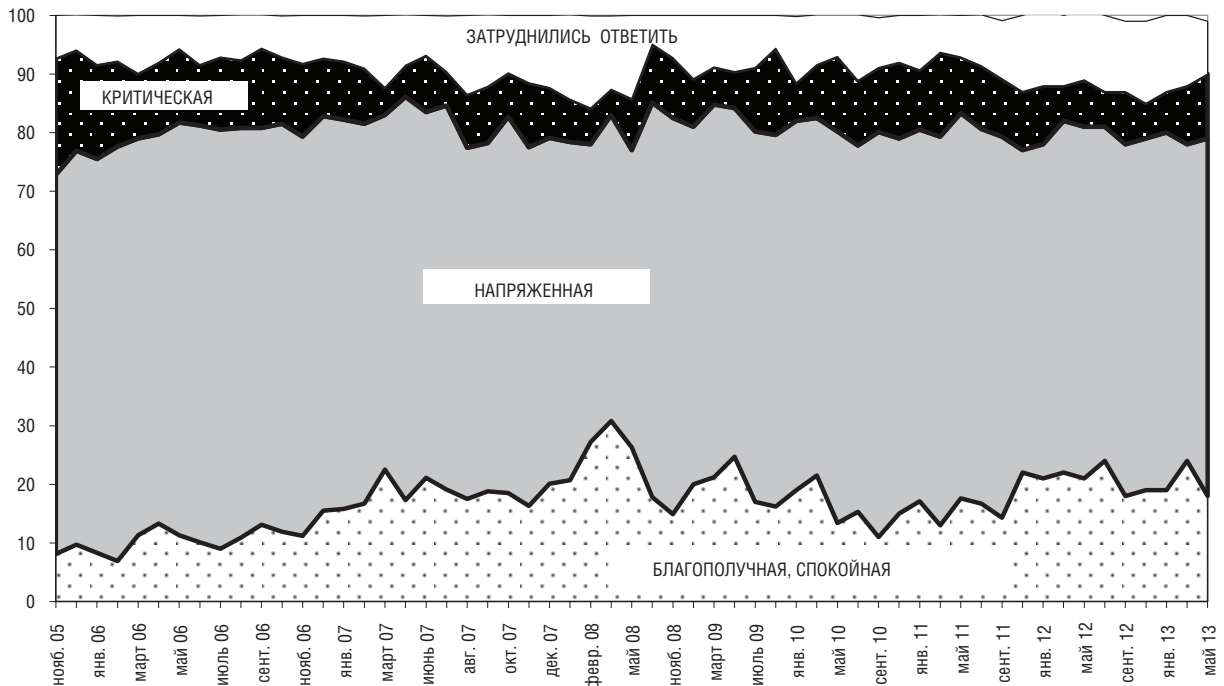

Начиная с 2008 г. идет постоянное снижение общего доверия к первым лицам государства. Зафиксирован рост доли респондентов, считающих, что сегодня нет таких политиков, которым можно доверять, а также затруднившихся с ответом (в сумме они составляют 32%).

4. НАЗОВИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, 5–6 ПОЛИТИКОВ, КОТОРЫМ ВЫ БОЛЕЕ ВСЕГО ДОВЕРЯЕТЕ (в % от числа опрошенных, приводятся данные о доверии политиков, собравших хотя бы в одном замере не менее 3%, по данным «открытого» вопроса)

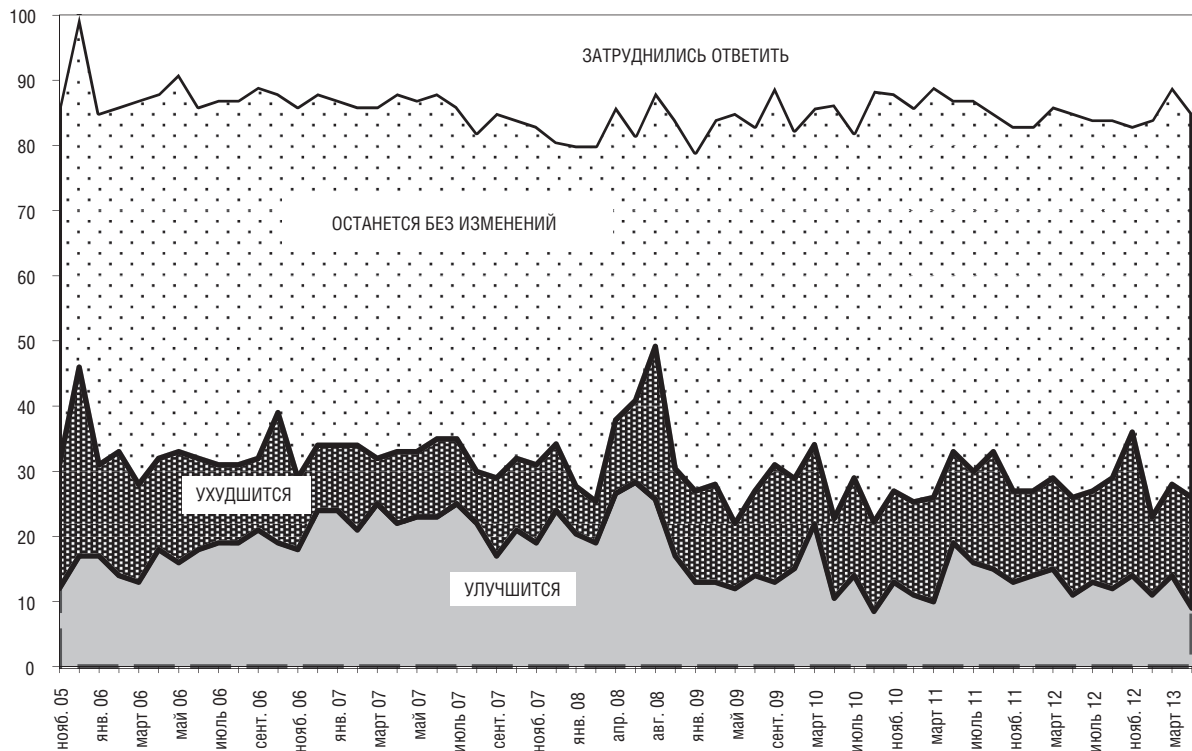
Вариант ответа	2008			2009			2010			2011			2012			2013		
	I	VI	XII	I	VII	XII	I	VII	XII	I	VII	XII	I	III	V	XII	I	IV
Голикова Т.	1	1	2	2	2	4	2	2	4	3	4	2	2	1	2	1	1	<1
Грызлов Б.	3	3	4	4	3	4	4	4	3	4	3	3	3	1	1	2	2	1
Жириновский В.	10	7	9	10	11	11	9	10	11	10	14	16	12	9	8	8	10	8
Зубков В.	14	6	2	2	2	2	2	3	3	2	2	2	2	1	1	0	1	1
Зюганов Г.	9	9	7	9	9	10	8	9	8	9	11	15	12	14	9	8	11	9
Иванов С.	23	13	7	7	6	4	3	6	4	5	3	2	3	1	2	2	3	2
Кудрин А.	1	1	1	1	3	3	2	3	3	3	2	6	5	3	3	2	2	2
Лавров С.	2	3	4	6	6	6	4	6	4	6	8	4	5	4	4	3	4	3
Лукашенко А.	2	4	5	3	4	4	2	2	3	2	2	2	1	2	2	2	2	2
Матвиенко В.	3	4	7	4	6	7	3	3	5	3	8	5	5	4	4	4	4	3
Медведев Д.	39	40	42	42	41	43	39	39	40	39	35	31	28	28	25	19	21	15
Мионов С.	5	3	4	3	3	5	4	3	3	3	5	10	8	6	6	3	4	3
Патриарх Кирилл	-	-	-	-	-	-	-	-	10	8	7	6	7	5	4	3	5	4
Примаков Е.	4	3	3	2	3	5	4	3	4	4	4	4	4	3	2	2	2	2
Прохоров М.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	5	8	8	5	4	6	5
Путин В.	65	55	60	56	53	55	48	48	49	44	40	41	41	44	37	34	38	31
Собянин С.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4	6	4	3	2	2	5	2
Тулеев А.	4	4	5	3	4	5	3	4	3	4	5	4	3	2	2	3	3	3
Хакамада И.	2	2	2	2	2	2	1	1	1	1	4	3	2	1	1	2	2	2
Шойгу С.	17	16	14	13	16	17	13	15	13	15	21	12	11	9	14	14	18	16
Нет таких	8	14	12	15	15	13	17	16	15	19	21	15	17	15	16	21	19	22
Не интересуюсь политиками, политикой	10	12	9	14	13	12	14	17	15	15	15	15	17	16	19	16	18	15
Затрудняюсь ответить	5	6	6	6	6	5	6	6	6	7	5	5	5	4	7	9	5	10

5.1. КАК ВЫ ОЦЕНИЛИ БЫ СЕЙЧАС ОБСТАНОВКУ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ?

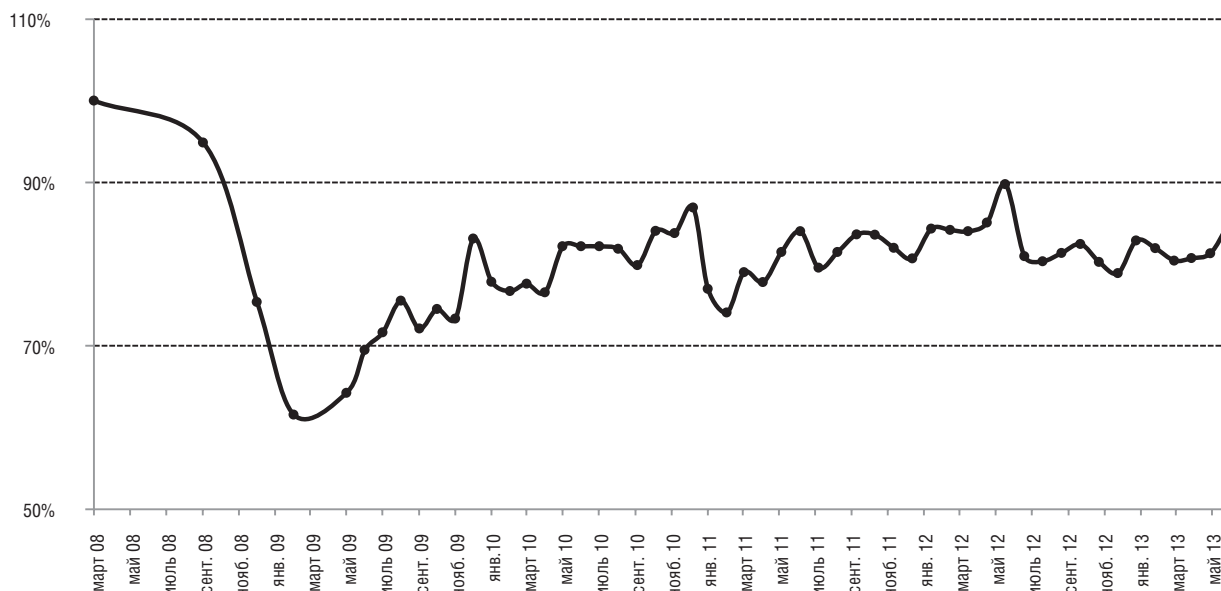
N=1600

5.2. КАК ИЗМЕНИТСЯ В ТЕЧЕНИЕ БЛИЖАЙШЕГО ГОДА ОБСТАНОВКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ?

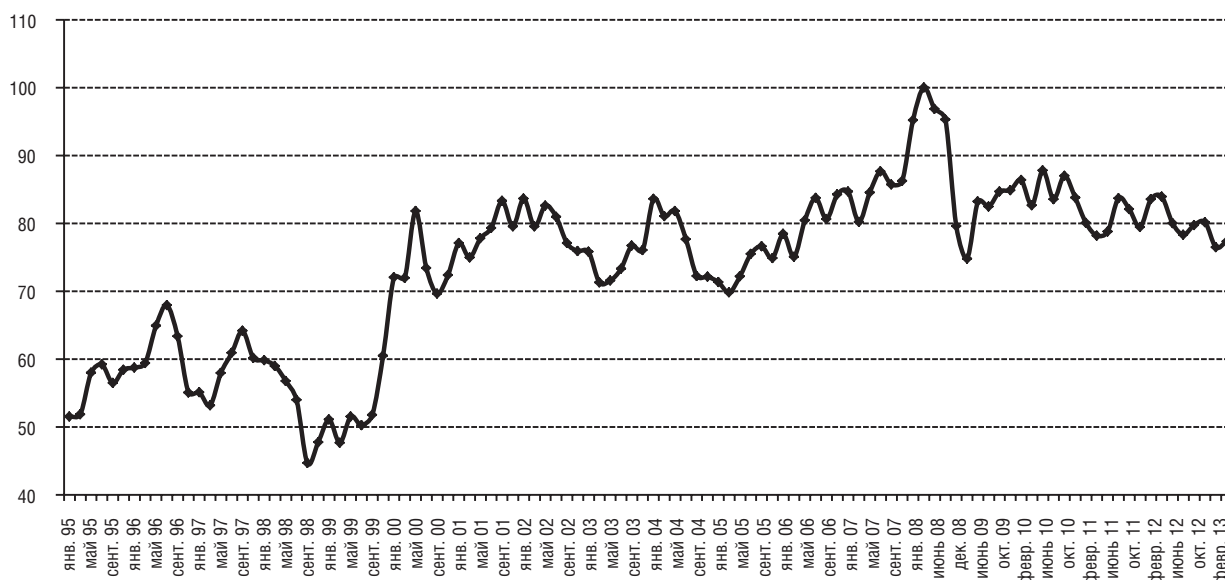
N=1600

6.1. ИНДЕКС ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ НАСТРОЕНИЙ (ИПН), март 2008 г. = 100%

В первой половине 2013 года ИСН оказывается ниже, уровня зафиксированного год назад. Напомним, тогда в связи с завершением избирательного цикла отмечался кратковременное незначительное улучшение социальных настроений. Сейчас социальные настроения «откатились» к ситуации, наблюдаемой в 2011 году.

6.2. ИНДЕКС СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ (ИСН), март 2008 г. = 100%

В мае 2013г. потребительские настроения жителей России, наконец, несколько улучшились – ИПН достиг уровня 105 пунктов, что на 4,5% превышает апрельские значения. Но в сравнении со значениями годичной давности оказался на 1 п.п. ниже. Общее улучшение настроений с начала года произошло в первую очередь за счет более благоприятных оценок текущей ситуации. И среди текущих оценок лидером роста стал индекс целесообразности приобретений товаров длительного пользования (+9% за месяц). В итоге текущая составляющая индекса потребительских настроений за год выросла с 97 до 106 пунктов (на 9%). В целом же рост майских потребительских настроений носит в основном сезонный характер и вряд ли будет продолжительным.

РОССИЙСКОЕ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО, ЕГО ИЗМЕНЕНИЯ

Б.И. МАКАРЕНКО

Новые водоразделы в российском обществе: попытка реконструкции¹

Новое в общественном запросе

Политические события конца 2011-2012 гг. породили в российском обществе ряд динамичных процессов, которые оказывают и будут оказывать воздействие на политические настроения. Казавшаяся привычной картина идейно-политических предпочтений российского общества разрушена.

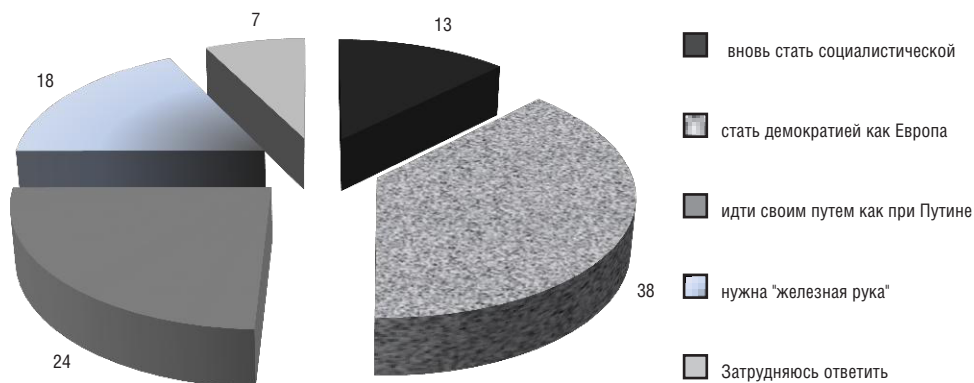
Респондентам задавался вопрос: В каком направлении, по Вашему мнению, должно раз-

виваться государственное устройство России?

Полученные в нашем исследовании результаты, казалось бы, противоречат результатам, фиксировавшимся более ранними исследованиями ВЦИОМ и «Левада-центра» (см. диаграмму 1.1.). Согласно им, популярность нынешней (условно – «путинской») политической системы, линейно нараставшая до 2008 г., ныне вернулась к показателям 2005 г., но взамен россияне чаще выбирают «советскую» систему, а не

Диаграмма 1

ЖЕЛАЕМОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ

¹ В рамках подготовки аналитического доклада Центра политических технологий по заказу Комитета гражданских инициатив (авторский коллектив – Бунин И.М., Макаркин А.В., Макаренко Б.И.) проводились комплексные социологические исследования. Одно из них – опрос, проведенный «Левада-центром» 15-18 февраля 2013 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Статистическая погрешность данных этих исследований не превышает 3,4%.

Настоящая статья основана на материалах этого опроса, использованных при подготовке доклада.

Кластерный анализ, описанный в статье, выполнен А.Э.Ковалевским.

Автор выражает благодарность Л.Д.Гудкову и А.И.Гражданкину за помощь в проведении исследования и при обсуждении его результатов.

демократию западного типа. Разница обусловлена формулировкой вопроса: в нашем исследовании он ставился конкретно о том, какой бы респонденты хотели видеть Россию в будущем.

При такой постановке – и намеренном упоминании В.Путина в описании «своего пути» – такой вариант выбирает каждый четвертый респондент; очевидно, это «твердое ядро» путинского электората. **Наиболее частотным же ответом становится «демократия, во многом**

похожая на европейские страны – 38%. Еще 18% выбирают вариант «железной руки» и лишь 13% считают, что Россия вновь должна стать социалистической.

Эти предпочтения «перепахивают» устойчивые электораты: сторонники демократии (подчеркнем, не «путинской», а «европообразной») преобладают над сторонниками других путей во всех электоратах, кроме КПРФ (в последнем они немногим уступают сторонникам социализма).

Среди избирателей «Единой России» с «демократами» соседствует равновеликая когорта сторонников «путинского пути», ЛДПР – «железной руки», а у «Справедливой России» сопоставимо представлены сторонники всех четырех путей. Но, обратим внимание: «своей партии» у сторонников демократии – самого сильного запроса общества – нет. С этим изъяном российской политической системы мы будем сталкиваться и дальше, оговорившись, что причины отсутствия в России партии с отчетливо демократическим меседжем должна объяснять не социология, а политология.

Выявленный запрос никак не характеризует демократию, которой хотят наши граждане, но нет сомнений, что под этим подразумевается именно *сдвиг от нынешнего состояния к большей открытости, плюралистичности, конкурентности, а главное – подотчетности и «отзывчивости» власти*. Этот запрос – не вставание к власти в оппозицию, а наказ измениться именно в этом, «демократическом»

направлении. Повторим: он соседствует с более слабыми запросами на возвращение в советское прошлое и «железную руку», тогда как удовлетворенность «статус кво» находится на низкой точке.

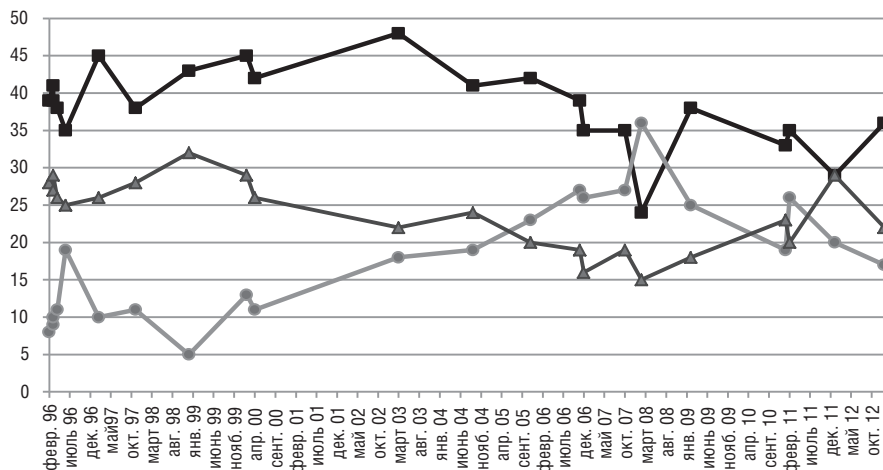
При таком наборе вариантов «будущего», электораты привычных крупных партий рассыпаются: это означает, что нынешние партийные предпочтения основаны не на «стратегическом» или идеологическом видении, а на более сложном комплексе мотивов (отношение к власти, личностный фактор наличие/отсутствие авторитарных установок).

Выбор в пользу демократии (см. диаграмму 2) составляет относительное большинство среди сторонников всех партий (кроме КПРФ), но максимума достигает среди тех, у кого партийные предпочтения отсутствуют: 42% у тех, кто не выбирает «никакую» партию, и 55% – у сторонников «другой» (т.е. тоже не существующей в реальности) партии. *Таким образом, у многих сторонников развития по пути демократии в настоящее время отсутствует партия, которую они бы считали выразителем своих интересов.*

Даже в электорате «Единой России» сторонников демократии и «путинского пути» – равные доли (по 38%); главное, чем выделяются единороссы – лояльность нынешней, «путинской» системе (у сторонников ЛДПР и «Справедливой России» таковых всего по 20%). Соответственно у них ниже всего поддержка социалистического и авторитарного вариантов.

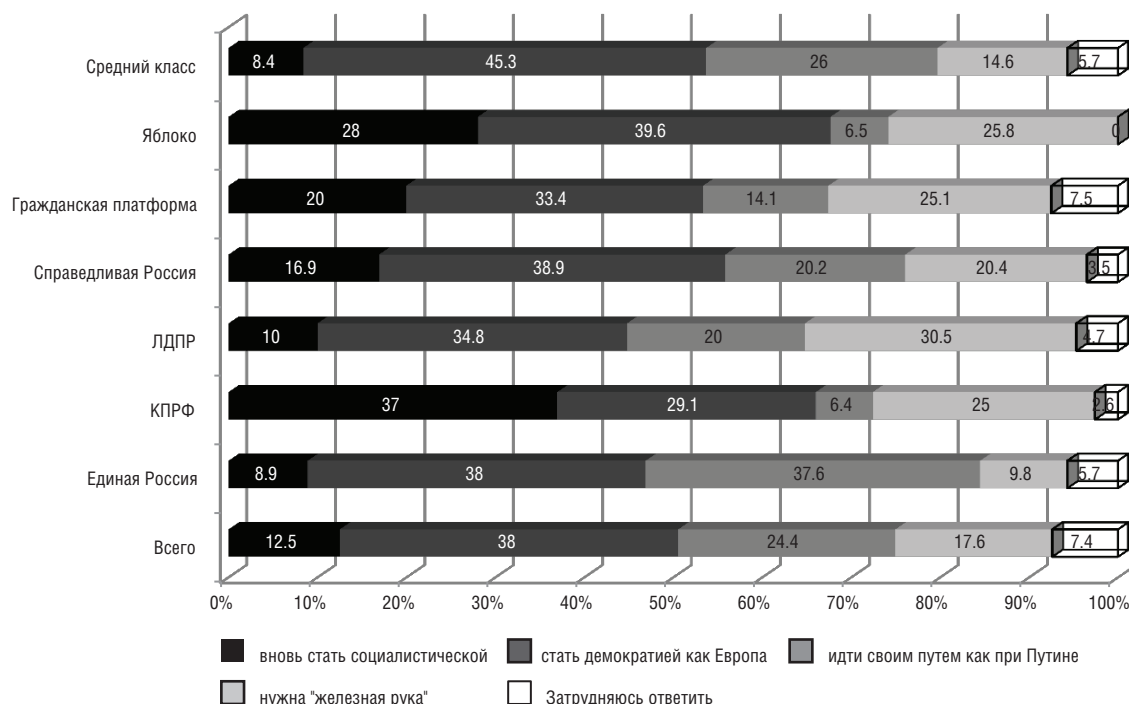
Диаграмма 1.1

КАКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАЖЕТСЯ ВАМ ЛУЧШЕЙ? (по данным опросов ВЦИОМ и «Левада-центра» 1992-2013).

	фев. 96	мар. 96	мар. 96	апр. 96	июн. 96	фев. 97	ноя. 97	дек. 98	фев. 00	апр. 00	мар. 03	сен. 04	ноя. 05	ноя. 06	дек. 06	окт. 07	фев. 08	фев. 09	янв. 11	фев. 11	янв. 12	янв. 13
■ советская, которая была до 90-х годов	39	41	38	39	35	45	38	43	45	42	48	41	42	39	35	35	24	38	33	35	29	36
● нынешняя система	8	9	11	10	19	10	11	5	13	11	18	19	23	27	26	27	36	25	19	26	20	17
▲ демократия по образцу западных стран	28	27	26	29	25	26	28	32	29	26	22	24	20	19	16	19	15	18	23	20	29	22

Диаграмма 2
ПАРТИИ РЕАЛЬНЫЕ И ПАРТИИ "ИЗБРАННЫХ ПУТЕЙ"

У сторонников КПРФ на первом месте – социалистический путь (37%, самый высокий показатель), и ниже всего поддержка демократии (но все же это второй по частотности ответ – 29%). Заметна и доля сторонников «железной руки» – 25%, т.е. для коммунистического избирателя наряду с идеологическими мотивами важны и сталинская жесткость, и возможность для конкурентной борьбы с «партией власти»; сторонников же «путинского пути» в этом электорате меньше всего (6%).

У избирателей ЛДПР выше всего доля сторонников «железной руки» (31%), но все же ответ «демократия» выбирают чаще (35%).

Сторонники «Справедливой России» в этом вопросе ближе всего к «среднестатистическому россиянину» – несколько выше среднего лишь показатель «социализма» (17%).

Подвыборки сторонников остальных партий («Яблоко», «Гражданская платформа») слишком малы, чтобы данные по ним могли считаться репрезентативными.

В возрастном разрезе, сторонников демократии больше среди людей моложе 40 лет – 45%; советского социализма – среди пожилых – 20%, «железной руки» – в «старшем среднем возрасте» (40-54 года) – 23%.

Среди малообеспеченных¹ больше всего сторонников «железной руки» – 22%, высо-

кодоходные² граждане чаще выступают за демократию, а сторонников «путинского пути» больше всего в средневысокой³ категории (30%).

В Москве сторонники демократии составляют абсолютное большинство – 56%, сторонников «путинского пути» больше всего в малом городе и на селе – 27%, остальные различия во взглядах по типу населенного пункта малозначимы.

В Северо-Западном, Центральном, Уральском и Дальневосточном федеральных округах повышена доля сторонников демократии – от 40 до 43% – и понижена – «путинского пути». «Железную руку» чаще поддерживают в Южном, Северо-Кавказском и Поволжском ФО – 20%, «путинский путь» – в Сибирском – 29%, социализм – на Северо-Западе и в Сибири 17% и 15% соответственно.

В среднем классе⁴ демократия пользуется поддержкой 45% респондентов, «путинский путь» – 26%, «железная рука» – 15%, социализм – 8%.

² Ежемесячный душевой доход выше 40 000 руб

³ Ежемесячный душевой доход от 25 до 40 000 руб

⁴ Для целей анализа была выделена подвыборка респондентов, условно названная средним классом. К ней отнесены все респонденты, декларирующие месячный душевой доход выше 40 000 руб, а также те респонденты с доходом выше 25 000 руб, которые проживают в провинции и имеют высшее образование.

Законодательные новации: «запретительные» и либерализующие

Реакция власти на события недавнего прошлого — «тащить и не пущать»: одновременно либерализуются некоторые элементы политической системы и вводятся «запретительные» законы, совокупность которых стали называть «консервативной волной». За 2012 — начало 2013 г. по инициативе власти в российском законодательстве появились новеллы двух типов; часть из них создавала более жесткий режим регулирования протестной активности, гражданского общества и различных сторон частной жизни, другие законы либерализовали политическую систему, отменяя многие ограничители

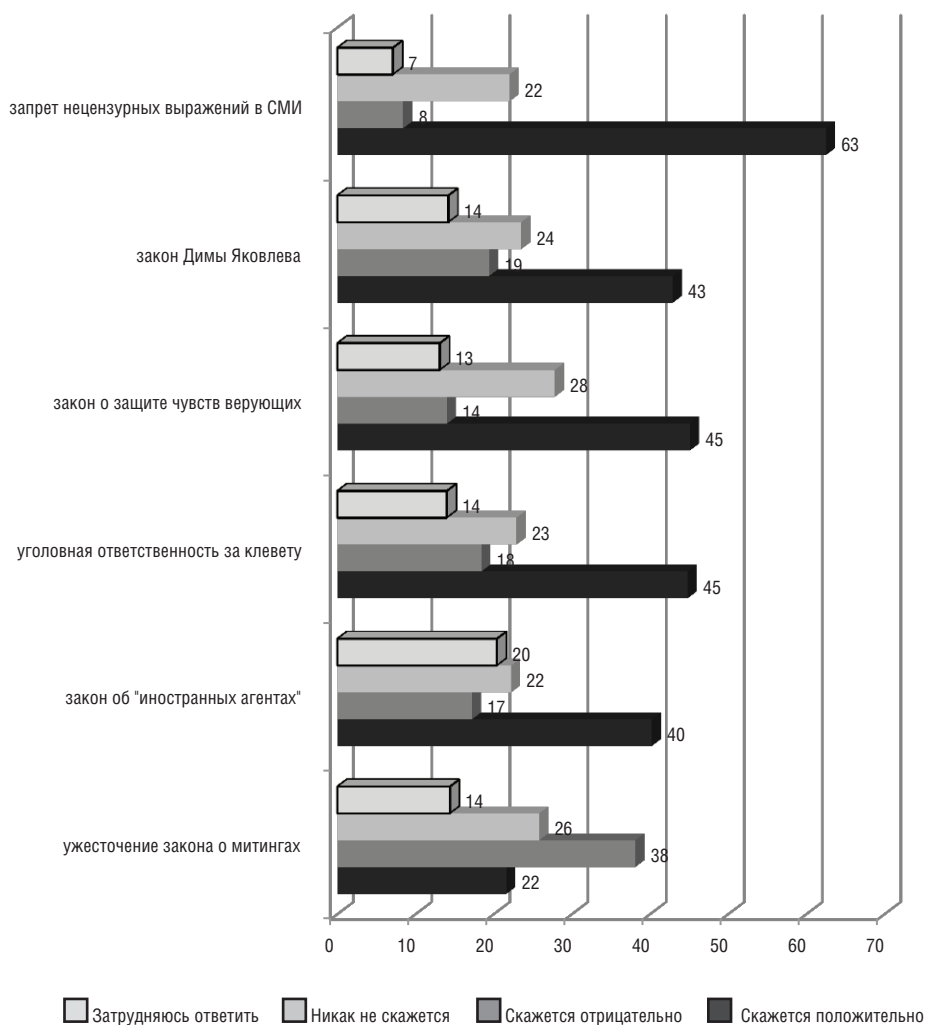
политической конкуренции, введенные той же властью в середине прошлого десятилетия.

Запретительные законы

Принято считать, что законы первого — «запретительного» — типа пользуются в обществе широкой поддержкой. Действительно, при постановке вопроса: «за или против», «консервативное большинство» проявляется.

По данным ВЦИОМ, за запрет усыновления российских сирот гражданами США высказывается 76% респондентов¹, позитивно отзываються о законодательной норме об «иностранных агентах» 67%², ужесточение наказания за оскорбление чувств верующих (правда,

Диаграмма 3
ОТНОШЕНИЕ К ЗАПРЕТИТЕЛЬНЫМ ЗАКОНАМ.

Респондентам задавались вопросы: *Каким образом, по вашему мнению, [данная законодательная норма] скажется на жизни в нашей стране?*

¹ ВЦИОМ, пресс-выпуск 2209 от 18.01.2013.

² ВЦИОМ, пресс-выпуск 2076 от 25.07.2012.

в «лукавом пакете» с вандализмом и порчей церковного имущества» одобряет 82% респондентов¹, отдельные «ужесточающие» нормы закона о митингах — 64-68%².

Однако, такие дихотомии социологически некорректны в случаях, когда речь идет об оценке обществом столь сложных явлений. При анализе общественных настроений самое главное — выяснить, насколько важными и актуальными такие законы представляются гражданам. Поэтому в нашем исследовании в вопросах про эти новеллы законодательства акцент был перенесен именно на их последствия для жизни страны, включая вариант ответа: никак не скажется (аналога в исследованиях ВЦИОМ не было).

При подобной формулировке в оценке «запретительных» законов от 22% до 28% граждан, выбрали вариант ответа: никак не скажется. То есть примерно четверть респондентов заявляет, что к их жизни такие законы никакого отношения не имеют. С «вычетом» этой «четверти» выясняется, что абсолютного большинства в поддержку запретительных законов не существует. Исключением является лишь закон о запрете нецензурных выражений в СМИ, поддержанный 63% респондентов.

Наименьшей поддержкой в обществе пользуется ужесточение закона о митингах: 38% ждут от него отрицательных последствий и только 22% — положительных. От остальных законов запретительного толка положительных последствий ждет 40-45% респондентов, отрицательных — 12-16%.

Отрицательное отношение к запретительным законам чаще демонстрируют сторонники социализма и демократии (на 5-8 процентных пунктов выше средних значений по выборке). Положительное отношение в большей степени демонстрируют сторонники «путинского пути» (примерно на 5 пунктов чаще среднего по выборке), но отношение к «закону Димы Яковлева» у них не отличается от среднего. Сторонники «железной руки» чаще (на 5-6 пунктов) одобрительно отзываются о законах об «иностранных агентах» и защите чувств верующих.

Электорат «Единой России» более положительно (на 5-9 пунктов) отзываться о всех запретительных законах; последовательная отрицательная позиция прослеживается только у сторонников «Справедливой России». Исключение составляет только закон о митингах,

в отношении которого у сторонников всех трех парламентских партий четко отрицательная позиция (ее выражает от 50 до 56% сторонников этих партий).

Социально-демографическая специфика в отношении к этим законам выражена слабо, несколько чаще отрицательных последствий ждут граждане с высшим образованием и высоким доходом.

Из населенных пунктов резко выделяется позиция москвичей: по всем «запретительным законам», кроме запрета нецензурной лексики, доля отрицательных мнений либо практически равна доле положительных (законы о клевете и защите чувств верующих), либо резко преобладает над ним. По закону о митингах это соотношение составляет 54% на 22%, по «закону Димы Яковлева» — 51% на 25%, по «закону об иностранных агентах» — 38% на 26%.

Специфика по федеральным округам прослеживается слабо. Несколько более либеральная тенденция прослеживается на Северо-Западе и на Дальнем Востоке, консервативная — в Южном, Поволжском и Уральском ФО.

Средний класс по всем позициям выражает более отрицательное отношение к «запретительным законам», максимальное (11-12 пунктов) отклонение от средних позиций отмечается в отношении к закону о митингах и «Димы Яковлева».

Законы, либерализующие политическую систему

Все законодательные новации, либерализующие политическую систему, получают поддержку относительного большинства граждан. Доля считающих, что они никак не скажутся несколько выше, чем в случае с «запретительными законами» (от 26% до 30%); положительные и отрицательные оценки законов о либерализации партий сопоставимы (27% и 20% соответственно), возвращение «одномандатников» в Госдуму и особенно выборность губернаторов получает преимущественно позитивные оценки — 28% и 41% соответственно при минимальных отрицательных показателях (10% и 11%).

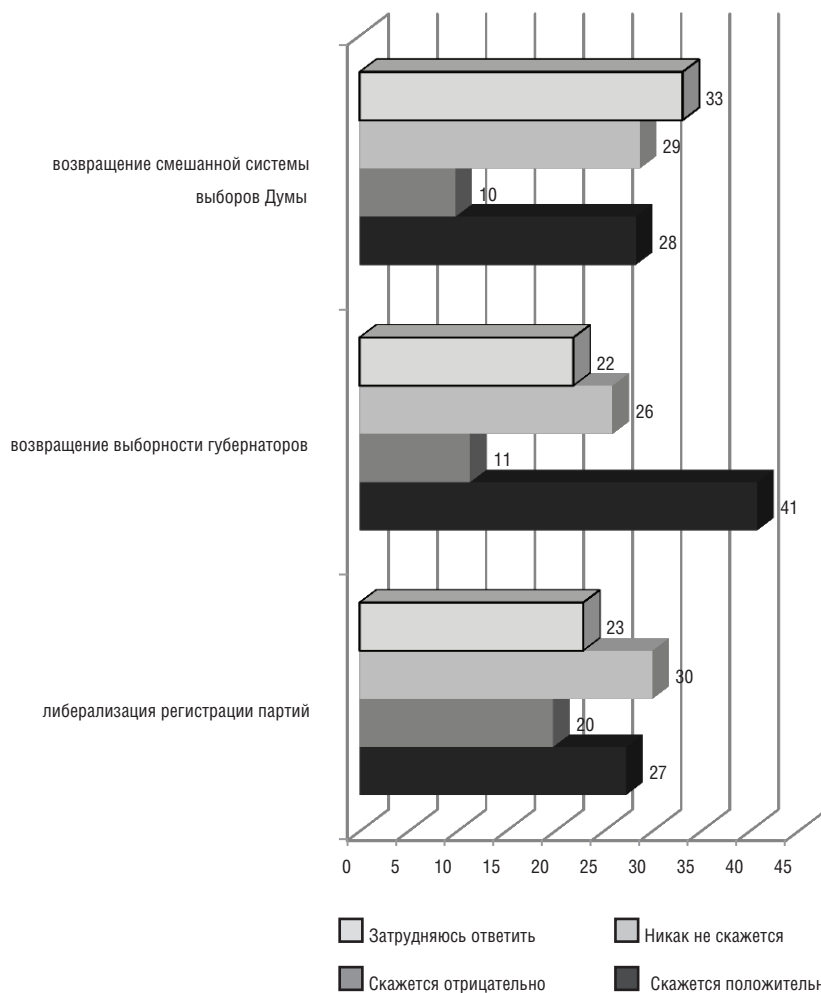
Все эти законы пользуются повышенной поддержкой у сторонников демократии (на 4 пункта); пониженной — у сторонников социализма; выступающие за «путинский путь» и «железную руку» дают ответы, близкие к средним, единственное отклонение — повышенная поддержка (45%) выборности губернаторов сторонниками «железной руки».

⁸ ВЦИОМ, пресс-выпуск 2120 от 26.09.2012

² ВЦИОМ, пресс-выпуск 2034 от 31.05.2012.

Диаграмма 4

ОТНОШЕНИЕ К ЛИБЕРАЛИЗУЮЩИМ ЗАКОНАМ

«Единомоссы» и сторонники КПРФ более охотно поддерживают облегчение регистрации партий (33% и 30% соответственно), тогда как избиратели ЛДПР и «Справедливой России» настроены скептически к этой мере расширения конкуренции. За выборность губернаторов более активно высказываются избиратели всех парламентских партий, кроме «Справедливой России», а за одномандатников – всех, кроме ЛДПР (которая никогда не была успешной на одномандатных выборах).

Социально-демографическая специфика в данном вопросе прослеживается слабо. Более высокая (на 5-8 пунктов) поддержка этим нововведениям наблюдается у людей с высшим образованием средне-высоким и высоким доходом.

В Москве высока поддержка выборности губернаторов и одномандатников (на 8 и 12 пунктов выше среднего соответственно). Более охотно данные реформы поддерживают в Северо-Западном и Уральском ФО, менее

охотно – в Поволжье, Сибири и на Дальнем Востоке.

В среднем классе эти реформы получают поддержку на 10-15 пунктов выше, чем в среднем по выборке.

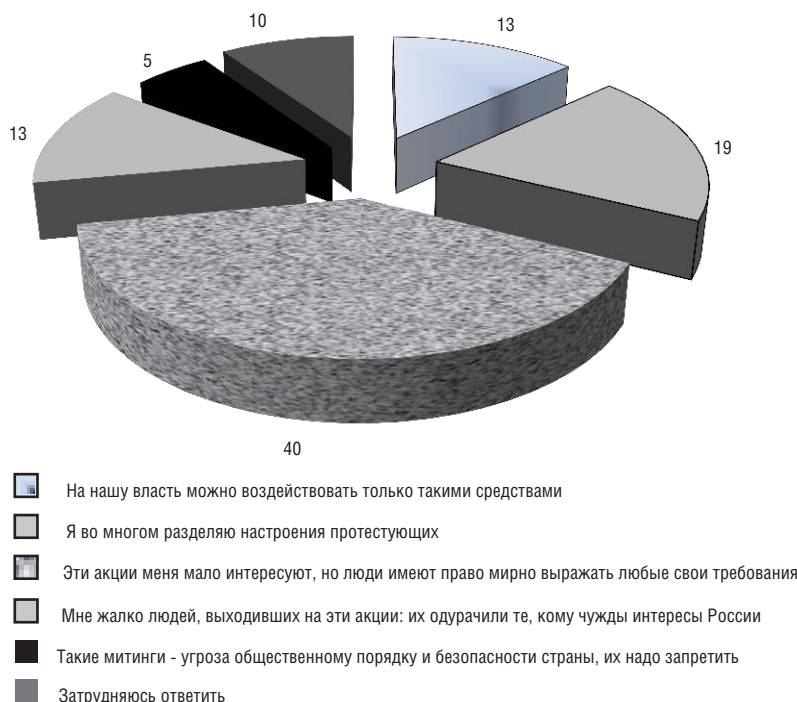
Отношение к уличным протестам

Регулярные опросы «Левада-центра» в 2012 – начале нынешнего года фиксировали поддержку общественным мнением уличных протестных акций на уровне порядка 40%. В нашем исследовании мы предложили иную шкалу ответов. Согласно ей, ту или иную степень прямого одобрения эти акции получают у 32% респондентов (сумма ответов: на нашу власть можно воздействовать только такими средствами и я во многом разделяю настроения протестующих). Негативно относятся к протестам 18% (сумма ответов: их одурачили те, кому чужды интересы России и такие митинги – угроза общественному порядку). Наиболее же частотной стала позиция

«благожелательного нейтралитета»: эти акции меня мало интересуют, но люди имеют право мирно выражать любые свои требования (40%). Такая позиция – не поддержка требований или мотивов протестующих, но в условиях назойливой «антиоранжевой» государственной пропаганды утверждение о том, что протестные акции – легитимная форма поведения – это, как минимум, благожелательность по отношению к их участникам.

Респонденты, избравшие такой вариант ответа, по всем своим политическим воззрениям (т.е. в ответах на остальные вопросы анкеты) занимают позиции, близкие к средним по выборке или даже на несколько пунктов более «провластные», например, по доверию или голосованию за В.Путина и «Единую Россию» (что неудивительно, т.к. в наиболее оппозиционных группах поддержка протестных акций выражена сильнее). Таким образом, данная подвыборка – это т.н. «медианный избиратель»¹, своеобразный «политический центр», симпатии которого – залог успеха любого политика. Фиксируем, что российский медианный избиратель к уличному протесту настроен нейтрально-благожелательно.

Диаграмма 5
ОТНОШЕНИЕ К ПРОТЕСТНЫМ АКЦИЯМ

Респондентам задавался вопрос: *С каким из суждений об акциях протеста Вы бы скорее согласились?*

¹ См. Colomer, J. 2001. Political Institutions. Oxford University Press. Pp. 7-17

Среди сторонников различных моделей развития России лишь среди приверженцев «путинского пути» осуждающих протест больше, чем сочувствующих (28% против 17% при 46% «нейтральных»). Наибольшую поддержку протестным акциям выражают социалисты и сторонники железной руки (44% и 41%), тогда как среди сторонников демократии такую позицию разделяет лишь 35%.

Позиция избирателей «Единой России» практически идентична сторонникам «путинского пути»; во всех остальных электоратах поддержка протестов выше средней по выборке (выше всего – у избирателей КПРФ и «Справедливой России», 52% и 50% соответственно).

Протест более склонны поддерживать мужчины, граждане в возрасте 25-39 лет, но не самые молодые (в этой когорте поддержка как раз ниже средней – 29%), люди с высшим и средним специальным образованием, высоким доходом и москвичи – у всех этих групп показатель поддержки равен 35%. Чуть ниже среднего – поддержка протеста у лиц с общим средним образованием и средне-высоким доходом (по 29%), впрочем, различия, как мы видим, не радикальны.

Центральном и Дальневосточном ФО, понижена – в Южном (минимальный показатель – 27%), Поволжском и Уральском ФО.

Мнения среднего класса по данному показателю неотличимы от средних по выборке.

Гражданское общество и коллективные действия

Проблема межличностного доверия: есть ли предпосылки для гражданского общества?

Предпосылка развития гражданского общества и готовности к коллективным действиям – межличностное доверие. «Доверие незнакомым» – способность заместить «врожденные» (родственные, местнические) связи универсалистскими – это социальный капитал общества, уровень его институционального развития. В конечном счете – это показатель модернизированности общества¹.

Наше исследование фиксирует переходное состояние российского общества, свойственное «продвинутому» странам третьего мира и несколько отстающее от католических стран «старой» Европы². 34% россиян демонстрируют тот или иной уровень доверия «незнакомцам», 65% – недоверие. В принципе эти показатели мало отличаются от тех, которые фиксировались отечественными исследователями в прошлые годы. Однако, для оценки состояния гражданского общества важен анализ того, как отношения доверия распространены в разных группах общества.

Многие когорты респондентов, которые практически по всем остальным вопросам ан-

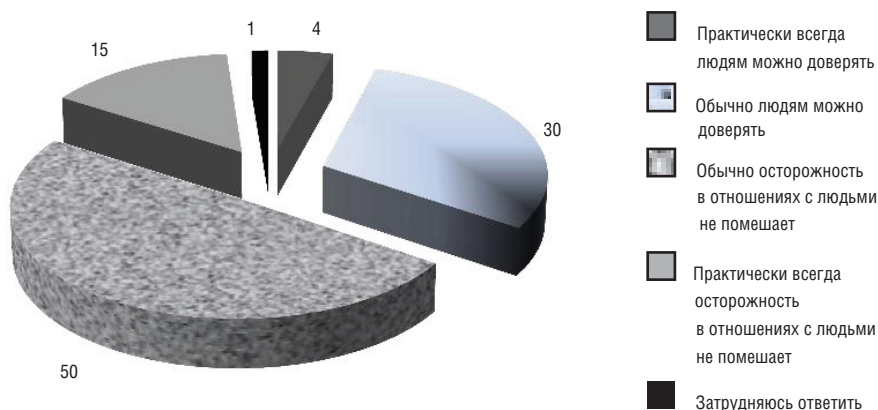
кеты демонстрируют более «демократическое» поведение, более склонны к универсализму, автономности от власти (т.е. по любому определению, более «модернизированные»), отличаются более низкими уровнями межличностного доверия. Среди москвичей этот показатель на 4 пункта ниже среднего по выборке, среди высокодоходных – на 3 пункта, у среднего класса – на 2 пункта. Правда, картина неоднозначна: показатели доверия выше среди высокообразованных (+4 пункта) на Северо-Западе и за Уралом, а ниже – в консервативных Южном, Северо-Кавказском и Поволжском ФО.

Среди сторонников разных моделей развития наивысшие показатели межличностного доверия демонстрируют сторонники социализма (+7 пунктов по сравнению со средними показателями), за ними следуют сторонники «путинского пути» (+5 пунктов) и сторонники демократии (+2 пункта), а минимальны показатели доверия у сторонников «железной руки» (-14 пунктов).

Гендерных и поколенческих различий в уровне доверия не наблюдается; по уровню образования лишь у высокообразованных уровень доверия выше среднего показателя на 4 пункта.

Показатели межличностного доверия свидетельствуют о переходном характере российского общества. Коллективистское доверие, наследие советских (и досоветских) времен сохраняется в определенных «анклавах» – например, среди сторонников социализма, но уже в значительной степени разрушено: оно не доминирует ни в старшей возрастной когорте, ни среди жите-

Диаграмма 6
МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ДОВЕРИЕ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

¹ См. Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М. Прогресс-Традиция. – 2004. С.151.

² См. R.Inglehart, C.Welzel. 2005. Changing Mass Priorities: the Link between Modernization and Democracy. *Perspectives on Politics*. June 2010, vol.8. No 2, pp. 551-567.

лей сел и малых городов, в наибольшей степени сохранивших старый «уклад жизни». Приход «нового уклада» порождает у россиян многочисленные фрустрации, связанные с «привыка-

нием к индивидуализму». Поэтому мы наблюдаем пёструю картину: в каких-то когортах еще доминируют «эффекты привыкания». Например, у склонных к авторитаризму москвичей, высокодоходных, среднего класса преобладают «защитные реакции», стремление огородить свой достигнутый социальный статус от «чужаков». В других когортах, напротив, дают себя знать «ростки» нового социального сознания — потребность выстраивания доверия уже на современных, «рыночных» основах (люди с высшим образованием, жители Северо-Запада и зауральских территорий, никогда не знавших крепостного права).

Это переходное состояние неблагоприятно для развития гражданского общества: нынешние уровни межличностного доверия слишком низки для него, отсутствует четкое «ядро», «движущая сила» коллективных действий. Его лишь отчасти заменяют не стыкующиеся друг с другом

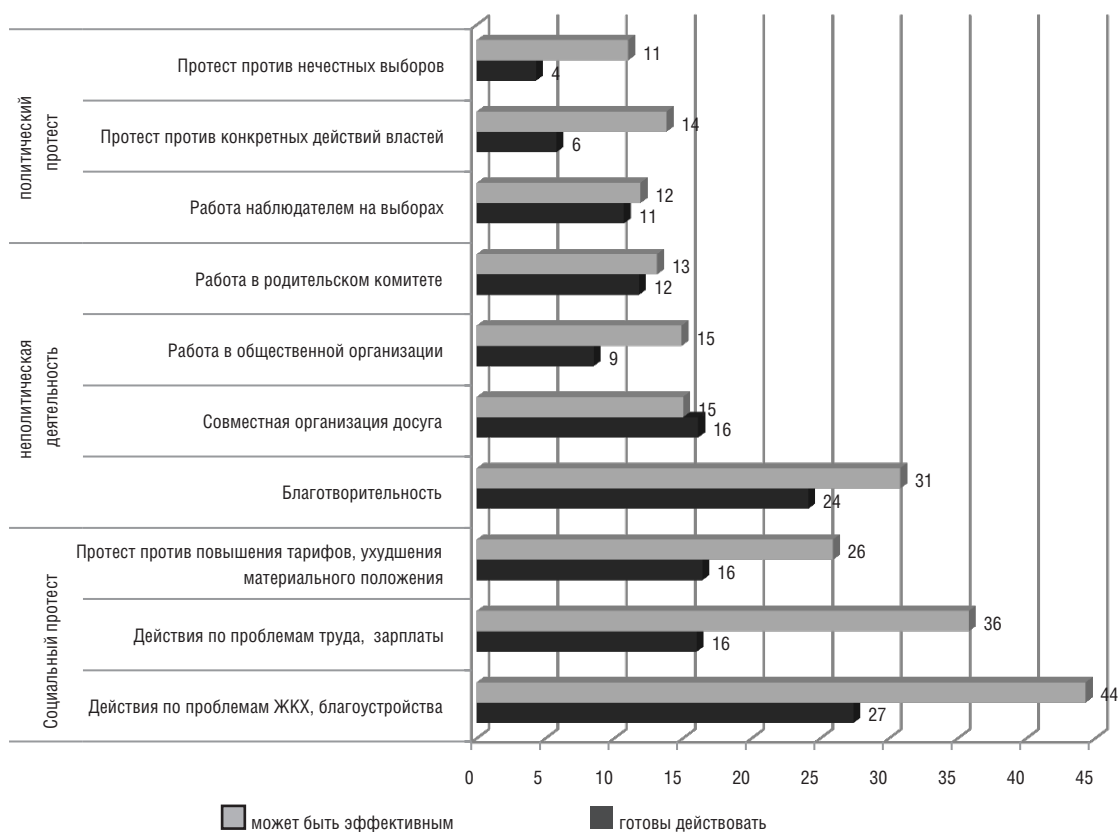
анклавы «старого коллективизма» и вновь возникающей «гражданской активности».

Готовность к коллективным действиям

Из предложенных респондентам вариантов коллективных действий *наибольшую популярность получили действия «социальной самозащиты»* — отстаивание своих интересов в сфере ЖКХ, труда и зарплаты, материального положения. Такая ситуация естественна для становящегося «незападного» гражданского общества, которое возникает как «защитная ассоциация» — не «за» позитивные цели, а как сопротивление негативному влиянию государства на жизнь людей¹. По этим параметрам от 16% до 27% респондентов заявляют о готовности принять участие в коллективных действиях и от 31% до 44% полагают, что такие действия могут дать позитивный эффект. Отметим, что готовность личных действий по таким направ-

Диаграмма 7

ОТНОШЕНИЕ К КОЛЛЕКТИВНЫМ ДЕЙСТВИЯМ

Респондентам задавалось два вопроса, сопоставление которых позволит оценить личную готовность к коллективным действиям и представление о «полезности» или эффективности таких действий:

Готовы ли Вы с Вашими друзьями, соседями, единомышленниками принять участие в каких-либо совместных действиях? Какие действия, по Вашему мнению, могут улучшить нашу жизнь, сделать ее более достойной и благополучной?

¹ Известное наблюдение Л.Пая: см. Lucian W. Pye. The non-Western political process. Journal of Politics 20.3: 468–86. 1958.

лениям примерно в полтора раза ниже, чем представление об их потенциальной эффективности.

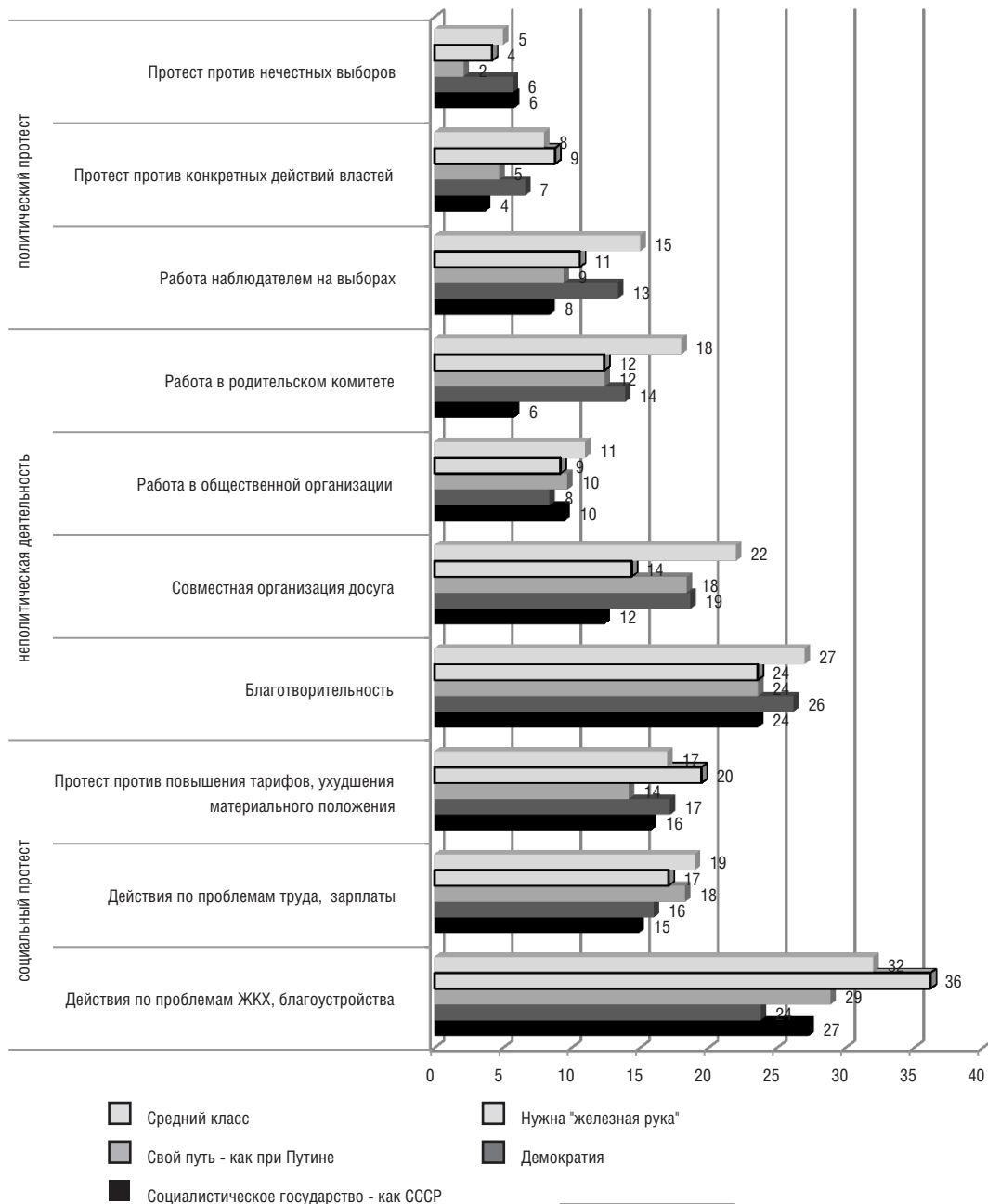
На втором месте – неполитическая деятельность гражданского общества. В наи-большей степени выражается готовность к благотворительности (24%), далее следуют различные виды досуговой или иной деятельности по интересам. Такие формы активности не носят политического характера, однако они исклю-

чительно важны для обретения навыков и привычек совместных действий, самоорганизации сообществ¹. По этим позициям разрыв между декларируемой готовностью и ожидаемой эффективностью действий, как правило, ниже, т.е. такие виды активности более близки и понятны гражданам.

Менее привлекательны действия политического протеста, однако показатели в 11% готовности быть наблюдателями на выборах, протест-

Диаграмма 8

ГОТОВНОСТЬ К КОЛЛЕКТИВНЫМ ДЕЙСТВИЯМ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ЖЕЛАЕМОГО ПУТИ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

¹ Известное наблюдение о «хоровых кружках» как питательной среде гражданского общества. См. Robert Putnam. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton University Press. Princeton, NJ 1993.

ствовать против их нечестных результатов (4%) или других действий властей (6%) — достаточно высоки сами по себе и, несомненно, являются прямым эффектом митинговой активности прошлого года и легитимности подобных протестов в глазах части общества.

Практически по всем позициям и у всех категорий респондентов соотношение между декларируемой готовностью к коллективным действиям и ожиданиями эффекта тесно коррелируют (см. диаграммы 8 и 9).

По мотивам «социального протеста» большую готовность к коллективным действиям высказывают сторонники «железной руки», чуть меньше — сторонники «путинского пути». По неполитическим формам коллективных действий существенных различий между сторонниками различных моделей развития России не наблюдается — чуть ниже готовность у сторонников социализма (что кажется противоречием с их более высоким уровнем межличностного доверия). По политическим мотивам большую склонность к действиям проявляют сторонники демократии.

Во многих случаях более высокую готовность к коллективным действиям высказывают именно те группы, которым свойственно пониженное межличностное доверие — в первую очередь, средний класс, сторонники демократии (и высокообразованные граждане). *Очевидно, последствиями протестного 2012 г. стало ускоренное «созревание» готовности к кол-*

лективным действиям в защиту собственных интересов — будь то политических или социально-экономических — в различных слоях российского общества, даже вопреки не сложившимся новым и разрушенным старым паттернам выстраивания доверия.

Доверие общественным институтам

Уровень доверия граждан общественным объединениям относительно невысок: так, доверие «Единой России» ниже ее рейтинга на 8 пунктов, готовность участия в различных общественных организациях и ожидания от них эффективных действий существенно выше данного уровня доверия.

Русской православной церкви более высокое доверие высказывают сторонники «путинского пути» (44%), женщины (39%), лица старше 55 лет (39%), средне-высокая доходная категория (38%), электораты всех парламентских партий (от 38% у КПРФ до 44% у сторонников «Единой России»), жители Центрального (40%) и Сибирского (38%) ФО, жители малых городов (37%) и сел (44%). *Понижен уровень доверия РПЦ* среди сторонников демократии (31%), мужчин (29%), молодежи до 25 лет (27%), высокодоходной категории (30%), Москвы (31%) и средних городов (26-30%).

Иным конфессиям в несколько большей степени доверяют в Приволжском федеральном округе (повышенная доля мусульман) — 6%.

Диаграмма 10
ДОВЕРИЕ ОБЩЕСТВЕННЫМ ОБЪЕДИНЕНИЯМ

«Единой России» в большей степени доверяют сторонники «путинского пути» (38%), малых городов и сел (24%), молодежи до 25 лет (25%), средне-высокодоходной категории (26%). В меньшей степени — сторонники социализма (14%) и «железной руки» (10%), москвичи (8%) и жители Дальневосточного ФО (16%), высокодоходной категории (18%). Повышенные уровни доверия другим партиям наблюдаются только в электоратах оппозиционных парламентских партий.

Ветеранским общественным организациям высок (14%) уровень доверия в старшей возрастной когорте.

«Другим» (экологическим, благотворительным, правозащитным и проч.) общественным организациям чаще доверяют «продвинутые» страты общества: москвичи (13%) и жители Центрального округа (12%), высокодоходная категория (11%), сторонники демократии (11%).

Кластерный анализ

В результате проведения кластерного анализа было выделено 5 кластерных групп, сопоставимых по размеру. Это не «идейные лагеря» и не электораты партий, а скорее различные комбинации сопряжения общественно-политических настроений. Они дают представление о том, как разное восприятие реалий социально-экономической и общественной жизни трансформируется в политические настроения.

В качестве переменных для кластерного анализа¹ мы взяли ответы на следующие 6 вопросов:

1. Каким образом, по Вашему мнению, скажется на жизни в нашей стране ужесточение порядка проведения массовых митингов, демонстраций?
2. Каким образом, по Вашему мнению, скажется на жизни в нашей стране упрощение требований к регистрации и участию в выборах для политических партий?

¹ Методологический комментарий. Кластерный анализ (англ. *cluster analysis*) — задача разбиения заданной выборки объектов на подмножества, называемые кластерами, так, чтобы каждый кластер состоял из схожих объектов, а объекты разных кластеров существенно отличались.

В нашем исследовании использован наиболее популярный из множества методов кластеризации, т. н. «метод k -средних» (k -means). Действие алгоритма данного метода таково, что он стремится минимизировать суммарное квадратичное отклонение точек кластеров от центров этих кластеров:

$$V = \sum_{i=1}^k \sum_{x_j \in S_i} (x_j - \mu_i)^2,$$

где k — число кластеров, S_i — полученные кластеры, $i=1, 2, \dots, k$ и μ_i — центры масс векторов $x_j \in S_i$.

3. Как бы Вы оценили в целом политическую обстановку в России?
4. Как бы Вы оценили нынешнее экономическое положение России?
5. Как Вы думаете, что ожидает Россию в ближайшие месяцы в политической жизни?
6. Как Вы думаете, что ожидает Россию в ближайшие месяцы в области экономики?

Кластер №1: «Путинские консерваторы» (20,5% респондентов).

В целом позитивно относятся к ужесточению порядка проведения митингов и демонстраций и негативно — к упрощению требований к регистрации политических партий. Лучше других кластерных групп оценивают как нынешнее политическое и экономическое положение России, так и перспективы на ближайшие несколько месяцев. В этой группе больше всего сторонников особого, путинского пути России (34,2%). Это самый «женский» и самый «пожилой» кластер.

«Путинские консерваторы» — это ядро «партии власти». Они верят в эффективность власти и приветствуют жесткость режима по отношению к оппозиции. В этой группе 80% голосовало за В.Путина. Не просматривается оснований для эрозии этой поддержки.

Кластер №2: «Умеренные прогрессисты» (22,8%).

Активно поддерживают либерализацию регистрации политических партий (противников этой меры в данной кластерной группе не оказалось). Мнения относительно ужесточения порядка проведения митингов и демонстраций в этом кластере разделились. Оценка нынешнего политического и экономического положения в России близка к средней по выборочной совокупности, а ожидания изменений оказались существенно более оптимистичными, чем у россиян в целом. Можно сказать, что превышение доли позитивных оценок развития ситуации в ближайшей перспективе над долей позитивных оценок текущей ситуации достигается преимущественно за счёт респондентов данной кластерной группы. В этом кластере несколько выше, чем в целом по совокупности, доля как сторонников демократии западного образца (38,4%), так и особого, путинского пути России (30%). Это самая образованная кластерная группа, имеющая доход выше среднего, но не слишком высокий. Им есть что терять, но их

положение неустойчиво. Они видят отрицательные сигналы (о чём свидетельствует их достаточно взвешенная и близкая к средней по совокупности оценка текущего положения дел в политике и экономике), но при оценке будущего представители этой кластерной группы склонны эти сигналы игнорировать, надеясь на позитив. Поэтому для названия этого кластера избран термин, навеянный шутовской «Партией умеренного прогресса в рамках законности», созданной Я.Гашеком в Чехии в 1911 г.

«Умеренные прогрессисты» — на сегодняшний день ближняя периферия партии власти. Их провластная позиция не безусловна, как в предыдущей группе: они хотели бы некоторого смягчения режима, а голосуют за него (поддержка В.Путина на президентских выборах — 74%) поскольку надеются на его эффективность в социально-экономической политике. Среди них много представителей

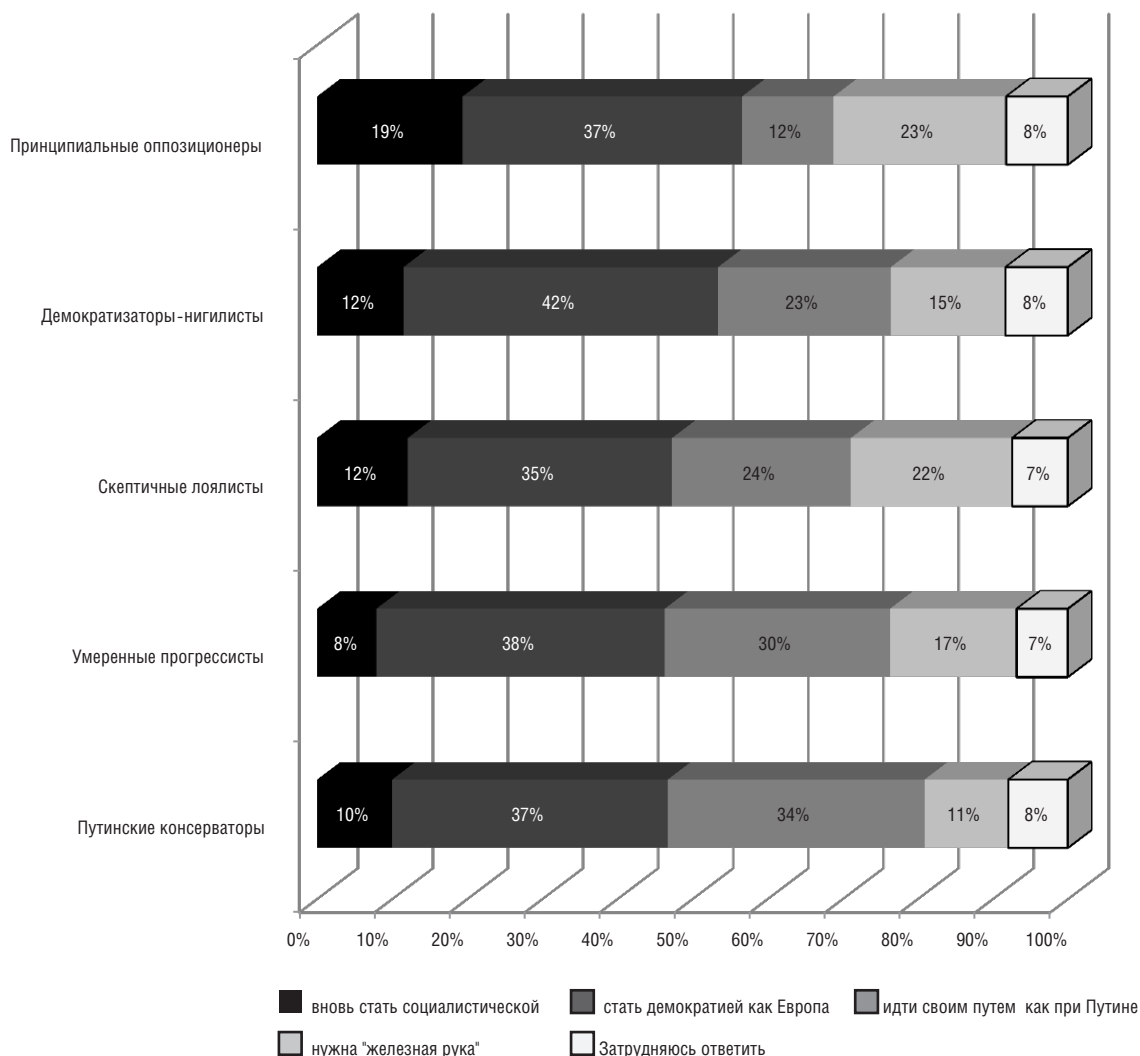
«нижнего среднего класса», которые боятся потерять свой статус и возлагают надежды на власть. *Эволюция настроений этого кластера зависит от того, в какой степени действия власти эти надежды оправдают.*

Кластер №3: «Скептические лоялисты» (18,5%).

Поддерживают любые начинания власти, будь то ужесточение порядка проведения митингов и демонстраций или либерализация процесса регистрации партии. При этом доля сторонников путинского особого пути в данной группе не больше, чем в целом по выборке (23,8% и 24,4% соответственно). Действия власти поддерживаются не потому, что они считаются правильными, а потому что это действия власти. Многим из представителей этого кластера хотелось бы видеть власть более жёсткой: сторонников «твёрдой руки» в этой группе за-

Диаграмма 14

"ВЫБОР ПУТИ" В РАЗЛИЧНЫХ КЛАСТЕРАХ

метно больше, чем среди респондентов в целом (21,5% против 17,6%). Нынешнюю ситуацию в политике и экономике, а также перспективы развития представители этой кластерной группы оценивают критичнее респондентов в целом по совокупности, хотя и не так критично, как представители кластера №5 — «принципиальных оппозиционеров».

Политическое поведение «скептических лоялистов» наименее предсказуемо. По уровню поддержки В.Путина они находятся посередине между двумя лояльными и двумя оппозиционными кластерами. В силу свойственной им авторитарности они хотели бы поддерживать власть как гарантию от «смуты», но она им кажется недостаточно жесткой, к тому же малоэффективной в социально-экономическом плане. *Именно от того, будут ли усиливаться их сомнения во власти по этим двум основаниям, зависит их будущее политическое поведение.* Пока в этом сегменте сильна поддержка В.Жириновского, неплохие для себя показатели имеют Г.Зюганов и М.Прохоров, но именно эта «дробность» предполагает максимальную неустойчивость электоральных симпатий «скептических лоялистов» в будущем.

Кластер №4: «Демократы-нигилисты» (19,4%).

Негативно относятся к любым начинаниям власти: «запреты» им не нравятся, а в либерализацию они не верят, протестам сочувствуют. В этой группе больше всего сторонников демократии западного образца (41,9%), выше всего доля москвичей и высокодоходных граждан. Отношение к протестам в этой группе лучше, чем в целом по выборке, но несколько хуже, чем среди принципиальных оппозиционеров (кластер №5). Оценка нынешней ситуации в политике и экономике и перспектив развития ситуации близка к средней по выборочной совокупности. Это самый «мужской» по составу кластер.

Демократизаторы-нигилисты — это потенциальная демократическая (умеренно-либеральная) оппозиция. По объективным показателям — это самая зажиточная группа. В этой группе максимально голосование за М.Прохорова и С.Миронова. *Поддержка власти в этом кластере тоже, вероятно, будет снижаться, и именно здесь наиболее вероятно, что «электоральное приращение» получат не старые оппозиционные партии, а та новая умеренная оппозиция, которая продемонстрирует максимальную убедительность.*

Кластер №5: «Принципиальные оппозиционеры» (18,9%).

Позитивно оценивают демократические шаги власти (упрощение процедуры регистрации партий) и негативно — недемократические (ужесточение порядка проведения митингов и демонстраций). Критичнее представителей других кластеров оценивают как нынешнюю ситуацию в политике и экономике, так и перспективы её развития. Представители этой группы лучше всего относятся к протестному движению, а доля сторонников особого путинского пути России в этой группе минимальна — 12,2%. Следует, однако отметить, что далеко не все представители этой группы являются демократами. Лишь 37,7% представителей этой группы считают, что Россия должна стать демократией, во многом похожей на западную. Количество сторонников советской модели и количество сторонников «жесткой руки» в этом кластере выше, чем в любом другом (19,4% и 23% соответственно). Много в этом кластере людей старшего возраста.

«Принципиальные оппозиционеры» — электоральная база в первую очередь нынешней «системной» оппозиции. Поддержка В.Путина в этом кластере минимальна (в сравнении с остальными кластерами), Г.Зюганова и В.Жириновского — максимальна. Они негативно воспринимают реальность, хотят «давить» на власть (отсюда — поддержка протестного движения и социальных коллективных действий), либерализационные начинания власти принимают за ее слабость. *Поддержка власти в этом сегменте, очевидно, будет снижаться и дальше, а главными «бенифициарами» этой тенденции, скорее всего, останутся ныне существующие оппозиционные партии (во всяком случае, пока им не бросит серьезный вызов иная оппозиционная сила).*

Сочетание политических оценок внутри каждого кластера (особенно по параметру поддержки или отвержения действий власти) логично коррелирует с электоральным поведением этих групп на президентских выборах. Первые два кластера — это электоральная база власти, пятый и с оговорками четвертый — склонны к оппозиции. Позиция третьего кластера внутренне противоречива.

Результаты кластерного анализа не выглядят оптимистичными ни для власти, ни для оппозиции.

«Ядерная», безусловная поддержка власти относительно невелика. До большинства

ее позволяют «достроить», во-первых, слабость и неструктурированность оппозиции (см. ниже), а во-вторых, благоприятное для власти сочетание мотивов разных «периферий», которые поддерживают ее как «меньшее зло». Однако часть этой периферии хочет некоторого смягчения, либерализации режима, другая — ее ужесточения, и обе внимательно следят за тем, насколько эффективна власть в удовлетворении их социально-экономических ожиданий. Таким образом, для власти в обеих «перифериях» в случае падения эффективности существует риск потери доверия, усугубляемый плохо совместимыми настроениями «прогрессистской» и «авторитарной» составляющих этих периферийных электоратов.

У «традиционной» оппозиции сохраняются достаточно устойчивые ядра, однако значительная часть электората, настроенного к власти оппозиционно, не имеет четкого представителя в партийном пространстве, а без этого практически невозможно формулирование их требований и ожиданий в виде конструктивной программы.

Такая конфигурация политических сил, сложившаяся на старте нового электорального цикла, по определению неустойчива. Ее развитие будет определяться как реакцией общества на социально-экономическую эффективность власти, так и событиями в партийно-политическом пространстве.

7.1. ХОТЕЛИ БЫ ВЫ УЕХАТЬ ЗА ГРАНИЦУ — ЗА ПРЕДЕЛЫ БЫВШЕГО СССР — НА ПОСТОЯННОЕ ЖИТЕЛЬСТВО? (в % от числа опрошенных)

	1990	1991	1992*	1992*	1993*	1994	1995	1999	2000	2009	2011	2012	2013
Хотел бы/да	11	18	15	13	15	11	12	16	21	13	22	20	22
Не хотел бы/нет	69	69	66	77	72	76	77	66	75	80	73	73	70
Затруднились ответить	19	14	19	10	14	13	11	18	4	6	5	8	9
Число опрошенных	1708	2805	1566	1651	1800	2000	2550	2000	2400	1600	1600	1600	1600

7.2. В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СЕЙЧАС ГОТОВЫ К ТОМУ, ЧТОБЫ УЕХАТЬ ЗА ПРЕДЕЛЫ БЫВШЕГО СССР НА ПОСТОЯННОЕ МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА? (в % от числа опрошенных)

	1992	2009	2011	2012	2013
Собираю, оформляю документы на выезд	0	1	1	1	0
Принял твердое решение уехать	0	1	2	3	1
Обдумываю возможность выезда	3	3	6	5	5
Иногда подумываю над этим	18	19	21	17	17
Никогда не думал об этом	79	78	69	68	73
Число опрошенных	1651	1600	800	1600	1600

Алексей ЛЕВИНСОН

Российское общество до и после 2012 года*

2012 год как исторический

2012 год, как это бывает с годами, которым предстоит войти в историю, начался не в новогоднюю ночь, а за несколько месяцев до этого, осенью календарного 2011 года. Тогда тысячи граждан стали готовиться к контролю за проведением голосования на выборах в Думу, которые предстояли в декабре. Опасение, а то и убеждение, что на выборах будут фальсификации и махинации, имели не только эти энтузиасты, но до 30% рядовых избирателей. И для них это не было в новинку. Такие же ожидания российский электорат имел и накануне предшествовавших выборов в парламент. Тогда тоже ожидали фальсификаций¹, после выборов соглашались, что они имели место, но результаты выборов считали не подлежащими ревизии.

Наблюдатели от разных партий были и на предшествовавших выборах. Это их свидетельства о махинациях на выборах 2009 года в городскую Думу Москвы наделали столько шума, что даже президент Медведев высказался в том духе, что надо бы разобраться. После тех выборов появились основания подозревать, что предел терпения москвичей близок. Чувствующие атмосферу люди это поняли и начали готовить кадры наблюдателей к встрече с этой практикой электоральных махинаций. Подготовку стали вести — это исключительно важно для ее эффективности — не в партиях, а в рамках имеющихся и созданных специализированных организаций. Из их числа главными были «Голос» и «Гражданин наблюдатель». Они ставили перед активистами цель не политическую (помочь «своим» кандидатам), но гражданскую (помешать тем, кто такое замышлял). Без преувеличений можно сказать, что исторические

события последующего времени были «заряжены» именно этими организациями. Правда, не меньше резона будет сказать, что они были предопределены примерно тогда же теми, кто формировал избирательные комиссии, давал им указания о том, как получать требуемые результаты голосования.

Гражданское общество и бюрократия готовились к встрече на избирательных участках. Опираясь на наши интервью с наблюдателями, можно утверждать, что их цель состояла не только в фиксации нарушений (как это получилось), но прежде всего в их недопущении.

Наличие тысяч наблюдателей, наличие скоординированности и организованности в их действиях, наличие у наблюдателей технических средств для фото- и видеофиксации злоупотреблений и, далее, наличие интернета, куда были выложены эти свидетельства и где они были увидены миллионами людей, кардинально отличает эти выборы от предыдущих, хотя масштабы махинаций были, как говорят опросы избирателей, не больше предыдущих.

Названные выше факторы сделали фальсификации не предметом подозрений и догадок, а фактом для миллионов российских избирателей — зрителей и читателей интернета. Присутствие тысяч наблюдателей лишь частично (как потом выяснилось) воспрепятствовало или пресекало фальсификации. Цель — обеспечить за счет присутствия наблюдателей честность и чистоту выборов, оказалась недостижимой. Организаторы фальсификаций, за которыми стоял т.н. административный ресурс, оказались сильнее наблюдателей, которые опираясь на ресурс гражданского общества, пытались их предотвратить. Им это не удалось, но они — неожиданно даже для самих себя — добились совсем иного результата, превратившего их поражение в небывалый успех гражданского общества. Их спонтанная, но массированная информационная атака лишила данный предмет возможности умолчаний и игнорирования, как это было с фальсификациями в прошлом. Общественному мнению пришлось принять фальсификации как факт. Сама их демонстрация превратилась в публичное событие.

* Использованные в тексте данные социологических исследований все взяты из результатов регулярных опросов Левада-центра по репрезентативной выборке взрослого населения РФ (1600 чел.) Результаты, если не оговорено иное, приводятся в процентах от общего числа опрошенных. Также использованы материалы личных интервью и групповых дискуссий, проводившихся Левада-центром (при участии автора) в описываемый период.

¹ Ожидали, что выборы в ГД будут «грязными» в 2003 г. — 50% и более, в 2007 г. — 33%, в ноябре 2011 г. — 42%. Ожидали «подтасовок результатов ... местными, региональными комиссиями» в ноябре 2007 г. — 28%, в ноябре 2011 г. — 31%.

Вопрос о масштабах фальсификаций заслуживает внимания, поскольку стал предметом острых дискуссий, затрагивающих в том числе репутацию Левада-центра. Первые публикации в интернете самих уличающих свидетельств были настолько массовыми, что до и без подсчетов родили у части общественности убеждение, что такие выборы нельзя считать законными, какой бы результат ни был объявлен официально. Затем были опубликованы подсчеты организаций наблюдателей прежде всего по Москве, где плотность сети наблюдателей была наибольшей.

Организация и размещение наблюдателей на избирательных участках дают определенные возможности для статистической оценки (путем экстраполяции) доли и объемов фальсификаций. Опубликованные этими организациями оценки сразу стали фактом общественного сознания. Гражданское и политическое значение этих оценок огромно. Они дали широкой общественности сознание права объявить выборы и их результаты незаконными.

Центризбирком как инстанция, формально отвечающая за соблюдение законности на выборах, опубликовала в свое время собственные оценки фальсификаций и они были настолько малы, что законность выборов под сомнение не ставили.

Общественность, как показали опросы Левада-центра, эти оценки ЦИК не убедили. Важно при этом, что официально объявленные результаты, как и в прошлые разы, значительной долей россиян были признаны, хотя и факты махинаций ими признавались тоже. Для этой части российского электората выборы — не гражданский акт, а символическая акция по демонстрации всем и себе их лояльности действующей власти и подтверждение ее мандата на правление. Для них источник власти — в самой власти, а не в них, ее подданных. Они живут не по Конституции РФ, а по собственным неформальным представлениям о себе и власти, согласно которым власть априорно имеет право править, а потому и игнорировать высказанные ей претензии по нарушению процедуры.

Для части электората, видящей себя не подданными, а гражданами, и считающих, в соответствии с Конституцией, только волю граждан источником легитимной власти, обнаруженные свидетельства нарушения избиркома этой воли (и особенно — формально выраженные в числе) имели, повторим, важнейшее значение аргументов для объявления выборов и их результатов незаконными. Лживыми и в свою

очередь незаконными являлись в их глазах вышеупомянутые оценки и выводы ЦИК о нарушениях.

В этом контексте появление оценок нарушений, подсчитанных в Левада-центре на основании опросов избирателей, и оказавшихся существенно более низкими, чем оценки наблюдателей и тех, кто косвенными способами вычисляли объемы нарушений, было воспринято этой частью общественности как намеренный подрыв их аргументов и поддержка аргументов ЦИК. Левада-центр позже опубликовал свои объяснения этих расхождений. Но социальным фактом во всем полномесном значении этого слова приходится считать эту реакцию разочарования.

Используемые автором качественные методы исследования не позволяют оценивать (измерять) масштабы собственно фальсификаций, но позволяют оценивать социальный эффект фальсификаций и их разоблачений.

Вначале два слова о функциях фальсификаций. Наименее интересна в нашем анализе их прямая инструментальная функция — изменить результаты выборов. От общества фальсификации считаются скрытыми, считается, что оно реагирует лишь на объявленные итоги. Значит, фальсификации, пока они не обнаружены, социального воздействия не оказывают. Более интересна их социализирующая функция. О ней кое-что говорилось после выборов. Речь идет об измеряемом шестизначным числом отряде членов избирательных комиссий. Они, как известно, в основном рекрутируются из среды учителей местных школ. Понятно, что в свое время выбор именно этой социально-профессиональной категории для исполнения подобных функций диктовался суммой практических, почти житейских соображений. Но существенно, что теперь ни у кого из тех политических руководителей страны, кто был в состоянии оценить масштабы вовлечения учительства в эти безнаказанные нарушения уголовного законодательства РФ, не возникла мысль о том, какое количество людей, готовых нарушать закон, они выпустят из своих классов. Говоря другим языком, какое огромное и долгосрочное повреждение нравов будет следствием.

И, наконец, о третьем социальном эффекте.

Он достигается с помощью не собственно фальсификаций, а с помощью их той или иной демонстрации. Известно, что значительная часть махинаций совершалась почти или совершенно открыто. Их могли заметить не только

специально за тем поставленные наблюдатели, но и рядовые избиратели. Объяснять это обстоятельство психологическими причинами, как это делали избиратели (мол, члены избиркомов «обнагтели», «им на нас плевать»), мы не будем. За массовостью этих проявлений стоит видеть их функцию. Насколько осознанно ее исполняли те, кто исполнял, не существенно. Это функция не членов избиркомов, а системы. Функция состоит в демонстрации (а не сокрытии) нарушений. При этом важно, чтобы у видящих не исчезало понимание, что то, что они видят – нарушение.

Суть этой демонстрации во внушении мысли избирателям, что от их голосования ничего не зависит. Иначе говоря, от их гражданского поведения не зависит характер власти в стране. Этот эффект достигается средствами демонстративного цинизма. Оставляя избирателям возможность уличить избирательные комиссии, заметить акты злоупотреблений, власти посылали добровольцам-наблюдателям, а также всем, кто сочувствовал им, свой месседж: «Да, мы нарушаем закон. Мы не соблюдаем не только правила проведения выборов, в чем вы нас уличили. Мы игнорируем те высшие законы (законы страны, международные законы, законы совести и чести), к которым вы собираетесь апеллировать. Поэтому у вас нет на нас никакой управы. Вы думали что, у нас право силы, зато у вас сила права – у вас нет и ее». Это известный прием: путем демонстрации произвола происходит внушение ужаса и принуждение к подчинению. (По сути, таков же механизм террора). Так достигается подчинение не на основе признания подчиняемыми законности требований, а, напротив, в силу их нарочитой незаконности. Потому фальсификации были сделаны массовыми по широте их распространения. Для этого эффекта важен именно этот показатель, а не их суммарная глубина, (которая, в основном и дебатировалась в дискуссиях о размерах фальсификаций).

Когда массовый масштаб фальсификаций стал ясен, он вызвал ожидаемый испуг у одних и возмущение у других. В отношении части граждан этот эффект запугивания произволом не сработал. Ресурсу произвола они противопоставили ресурс открытого протеста, т.е. ответного нарушения некоторых конвенций относительно подчинения властям.

Надо заметить, что эффект возмущения (по крайней мере, в столице) также ожидался властями. То есть, они планировали не только фальсификации, но и силовой ответ на вызван-

ные ими массовые реакции протеста. Известно из официальных источников, что силы линейных подразделений МВД в Москве были фактически удвоены за счет иногородних еще накануне выборов (не накануне митингов!).

Итак, несколько тысяч возмущенных граждан в Москве вышли на спонтанный митинг 5 декабря. Митинг ожидаемым образом был разогнан полицией с применением насилия. Некоторые активисты задержаны и подвергнуты административному аресту.

Однако силовой ответ на протест не привел к его гашению. Напротив, реакцией на него стал спонтанный же процесс организации нового митинга. Он открыто шел в интернете и имел существенные признаки процесса самоорганизации. Репрессии вызвали взлет симпатий к арестованным, силовой разгон вызвал у множества граждан не желание воздержаться, а напротив, желание участвовать и лично выразить протест и против фальсификаций, и против репрессий. Эта смелость тысяч была новостью, полная открытость, публичность подготовки протеста была второй новостью, самоорганизация была третьей новостью¹.

Когда-нибудь мы узнаем, как и кем принималось решение разрешить назревавший митинг и не использовать силу против сложившегося на глазах протестного движения. Узнаем, было ли потом сочтено это решение ошибкой, пришло ли понимание, что оно было в своем смысле историческим.

Так или иначе, на зримый рост мирного протестного потенциала власть не ответила решением применять репрессии. При желании можно увидеть в этом «всего лишь» готовность соблюдать Конституцию РФ, гарантирующую народу право на мирные демонстрации, но реально вся ситуация конфликта была вне конституционного поля. Это была зыбкая почва противостояния сил и воля, процесс выработки на ходу неких моментальных конвенций, частью путем переговоров, частью вслепую. Возникла ситуация, когда взаимодействовали стороны, не принимавшие взаимных претензий на легитимность, но принимавшие силу друг друга как факт реальности. Это было важно. Еще важнее, что обе стороны, угрожая друг другу насилием, все же тогда разделяли ценность

¹ Прошедшая за год до этого массовая акция фанатов-националистов на Манежной площади также готовилась в интернете, но это было действие небольших уже вполне сложившихся организаций националистического толка, поднявших тоже уже существовавшие массовые фанатские организации. Спонтанности и самоорганизации в указанном смысле там не было.

гражданского мира, согласно боялись открыто-го массового насилия.

Применяя слово «стороны», мы задаем представление о них как о единых и интегрированных образованиях. Нам не известно, насколько едины и скоординированы были действия силовых ведомств и подразделений, спекулировать на эту тему мы не будем. Что касается участников митингов, то мы можем констатировать, что общая степень их самоорганизации и самоуправления была чрезвычайно высокой. Но не было других привычных форм единства. Наименьшей, что крайне интересно, была мера зависимости поведения основной массы от слов и действий тех, кто формально и неформально выделялся в качестве лидера или претендовал на такую роль. Именно с их стороны звучали слова о том, что «мы возьмем Кремль». Масса не демонстрировала ни таких намерений, ни массовой поддержки этой инициативы. Да и многих иных — кроме собственно инициативы протеста. Но последняя не принадлежала лидерам или претендентам на эту роль, она принадлежала массам как субъекту. И наблюдения на месте и опросы, проводившиеся Левада-центром на митингах, показали, что митинги и шествия принадлежали к общностям ранее не встречавшегося в России «безлидерского» типа. Все, кто претендовал на традиционную роль вождя масс, не преуспели. Наиболее уважаемыми участниками устойчиво называли не политиков, а людей с неким авторитетом и заслугами в сфере словесности, искусства. От них не ожидали и не получали организационных и политических директив, разве что идеи вроде «контрольной прогулки» по бульварам.

Организация митингов и шествий обеспечивала в большинстве случаев высокую меру дисциплины участников и соблюдения неких ментальных правил и конвенций. Она не могла обеспечить контроль за действиями отдельных активистов, которые — как правило, после формального окончания митингов — предпринимали отдельные акции протеста и подвергались задержаниям. Она не могла гарантировать и защиту от внедрения провокаторов. Версия о том, что стычки с сотрудниками силовых ведомств на шествии 6 мая были затеяны провокаторами, для тех, кто, как автор, имели возможность наблюдать эти события собственными глазами, представляется наиболее правдоподобной. Дальнейшая переквалификация этих событий в «массовые беспорядки», и далее в повод для изменения политического климата в стране лишь

увеличивает это правдоподобие. В свете изложенных выше представлений о существовавшем некоторое время взаимном признании сторон и их согласии по поводу ценности гражданского мира, надо сказать, что такое развитие, где не ей принадлежала инициатива, было сочтено властью, как видно, для нее опасным, и она перевела ситуацию в более привычное русло безусловного силового диктата.

Призраки цветных революций, призраки арабской весны, конечно, присутствовали в умах людей, но как показывали вскоре проведенные исследования Левада-центра, ошибались те, кто видел причины и драйверы этого процесса вне московской и российской социальной среды. Ошибочны теории влияния чужих примеров, ошибочны и теории влияния чужих советчиков, тайных организаторов. Эти объяснения, кем бы конкретно они не формулировались, по смыслу суть варианты самозащиты власти. Они мотивируются ее страхом признать, что на самом деле это ее собственные поступки были генератором протеста. Здесь главное — ее желание уверить себя, что если бы не внешние влияния, ей бы сошло с рук то, как были проведены выборы.

Массовость митинга 10 декабря на Болотной площади поразила всех, в первую очередь самих участников. Прямой противоположностью классической «одинокой толпе» (правильнее — «толпе одиноких») стало сообщество собравшихся на Болотной площади. Пришедшие туда одиночки и члены небольших компаний, обнаружили, что они никакие не одиночки и не маргиналы, а члены большого единообразно чувствующего и единообразно ведущего себя целого. В тот день в Москве впервые явило себя самому себе общество граждан, в этом смысле — гражданское общество, а вернее, собственно *общество*. Эффект был сильнейшим. Как социальный феномен он в должной мере не изучен и не оценен до сих пор. Его политическое значение было оценено сразу, и оценено Путиным неверно. Сочтя собравшихся маргиналами и решившимися на протест его подданными, Путин выразил это иронией и скабрёзными шутками, оскорблениями в адрес собравшихся.

Путин не имел в виду диалога власти с оппозицией. Но он состоялся, и притом в форме, которая стала для Путина наихудшей. На его малоудачные шутки, унижающие достоинство протестантов, площадь ответила небывалым взлетом креативного фольклора, возвращавшего президенту его оскорбления тысячекратной сторицей. Самым главным здесь было то, что

коллективный субъект, которым стала публика на площади — сперва на Болотной, через две недели на проспекте Сахарова — четко обозначил свое место не под, а над президентом. Шутки, которыми ему отвечали, все исходили из социальной конструкции, в которой моральное превосходство было, безусловно, на стороне протестующих.

Надо подчеркнуть эту в буквальном смысле моральную революцию. С самого начала путинского правления у него были в публике критики и недоброжелатели. Зачастую они выражали свое отношение в язвительных шутках, которые расходились в публике. Но то были традиционные формы российского отношения к власти, когда символическое дистанцирование от нее не нарушает базовое отношение — вы власть, мы подданные, пусть и недовольные подданные. Суперпозиция путинской власти всегда была данностью. Это сломалось. Именно после этого толпе стало легко скандировать лозунги, в которых президент назывался «вором», и в которых требовали его ухода, — поступки немыслимые для существовавшего до тех пор отношения к первому лицу.

Первые же интервью с офицерами сил правопорядка, проведенные нами в ходе этих митингов, показали, что на площади, по их оценке, собрались «рассерженные граждане». Собравшиеся себя квалифицировали точно так же — как граждан. Это — ввиду просчета Путина в позиционировании себя — ставило их, повторим, не вровень с президентом, а над ним. На этих митингах, переведших страну в 2012 год, был положен конец первой путинской эпохе как вполне особой социальной конструкции, в которой российское общество просуществовало десять лет. Уже потому этот момент надо считать историческим.

О подданных и гражданах, о среднем классе

Стоит внимательно присмотреться к упоминаемому различию между «подданными» и «гражданами». Российская традиция политической культуры порождает и то, и другое отношение к власти. В нынешних обстоятельствах интересно то, что под оба этих культурных направления подошла новая социальная подоснова.

Подданство имеет теперь двойную базу:

1. Экспектации советского патернализма/иждивенчества, которые живы, несмотря на два десятилетия фрустраций, и являются — в случае востребования — сильным социальным ресурсом.

2. Выращенная за эти же два десятилетия новая бюрократия (все живущие на гос- или муниципальные зарплаты). Это мощная стратифицированная социальная группа. Это она — опора режима, а не «средний класс». (Она своей зажиточной частью смыкается с буржуазией, срастается с ней, и образует — характером потребления, и только! — аналог среднего класса. Но идеологией middle class'a она не обладает).

Гражданство из культурного феномена превращается в социальное, в социальную силу и политический ресурс в последнее время. (Далее мы будем обсуждать тему т.н. социального договора власти с обществом. Забегая вперед, отметим, что именно современные граждане хотели бы вступить в договорные отношения с государством, но оно им в этом твердо отказывает).

Граждане, по-другому, автономные индивиды, появились в последние годы в результате действия двух встречных процессов. Эти процессы оба формируют постиндустриальную ситуацию в России, формируют сервисную экономику.

Один процесс — такой же, как во всем глобализующемся мире. Это импорт зарубежных технологий, прежде всего — информационных, и импорт институтов, основанных на них.

Второй процесс специфичен для России и ряда других постсоветских стран. Постиндустриальная ситуация образовалась в них ввиду коллапса индустрии, прежде всего — ВПК. Индустрия и индустриальные отношения не были здесь изжиты и вытеснены более конкурентоспособными отраслями и видами производственных отношений, но рухнули в силу внеэкономических причин. Высвобожденные ресурсы в виде производственных площадей и работников за неимением других возможностей были приспособлены под использование в экономике услуг. Первые шаги этой экономики делались на технологически очень низком уровне. Основной вид труда, который там использовался, был простой ручной труд. Основная деятельность — мелкооптовый импорт и розничная торговля. Моментальная польза от этого была: низкая производительность обеспечивала высокую трудоемкость, значительная часть рабочей силы была занята. Отсутствие массовой безработицы смягчало социальную остроту момента.

Постепенно развивалась экономика услуг и обслуживания. Появились ее собственные институты, на обслуживание экономики обслуживания стала работать, в частности, сфера высшего образования. Возник многочислен-

ный слой наемных работников, занятых в этой сфере, как низовых исполнителей, так и руководителей (менеджеров) разного уровня. Часть из них работает в достаточно жестких условиях, будь то небольшой магазин или огромная компания. Эти люди воспринимают себя как «подчиненных», и они сказали о себе: «офисный планктон», «хомячки», «овощи». Однако в рамках той же сервисной экономики, которая заняла значительное место в российском социальном пространстве, в наибольшей степени состоялась дифференциация функций и социальных ролей. Там — максимум социальных ниш, дающих определенную степень свободы. Там — максимальное число людей, которые в тех или иных пределах могут распоряжаться собой, своим временем, иногда и своими средствами. Назвать их в силу одного этого «свободными людьми» все же язык не повернется, но занять позиции «граждан» это им помогло.

Другим социальным локусом, где могут найти себя «граждане», является пенсионный возраст. Известно, что пенсионеры в России — наиболее политически активная группа людей. Принято считать ее политически наиболее консервативной. Но в составе участников маршей и митингов протеста в Москве всегда было заметное число лиц пенсионного возраста, и это — максимально свободные люди, это люди, которые ведут себя или хотят вести себя как граждане.

Примерно то же можно сказать о студенчестве. Особенностью России с самого начала социальных перемен еще в 1980-е годы было то, что студенчество, которое в европейских странах являлось наиболее активной политической силой, у нас себя так отнюдь не проявляло. Аполитичность, пассивность, а также повышенная лояльность любой данной власти характеризовали студенчество до самого последнего времени. В студенческой среде, безусловно, были и весьма политически радикальные элементы разного толка, но они всегда были маргиналами. В описываемый период в студенческой среде появилась прослойка, включившаяся в демократическое движение.

Являются ли описанные группы собой средний класс? Отчасти — да, но только отчасти. Их принадлежность к «гражданам» сильнее и социально важнее, чем их принадлежность/непринадлежность к среднему классу. Средний класс как класс (если считать, что такой существует), вел себя совсем иначе. Наши исследования показали, что большинство тех россиян, кого по имущественным признакам обычно причисля-

ют к «среднему классу», не одобряли протестные митинги и марши. (Что не отменяет того факта, что среди участников митингов люди такого достатка образовывали ядро и были представлены в составе митингующих более сильно, чем в населении Москвы).

Можно ли назвать «граждан» словами «креативный класс», говорить, как это делали многие, что «креативный класс вышел на улицы в 2011-12 гг.»? Думается, не следует. В дискуссиях в интернете и оффлайн достаточно много сказано о том, что в России его просто нет. И ясно почему: рабочие места для креативных работников, которые могут составить класс, появляются только там, где ведутся авангардные разработки в той или иной области. Число областей, в которых у нас имеются авангардные позиции, и число рабочих мест там так мало, что говорить о «классе» не стоит. Но даже если он есть, то будет ошибкой считать, что именно такой класс вышел с протестом. Поскольку из такого заключения следует вывод, что нечестные выборы и прочие социальные проблемы мешают только «креативным» личностям, а остальным — нет¹.

Мы считаем нужным возражать против самого подхода: определять какой именно класс вышел с протестом. Мы полагаем, что категория «класс» как тип социальной общности, в какой бы социологической традиции его ни определять, не релевантна анализируемой социальной ситуации. Люди выходили защищать не интересы своей отдельной социальной группы, своего класса. Фальсификации на выборах касались всех, и протест шел от имени всех. С протестом, стало быть, вышел не класс, а общество. В случае Москвы будет правильно сказать: вышел город. Это другой, нежели класс, тип социальной агрегации. Гораздо правильнее в социологическом отношении видеть, что протестующие — это «граждане» (изначально это и значило — горожане).

Практика протестных движений в последние годы показывает, что в дополнение к протестам людей, лишившихся каких-то материальных благ (жилья, земли, вкладов), добавились протесты против действий, нарушающих достоинство людей. Таковы движения «синих ведерок», другие движения автомобилистов,

¹ Сказанное сейчас не противоречит сказанному ранее о высокой креативности публики на площади. Дело не в том, что креативные личности вышли с протестом, а некреативных все устраивало, и они остались дома. Массовый взлет творчества создан не за счет особых способностей участников, а за счет особого состояния, которое их объединяло.

движения против точечной застройки, против вырубания общедоступных лесопарковых зон.

Отличительной чертой этих протестов было то, что главным стали не действия, против которых протестовали, а сами действия протеста. Причины протеста — не в возникновении новых поводов для него. Объяснения пытались искать опять-таки в появлении нового социального носителя протеста. Его нашли в «зажравшихся». В более мягкой форме идея выражается так: пока люди были заняты тем, чтобы прокормить себя и семью, им было не до синих мигалок и нечестных выборов. Но вот накопился (в столицах) слой, который удовлетворил свои материальные потребности, и он обратил внимание и на явления морального порядка.

Иногда в подтверждение ссылаются на Маслоу, мол, и его теория это объясняет.

Так понятую теорию Маслоу, за которой у нас чаще видят фразу Маркса о том, что человек сначала должен есть, пить и одеваться, а потом уже философствовать, следует считать образцом вульгарного экономического детерминизма. Но дело не в неправильно выбранной теоретической схеме для объяснения. Суть этой конструкции в том, что причину протеста находят в морали протестующих, и саму эту мораль ставят при этом под сомнение. Квалификация их же как «зажравшихся» или «бесящихся с жиру» — в отличие от бедного большинства, которому фальсификации выборов не мешают — позволяет их морально уничтожить как оппонентов власти. По сути дела ту же роль (только более скрытно) играет и уже обсуждавшееся их определение как «среднего класса», ибо все знают, что у нас средний класс это не средний россиянин, а некто гораздо более зажиточный, чем он.

Всплеск протестов, на наш взгляд, объясняется сочетанием двух причин.

Главная причина состоит в том, что за годы правления Путина численно вырос класс (действительно, класс) бюрократии и, главное, этот класс вырос социально. Его совокупный статус стал гораздо выше, что выразилось, в частности, в том, что он заявил свои претензии на то социальное пространство, на те ресурсы и блага, которые ранее принадлежали «всем»¹.

¹ В декабре 2011 года 60% россиян требовали, чтобы «власть была поставлена под контроль общества», значит, по их мнению, она была бесконтрольной. Характерно, что тогда же граждане указали, что «высокие зарплаты чиновников» вызывают у них раздражение в 1.6 раз чаще, чем «высокие доходы олигархов».

По сравнению с началом путинской эпохи, указывают россияне, «влиятельная бюрократия и чиновники стало больше» (ответ 47% в январе 2012 и 45% в феврале 2013), и «стало больше коррупции и воровства в руководстве страны» (50% и 51% соответственно)

Другая причина — появление независимых людей, о которых шла речь выше. Эти люди от остальных отличаются не столько повышенной чувствительностью к несправедливости, сколько своей позицией граждан — т.е., хозяев общего социального пространства.

Начало второй путинской эпохи

Серия акций — митингов, ралли и шествий, продолжавшихся вплоть до зимы 2013 г., показала, что московский протест стал институтом, т.е., устойчивой формой социальной организации.

Стоит вспомнить о кратчайшем политическом миге, когда власть (близкая «Центру», но не сам «Центр») попробовала позитивно ответить внезапно показавшему силу либеральному крылу общества. Из самых первых заявлений нескольких высших государственных лиц вырисовывалась перспектива конструктивного диалога власти и оппозиции.

Можно представить, что какие-то другие силы в «Центре» были напуганы этой перспективой как таковой. Но представляется, что для взаимоотношений между привластными группировками важнее иное. В таких ситуациях та из них, которая решилась на подобный шаг и вступила в переговоры с бунтовщиками/повстанцами, приобретает большой политический вес среди «своих», поскольку именно она оказывается в некотором смысле признанной восставшим «народом». А это придает ей своего рода новую легитимность, безусловно умаляющую легитимность «Центра». Этим можно объяснить, что все, кто рискнул выразить мнение: «к ним надо прислушаться», либо понесли наказание и лишились места, либо были принуждены заявить нечто противоположное. А переговоры, которые провел «все-еще-президент» Медведев с оппозицией, были сделаны нарочито бессмысленными, компрометирующими и его, и оппозицию. Это было нужно, чтобы не разрешить Медведеву получить от них какой-либо политический дивиденд, того менее — мандат лидера нового типа, поведшего диалог с народом и в перспективе признанного им.

Диалог с властью не состоялся, но движение не спадало. Более того, оно демонстрировало все новые формы самоорганизации. Наблюдателям становилось ясно, что эта социальная организация, которую родило движение протеста даже и без ее оформления в обычный политический формат партии, в принципе способна попробовать взять на себя управление страной. Само движение и его интеллектуальная ком-

понента только начали подходить к подобной мысли. Осознавшая это власть решила пресечь тенденцию и начать идеологическое и силовое сопротивление протесту.

Мелкие точечные потасовки демонстрантов с полицейскими на шествии 6 мая (не идущие ни в какое сравнение не только с регулярно показываемым по ТВ схваткам с полицией в Европе, Азии и Америке, но и с событиями на Манежной в декабре 2010 г.), кем бы они ни были спровоцированы, были превращены в повод для разворачивания пропагандистской контр-кампании и серии репрессий. События массового протеста стали называться «массовыми беспорядками». Им срочно подыскивали организаторов извне. Используя столь же незначительный повод в виде акции протеста, разыгранной в Храме Христа Спасителя, власти попытались отомобилизовать себе в помощь РПЦ и все фундаменталистские силы в обществе. На место наметившейся общественной консолидации вокруг демократических сил протеста¹ власти попытались организовать консолидацию вокруг антидемократического фундаменталистского ядра. Это можно считать началом второй путинской эпохи, и явление тоже имеет шанс стать историческим.

Но 2012 год не будет признан историческим, если в ближайшем будущем его затмят процессы, которые начали развиваться на его протяжении, и не получили завершения. Одна возможность — если в ближайшее время начнется активизация гражданского движения, которое мирным образом трансформирует существующий политический режим в сторону свободного рыночного общества. Такую вероятность нельзя исключать, но на момент написания этих строк она была очень незначительной. Другим вариантом может быть развитие тенденций по «закручиванию гаек» в настоящую политику с последующим запуском спирали репрессий и неизбежным коллапсом всей системы в недалекой перспективе. Вероятность такого развития событий на момент написания этих строк была выше, чем перспектива модернизации, но еще не являлась неизбежностью.

Режим «застрял» между этими стратегическими перспективами, и, по всей видимости, будет стараться не выбирать стратегию, а остаться в состоянии поминутного тактического реагирования. Если удастся растянуть эту фазу надолго (на три года, например), то

¹ «Нормальным демократическим средством» их считали в 2011-2012 году 48%-54%, их лозунги против Путина и ЕР одобряли до трети россиян по всей стране.

2012 год тогда войдет в историю как открывший этот период, этот путь беспрецедентными всплесками акций и реакций, не приведшими, тем не менее, к историческим сдвигам.

Этот путь предполагает попеременное «перекладывание руля», игру на смене жестов с консервативным и либеральным знаком, посылку сигналов приободрения разным силам на внутренней и внешней политической арене. На самом деле это — обычное политическое лавирование не очень сильной власти между политическими группировками, от которых она зависит. А нынешняя власть России именно такова.

Мы согласны с теми, кто полагает ее неистинно-тоталитарной или не-абсолютно-автократической. Напротив, в этой системе власти (речь не идет об одной лишь персоне В. Путина, но именно о власти, как институте, осуществляющем управление страной, мы назвали это образование словом «Центр») не менее существенным обстоятельством, чем зависимость «Центра» от нескольких группировок, является их зависимость от него. При этом на данный момент не только «оппозиция» не способна взять власть и осуществлять управление страной. К этому не готовы, и на это не способны ни одна из группировок, от которых зависит центральная власть. Эти группировки, находясь в антагонизме и конкурируя за дефицитные ресурсы, доступ к которым обеспечивает им центральная власть, не имеют достаточной силы, чтобы какая-нибудь из них одержала победу над другими.

Читатель, вероятно, ждет, чтобы эти группировки были названы их привычными именами или обозначены по известными фамилиям. Автор не видит ни возможности, ни главного, необходимости в таком перечислении. Персональный состав и конкретные интересы в этой среде находятся и должны находиться в непрерывном взаимопереплетении, взаимоперетекании. Этим определяется как сама возможность вышеназванного политического лавирования «Центра», так и его сложность, непрерывная рискованность. С точки зрения анализа главным представляется указать на сам характер взаимозависимости этих группировок, которая реализуется только и исключительно через «Центр» как место принятия важных для них политических решений.

Куда большей определенностью, скорее даже ригидностью обладают внешние политические лагеря или силы, в символическом потакании которым заключается такого рода политика.

В оформлении второй путинской эпохи пиар и медиакампании пока играют более важную роль, чем действия законодателей. Но в отличие от кампаний на телевидении, которые можно по одному приказу прекратить, законы, изданные Думой по случаю, могут иметь действие неопределенно долго и в условиях, которые законодателями не имелись в виду. В этой связи надо сказать о первой и второй реакции Думы на требования площади. Вряд ли правы те, кто находит в первоначальной поспешности действий Думы, разрешившей зимой 2012 г. многопартийность и т.п., испуг, вызванный «волной народного гнева». Через полгода, когда для первоначального испуга уже не было повода, Дума работала с такой же скоростью. Не стоит также думать, что власти пошли тогда на попятный. Принятые законы ни в одном случае не были уступкой актуальным требованиям оппозиции. Это был типичный для политики последнего времени «ассиметричный ответ». Другое дело, что тактика ассиметричного ответа оказалась неэффективной для гашения волны, и к лету Думу перевели на режим ответов не только симметричных, но и «точечных». На каждое изобретенное креативным протестным сообществом протестное действие Дума принимала запретительный контр-акт. Законодатели технически реализовали функцию ре-акции, т.е. акции в ответ на акцию. Так они внесли свой вклад в оформление второй путинской эпохи.

Зададимся несколькими важными вопросами, и подумаем, какой ответ на них находят в обществе. Вот эти вопросы:

Желает ли перемен нынешняя властная группа? Ответ: скорее нет, чем да.

Есть ли у нее сильный конкурент, претендующий на власть? Скорее нет, чем есть.

Развивает ли оппозиция давление, достаточно чтобы курс изменился в желаемую ею сторону? Скорее нет, чем да.

Вместо этих факторов действует иной: реакция на действия и планы оппозиции и инерция этой реакции. Уместен вопрос о том, встретит ли наметившееся движение какие-либо препятствия, если да, то какие и когда.

Первое возможное препятствие: возмущение либеральной части общества. Оно уже имеется и будет нарастать. Результат: усиление реакции.

Второе возможное препятствие: отрицательная реакция Запада. Результат: Правительство будет осторожнее, Дума лишь увеличит активность в том же направлении.

Третье возможное препятствие: протест массовых городских слоев. Весьма вероятен, но не теперь. Испытание фундаментализмом должно состояться, довести общество до экцесса, тогда наступит отказ и возвращение к пролиберальным позициям.

Четвертое: появление среди крупных бизнесменов, имеющих бизнес в РФ, сильной группировки «молодых менеджеров», которым нужен либеральный климат, более тесные отношения с Западом. Вероятно, но у нынешней правящей группировки вполне достаточно сил, чтобы обойтись без них.

О социальном контракте и рейтинге Путина

В последние годы приобрела много сторонников идея, что объяснением народного безмолвия в путинские годы (его лучшее выражение — не знающий аналогов рейтинг одобрения) является контракт между властью и народом¹. Власть — де пообещала народу стабильность и материальное благополучие, народ же за это пообещал не требовать соблюдения его прав и свобод. То есть, народ отказывается от свобод, завоеванных в горбачевско-ельцинскую пору, в обмен на относительное благополучие и рост благосостояния, обеспеченный нефтяными доходами. Идея была призвана объяснить удивлявшую ее адептов легкость, с которой властям удавалось отбирать одно за другим демократические завоевания прошлого периода. Эта идея содержала также надежду, что народ потребует вернуть свободы, лишь только нефтяная конъюнктура упадет, и его перестанут подкармливать из нефтяных сверх-доходов.

Изложенная мысль, из которой следует, что Путин за нефтяные деньги купил у публики согласие не требовать свобод, вызывает несколько возражений. Первое возражение — общего характера: социального контракта между властью и народом в России никогда не было, его нет и теперь. Многообразие отношений между народом и властью, даже наличие неких взаимных ожиданий, не означает, что меж ними существуют именно договорные отношения. Отношения обязательств, в том числе, друг перед другом могут быть у двух субъектов, но они вовсе не всегда имеют своим источником договор.

¹ А.А.Аузан, вероятно, первым ввел саму идею «социального контракта» в анализ современной ситуации в России. (См., например, его статью «Вертикальный контракт неустойчив», Отечественные записки, 2004, №6). Другой пример ее использования дает работа Д.Шушарина <http://shusharin.livejournal.com/1397038.htm>

Далее идея превратилась в расхожую, наличие контракта власти и народа принимается как само собой разумеющееся. Критике именно этой расхожей идеи и посвящены последующие страницы.

Чаще их источник — норма, обычай, введенный не ими. Например, отношения родителей и детей включают взаимные обязательства, отнюдь не будучи отношениями контрактными. Отношения супругов суть отношения взаимных обязательств (в том числе), но в нашей культуре они лишь искусственно могут быть представлены как отношения по брачному договору.

Во встречающихся в последнее время догадках о том, что нынешняя власть в России схожа с самодержавием, немало верного. Самодержец не вступает в договорные отношения с народом хотя бы потому, что находит себя в такой системе, где субъектностью обладает только сам автократ, но не народ. Самодержавный правитель может полагать, что он имеет некие обязательства по отношению к народу, но они возникают не вследствие его договора с народом, а в связи с его (также не контрактными) отношениями с высшей силой (богом, небом, судьбой, историей), поставившей его на правление.

Второе возражение относится к реалиям сегодняшнего дня. С «подданными», с носителями оставшихся от советских времен патерналистских установок, у власти не только не было и нет соцдоговора, но был и есть делящийся социальный конфликт. Считать, что такой договор есть, это все равно, что всерьез принимать слова, что правительство — это служащие, нанятые обществом, что чиновники — слуги народа. Одобрение Путина не означает одобрения режима¹.

Массовые демонстрации протеста в Москве, немассовые, но множественные — в других городах и, главное, их поддержка в широких слоях населения, явно не имели причиной падение жизненного уровня, как это должно было быть согласно теории соцконтракта. И не нарушение договора, а нарушение законов РФ и общечеловеческих норм честности ставили участники в вину власти и ее главе.

Нельзя исключать, что при ухудшении экономической ситуации возникнут массовые протесты. В феврале 2013 г. 28% россиян считали, что в их городе/районе возможны «массовые выступления населения против падения уровня жизни, в защиту своих прав», а 17% обещали принять в них участие. Но такого рода протест будет иметь причиной собственно снижение жизненного уровня, а не нарушение чьих-то обещаний на этот счет.

¹ Отвечая на вопрос, при какой системе вы хотели бы жить, респонденты в основном делали выбор между советской и западной. В «нынешней» они хотели бы жить в последнюю очередь. Такие ответы давали неоднократно, последний раз — в начале 2013 года.

У народа есть весьма глубоко укорененные убеждения, что государство обязано заботиться о населении². Они также не вытекают из некогда заключенного договора, но из представления о природном порядке вещей. При этом надо помнить, что государство в начале 1990-х демонстративно «сбросило социалку», и с тех пор в публике продолжает сохраняться убеждение, что государство своих обязательств не выполняет.

Модификацией теории социального договора Путина и народа является идея, что народ ведет себя смиренно в благодарность за подаренную Путиным стабильность. Люди советской формации, в самом деле, жаждали стабильности, но то, что получило название «стабильность» при Путине, не могло их удовлетворить, поскольку в их понимании стабильности ключевой элемент — стабильность цен (и зарплат), как в СССР. А этого не было, и не могло быть. Поэтому ни «стабильность», (под которой, скорее всего, власть понимала прочность собственного положения), ни рост благосостояния при Путине не были оценены российскими жителями как дар, преподносимый им властью, а воспринимались ими как должное и недостаточное, не возместившее главных утрат, связанных с уходом советского строя. Специалисты Левада-центра не раз показывали, что даже тогда, когда было достигнуто превышение докризисного уровня душевого дохода, никакого качественного изменения в отношении населения к своему положению не произошло. По-прежнему ведущей проблемой называли и называют «рост цен», а ведущей претензией к правительству было то, что оно «не может справиться с ростом цен, падением доходов населения». (Хотя именно сокращение доли беднейших групп и надо было бы признать основным достижением путинских лет).

Следующее возражение состоит в том, что такого договора нет не только с «народом» в целом, но и ни с одной его частью. Например, отношения власти и бизнеса не в большей мере контракт, чем отношения рэкетиров и предпринимателей. При этом, как неоднократно свидетельствовали бизнесмены, рэкет ставит требования и их не меняет, а чиновничество не считает себя связанным какими-либо обязательствами чести и пр. по отношению к бизнесу. Так что здесь нет никакого договора. И не власть покупает у бизнеса за льготы его лояль-

² Начиная с 2001 г. и до настоящего времени 2/3 взрослого населения устойчиво поддерживают тезис «Власть должна заботиться о людях».

ность, а бизнес покупает у власти за отдаваемые деньги право на жизнь в каждый данный момент.

(Если где и есть некое неотчетливое подобие контракта, в котором предметом соглашения является некое подобие свободы (свободы рук), то оно есть лишь между высшей бюрократией и средней, отчасти — низовой. Там за разные виды капитала бюрократические верхи бюрократическим же низам, а низы верхам продают право на произвол).

Мы посвящаем много внимания критике теории соцдоговора потому, что она сама по себе является, как нам кажется, отражением попытки либерального сознания примириться со своим очередным разочарованием в «народе», с фрустрацией собственных ожиданий. При этом она помогает сохранить надежду, что вот, рухнут цены, и тогда сбудется все, что пока, увы, не сбылось... Характерно, что самому социальному субъекту, от имени которого изъясляется такая теория, она не оставляет никакого места в социальном процессе, кроме места наблюдателя, пусть горюющего и уповающего, но не способного влиять на ситуацию. Меж тем, живые события описываемого года показали, что этому субъекту есть, что делать — не только на площадях, но и во впервые развернувшейся интеллектуальной работе по осознанию происходящего и оценке перспектив развития страны.

Один из вариантов обсуждаемой идеи контракта указывает на устойчивость т.н. рейтинга Путина. (Этим словом привыкли называть измеримый регулярно Левада-центром и некоторыми другими агентствами показатель: доля положительных ответов на вопрос: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность В.Путина на посту президента России?». Известно, что этот показатель никогда не спускался ниже 60%).

Не стоит думать, что рейтинг Путина, его устойчивое одобрение — это благодарность народа, купленная на нефтяные деньги. Не трудно показать, что рейтинг никогда не зависел от уровня благосостояния. (Главный тренд рейтинга за весь период измерений — медленное снижение, главный тренд индекса благосостояния — медленное повышение). И в отношении публики к Путину благодарность за экономические достижения никогда не была ведущим мотивом. Если уж говорить, что Путина в народе ценят за что-то (а в такой постановке вопроса больше ошибочного, чем верного), то его ценят за (приписываемое ему) восстановление авто-

ритета России на международной арене¹. А этот авторитет россияне не связывают с экономическими достижениями. Он, по их понятиям, является результатом особого рода силы. Эта сила отчасти определяется тем, что зовут военным потенциалом в техническом смысле этого слова — численностью армии, ее вооружением и т.п., но главным образом она связана со способностью внушить всем представление о своей готовности чуть что — применить силу. Именно широко распространившееся убеждение, что России снова стали опасаться, и есть реальный эквивалент тому, что на политжаргоне именуется «вставанием с колен».

Иногда полагают, что Путин добился такого результата своей внешней политикой. Поскольку широкая российская публика решительно ничего не может наблюдать из феноменов внешней политики, это объяснение нельзя принять как таковое. Если считать, что публику удовлетворило то, как российскую внешнюю политику описывают в российских СМИ, это будет вернее, но ненамного. Национальное самоуважение, возникающее из ощущения, что «нас снова стали уважать, то бишь, побаиваться», является не следствием того, что люди вычитывают из сообщений СМИ, а причиной того, что там говорится и показывается. «Возрождающееся национальное достоинство» — это не продукт пропаганды или политики, напротив, политика и пропаганда — его побочные продукты. Само «возрождение достоинства» есть процесс в системе, которая охватывает весь социум, включая власть и медиа. Они суть его элементы, подчиненные процессу, а не управляющие им. И СМИ, и сам Путин лишь в меру сил участвуют в общенациональном восстановлении уважения нации к самой себе, которое было, как выясняется, тяжело повреждено тем, что происходило при Горбачеве, и отчасти — при Ельцине. Именно это повреждение Путин назвал «величайшей геополитической катастрофой XX века». Но верно не то, что это было катастрофой для мира, а то, что это было катастрофой советского мира, и стало травмой национального (российского постсоветского) сознания.

Событие состоялось там, в недрах этого сознания, и там же происходило постепенное выздоровление в смысле восстановления опи-

¹ На вопрос: «что удалось сделать Путину за годы его пребывания у власти?» — самый частый ответ: «вернуть России статус великой уважаемой державы» (36%). Самый частый ответ на вопрос, что не удалось — «обеспечить справедливое распределение доходов в интересах простых людей» (43%), Левада-центр, 2013 г.

санного уважения к себе через восстановление идей о нашей способности внушать миру опасение.

Внешней причиной, вызвавшей такую реакцию, можно считать распадение некоторой целостности. В одной проекции — это целостность мира, созданного властителями СССР. Того мира, который оказывался «вторым», когда говорили о «третьем мире». Пусть он назывался «миром социализма» или «советской империей», у русских и тех, кто отождествлял себя с ними под именем «советских людей», было объединяющее их ощущение того, что этот мир в некотором символическом смысле принадлежит им. По-видимому, именно это чувство, или его современный аналог движет нынешними политиками, требующими признать русский народ «государствообразующим». Синдром потери целостности, характерный для многих социумов — бывших метрополий, как показывает их опыт, острее всего переживается первым поколением, но отчасти передается и второму-третьему. (Малоудачные попытки российских лидеров вывести страну на роль региональной сверх-державы, даже если бы имели успех, не утолили бы эти чувства потери).

Наличие подобных сантиментов (или этого ресантимента) у части российского населения, несомненно. Но отнюдь не является несомненным, что эти чувства можно конвертировать в политический капитал, и конструировать политическую платформу под открытым или скрытым лозунгом реванша¹. Манящий иных политиков пример наци, сумевших в кратчайшие сроки превратить национальный ресантимент в национальную силу, не годен по следующей причине.

Помимо развала Союза как политического тела, в те же годы состоялся развал социалистического индустриализма. Если 1930-е годы в Европе были временем создания все более крупных предприятий, то 2010-е годы на этом континенте — это годы фрагментации, парцелляризации всех производств.

Развал советских индустриальных гигантов, появление на их производственных площадях сотен маленьких предприятий, это кризис не экономики, а социального строя. На место общественного устройства с единым центром, принимающим сигналы от внешней среды и отдающим всему социуму указания, как на эти

¹ Характерно, что попытавшаяся делать именно это КПРФ постепенно отказалась от такой политики. Эти попытки оставил и В.Жириновский, весьма тонко чувствующий «слабые места» массового сознания, на которых можно играть.

сигналы реагировать, приходит система, в которой и процессы восприятия сигналов, и процессы реагирования на них распределены по всему социуму. Это рассеяние процессов реального управления переживается нелегко не только властным центром, но и самим обществом. Оно, прежде всего, воспринимается как утрата единства. Упорные попытки вводить в названия и программы любых, в том числе создаваемых властью партий, идеал «единства», свидетельствует именно о его утрате и о тщетности попыток его восстановления. Поколение, утратившее империю, утратило и единство внутри «государствообразующей» нации. Российская формальная партийная система, оказалось, не способна отразить этот процесс фрагментации. Она в лице трех-четырех «больших» партий взялась лечить возникающие от него психологические напряжения все тем же провозглашением «единства», то есть пытаться формировать солидарность на основе тоски по единству. (О бенефитах, которые дает присоединение к правящей партии, сейчас не идет речь.) Но общество ведет себя не так, оно не объединяется в политические организации, оно лишь ищет объединяющие символы. Главным лекарством, которое прописывает себе само общество от этого непривычного для него состояния, является присутствие (присутствие, не более того) в социальном поле общенациональных символов. Так выражается стремление общества к символической интеграции при фактической дифференциации². Символом такой интеграции стал пост главы государства. Данные опросов ельцинской поры показывали, что пост Президента РФ продолжал пользоваться в российском обществе исключительным уважением даже тогда, когда рейтинг находившегося на этом посту Ельцина упал до самых низких значений.

Мгновенный рост рейтинга назначенного Ельциным в преемники малоизвестного чиновника, как только он стал исполнять обязанности нового главы государства, говорит именно об этом. Путин своим присутствием на посту,

² Подчеркнем, что под дифференциацией мы имеем в виду прежде всего функциональную дифференциацию — умножение различий в ролевых ситуациях, в которых находят себя индивиды (различия занятий, профессий, позиций внутри коллективов, объединений). Имущественная дифференциация, о которой много говорят (расслоение на бедных и богатых), лишь одно и не самое важное измерение этого процесса. Добавим, что, хотя рост функциональной дифференциации внушает озабоченность обществу своей стремительностью (первое ее разрастание произошло взрывным порядком на протяжении нескольких лет), социологам же внушает беспокойство замедление этого роста и явная недостаточность достигнутого уровня для успешного функционирования нашего общества как современного.

подобно присутствию флага на древке, удостоверял для миллионов россиян попавший под сомнение факт существования страны как державы. Недаром в плюс Путину, как было сказано, записывали прежде всего внешнеполитические достижения. Воображенное мировое признание России как целого и создавало ощущение целостности социума, на деле неумолимо дробящегося на части.

Рейтинг Путина медленно снижается, в январе 2013 г. он составил 62%, в феврале 65%. Это близко к нижней границе колебаний, но говорить о кризисе его власти в обычном смысле этих слов пока нет оснований. Под ним находится огромная им выкормленная бюрократия и бюрократическая буржуазия. Любые его оппоненты пока в меньшинстве. Другое дело, что принятый курс во второй эпохе является неверным.

Проблемы режима более глубоки, чем бунт некоторого количества столичных «хомячков». В начале нынешнего года доля россиян, обладающих мобильным телефоном, поднялась до 91%. Значит, сотовых телефонов стало столько же, сколько телевизоров. Значит, все население России теперь охватывают сети общения по горизонтали, а не только сети управления, идущие от единой вершины вертикали. Интернет, и еще больше – сотовая телефония побеждают телевидение не в их качестве СМИ (средств массовой информации), а в качестве СМК (средств массовой коммуникации), т.е., в качестве иных средств и, главное, иных принципов построения общества. Таковое теперь может существовать само по себе, а не потому, что есть единый для всех центр и символ в лице президента. С появлением единства, устроенного иначе, по принципу самоподдерживающихся сетей, острота потребности в этом символе снижается, что и выразилось в снижении его рейтинга.

Известно, что на митингах протеста звучала критика не только персоны президента, но самого формата его президентства. Характер требований к нему меняется и во всем российском социуме. Левада-центр из года в год задавал два вопроса: кому принадлежит заслуга за успехи страны, и на ком лежит ответственность за проблемы в стране. Одинаковый набор возможных ответов включал шесть высших инстанций управления. Из года в год население России приписывало основные заслуги Путину и никогда не возлагало на него основную ответственность за проблемы. Как было сказано, это связано с тем, что подобный лидер был ну-

жен обществу не для решения экономических или внутривластных вопросов, а для исполнения роли символического интегратора этого общества. Но вот в 2012 году впервые 51% россиян возложил «ответственность за проблемы в стране» на В.Путина. Это подтверждено и ответами на специальный вопрос: «Несет ли В.Путин ответственность за проблемы, стоявшие перед страной во время его правления?» Ответ «да, в полной мере» дали 50%, «да, в некоторой мере» еще 28%. Можно было бы предположить, что мы как общество переходим к системе, когда глава государства отвечает перед избирателями за исполнение своих должностных обязанностей. И этому порадоваться. Но чем это обернется при созданной за эти годы сверхцентрализации власти в руках первого лица при полной безответственности перед обществом всех остальных властных фигур? А тем, что теперь для граждан, пострадавших от действий/бездействий начальства любого уровня, президент будет не только главной надеждой, но и главным ответственным. Известно, что массовый протест против их произвола местные власти и хозяева прекрасно умеют переадресовывать на самый верх вертикали.

Власть не заметила этих перемен и принялась бороться с угрозой роста демократических настроений как главной. Средством был выбран курс в направлении фундаментализма. Фундаменталистский курс сверху видимо представляется как «народный», отвечающий глубинным чаяниям народа как в основе своей косного и черносотенного. Это тоже ошибка. Этот курс имеет поддержку сравнительно малочисленной части «народа», *менее, а не более* значительной, чем меньшинство, поддерживающее либеральный курс. Реальное большинство, масса, собственно «народ» политических ориентаций не имеет вообще. Он принимает сторону то тех, то этих, то и тех, и этих одновременно, то «против всех».

Каковы перспективы такого курса? Как мы сказали, он, в конечном счете, ведет к фатальному кризису и власти, и общества. Но еще до этого он чреват рисками для президента. Президента могут – пока речь о далекой перспективе – сменить, если и когда силы реакции получат слишком большой неуправляемый разгон. Тогда или они будут искать ему замену на еще более фундаменталистскую черносотенную фигуру, или другая часть элиты, испугавшись этой перспективы, захочет откручивать назад, и ей понадобится для этого политик с другим, «либеральным» имиджем.

Если считать, что смена президента — главная интрига, то ясно, что одного лишь массового протеста «горожан» для этого недостаточно. И нет резона ждать его разрастания на порядки, его слияния с протестом «широких масс». Скорее на обозримое (не очень долгое) будущее нас ожидает атмосфера постепенного сгущения туч, повышения спертости воздуха, адаптации публики к режиму все более ограниченной свободы.

Повторим, главной реальной угрозой для общества представляется превращение «закручивания гаек» из тактики в стратегию, превращение фундаменталистского курса из политического жеста в линию. В последнем случае процесс может развиваться по двум направлениям.

А. Фундаменталистское лобби приобретает полную политическую власть в стране. Под его руководством страна быстро доходит до тупиков по разным направлениям в экономике, политике, духовной сфере. У правящей группировки возникает соблазн /единственное решение начать какую-либо войну. Страна теряет перспективу на много лет.

Б. Процесс фундаменталистского сползания приобретает собственную логику и

инерцию, выходит из-под контроля всех его участников. Возникает ситуация «холодной» гражданской войны с риском в любом месте и моменте перейти в горячую фазу. Эти перспективы также фатальны для общества.

Лучшим решением для власти было бы, конечно, привести систему управления и его курс в соответствие с развившимися возможностями и потребностями общества как целого. Путин, безусловно, имел возможность после первых акций протеста пересмотреть свое отношение к новой тенденции и путем несложных ходов переозначить ситуацию, не только выйдя из конфронтации с активной частью общества, но и направив ее потенциал на реальную модернизацию социальной ситуации в стране (как это сделал Горбачев). Эта возможность в какой-то мере сохраняется, хотя политическая сложность ее реализации многократно возросла.

Ожидать подобного развития почти не приходится. Наиболее реалистичным, как мы указывали, будет прогноз консервативного курса, дополняемого иногда жестами то угрожающего, то умиротворяющего характера в адрес растущей оппозиции.

7.3. ЧТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО ЗАСТАВЛЯЕТ ВАС ЗАДУМЫВАТЬСЯ ОБ ЭМИГРАЦИИ?

	Май 2013
Лучшие условия жизни, обустроенность быта за рубежом	49
Нестабильная экономическая ситуация в России	32
Желание обеспечить детям достойное и надежное будущее	31
Отсутствие в России защиты от произвола властей, чиновников	18
Условия ведения бизнеса в России	14
Преступность, терроризм, угроза жизни в России	12
Отсутствие в России возможностей для профессионального роста	12
Возможность получения за рубежом более качественных медицинских услуг	10
Сложившаяся в России политическая обстановка	10
Семейные обстоятельства (кто-то из членов семьи уже живет за рубежом)	4
Ощущение, что большинство окружающих не разделяет ваши ценности	4
Другое	1
Затрудняюсь ответить	6

Сергей НИКОЛЮК

Белорусская модернизация как способ борьбы с трудовой эмиграцией

Вопреки многовековой традиции белорусы неожиданно стали меньше пить. Важная деталь: данный парадокс статистика зафиксировала на фоне стремительного роста доходов населения. Потребление алкогольных напитков и пива в абсолютном алкоголе в I кв. 2013 г. относительно I кв. 2012 г. составило 94% при росте реальных доходов населения (скорректированных на индекс потребительских цен) в январе-феврале (г/г) на 21.8%.

В кризисном 2011 г., когда реальные доходы населения сократились на 1%, потребление алкогольных напитков увеличилось на 8,8%. Ничего неожиданного в этом нет. На кризис значительная часть белорусов отреагировала деградацией. Как говорится, с утра пивка хлебнул и весь день свободен (от навалившихся проблем).

В 2012 г. доходы «подпрыгнули» на 21%, а потребление алкогольных напитков сократилось на 6,3%, т.е. коэффициент эластичности спроса для данной группы товаров (10,6% в товарообороте) оказался положительным! На языке экономистов это означает, что алкогольные напитки в Беларуси попали в группу товаров Гиффена.

Но алкогольные напитки в столь экзотической группе оказались далеко не единственным товаром массового потребления. Компанию им составило моторное топливо. Обратимся к статистике: в 2011 г. в условиях снижения реальных доходов населения потребление моторного топлива увеличилось на 32,9%; в 2012 г. при существенном увеличении доходов темпы роста потребления моторного топлива сократились в 2,5 раза до 13%, а в I кв. 2013 г. зафиксировано снижение потребления данной товарной группы на 5,6%!

Автомобиль для миллионов белорусов давно стал не роскошью, а средством передвижения. Что касается моторного топлива, то экономисты относят его к труднозаменимым товарам (практически незаменимым). Поэтому парадокс обратной зависимости спроса на топливо от роста доходов населения нуждается в пояснении. Не исключено, что он вызван

не уменьшением количества автомобилей и не снижением их среднего пробега, а сокращением количества автомобилистов...

Сокращение потребления спиртных напитков, скорее всего, вызвано сходной причиной. Ремейка горбачевской анти-алкогольной кампании в республике, вроде бы, не наблюдается. Справедливости ради следует отметить, что в январе 2012 г. был увеличен акциз на алкогольные напитки, но это не остановило любителей коньяка и бренди от того, чтобы увеличить потребление и без того недешевых напитков на 50,1% в I кв.

Что общего между спиртными напитками и моторным топливом? Пожалуй, только то, что они относятся к группе преимущественно «мужских» товаров.

Переход количества в новое качество

Эмиграция трудоспособных граждан — верный признак неконкурентоспособности страны. Против лома неконкурентоспособности — политический популизм бессилён, а для экономического популизма нужны ресурсы, которых катастрофически не хватает. Белорусская экономическая модель, как признался министр экономики Николай Снопков, «не генерирует уровня добавленной стоимости, соответствующего необходимому уровню заработной платы»¹. Из какого же тогда источника финансируется рост доходов населения? Исключительно из внешнего, российского. Часть ресурсов Россия поставляет в добровольном порядке в виде дотаций, часть Беларусь изымает из российского бюджета при помощи хитрых схем (об этом ниже).

«Только за счет льготных цен на энергоносители Республика Беларусь в 2012 году сэкономила около 10 млрд. долларов <...> Таким образом, сумма энергосубсидий, полученных Беларусью от России в прошлом году, по оценке составила 15,8% ВВП», — таково мнение экспертов Института экономики НАН Беларуси,

¹ Доклад министра экономики на заседании Совета министров 8 августа 2012 г. http://www.economy.gov.by/dadfiles/002033_370558_Doklad_08082012.pdf

опубликованное в апрельском номере ведомственного журнала Национального банка «Банковский вестник»¹.

Главная проблема, которую вот уже в течение 19 лет решает глава белорусского государства, заключается в том, что для поддержания социальной стабильности в стране ему приходится отвечать на современные вызовы несовременными методами. Само географическое положение Беларуси способствует тому, что различия в уровнях заработной платы с соседними странами, подобно разности потенциалов, порождают потоки рабочей силы.

Проблема эта была осознана руководством республики еще в конце «нулевых» годов. Отсюда политика «гонки зарплат». Не исключено, что механизм ее раскручивания был позаимствован у Элочки Людоедки, бросившей в свое время вызов заносчивой Вандербильдихе. В качестве иллюстрации одного из начальных этапов «гонки» приведу высказывание Лукашенко из Послания-2008: «На конец пятилетки нам надо заработную плату довести, боюсь говорить, но до 700 долларов, никуда не денемся. 500 долларов будет мало. Надо 700 – среднюю зарплату по стране. Тогда мы сможем удержать стабильность в нашем обществе»².

Но мировой финансовый кризис внес свои коррективы: от наполеоновского плана доведения средней зарплаты до 700 долларов пришлось отказаться, но и 500 долларов в декабре 2010 г. вполне хватило, для того чтобы обрушить экономику в 2011 г.

Приведу официальную оценку текущего состояния белорусской экономики, позаимствованную из текста Послания-2013: «Да, кризисные явления у нас вроде бы отступили, и мы последовательно движемся вперед»³. Подобный оптимизм большинство белорусов не разделяет (табл. 1). Безусловно, по сравнению с сентябрьским максимумом 2011 г. (88%) в оценке состояния экономики произошли существенные

изменения. Тем не менее, и в марте абсолютное большинство (65%) белорусов продолжало считать, что экономика находится в кризисе, и за последние полгода доля пессимистов не уменьшилась.

Обратимся теперь к социальным индексам (табл. 2-4). В первых колонках приведены их значения, полученные непосредственно после завершения президентских выборов. Естественно, что в условиях электоральной мобилизации, достигаемой за счет стандартного набора стимулов (материальных и пропагандистских), все индексы оказались положительными. Во вторых колонках приведены минимальные значения индексов, до которых они снизились во время кризиса 2011 г. Для каждого индекса это оказался не просто локальный минимум, а исторический минимум. Две первые колонки, таким образом, играют роль рамки, способствующей пониманию динамики общественных настроений после прохождения острой фазы экономического кризиса.

Значения всех трех индексов в 2012 г. так и не вышли из отрицательной зоны. Социальный эффект от двузначного роста доходов населения оказался минимальным. Мы стали свидетелями своеобразного аналога закона убывающей доходности, гласящего, что сверх определенных значений факторов производства (земля, труд, капитал) увеличение одного из этих факторов не обеспечивает эквивалентный прирост дохода, то есть доход растет медленнее, чем фактор.

На поддержание социальной стабильности белорусское государство потратило миллиарды долларов. Оно в очередной раз взяло на себя обязательство поднять среднюю зарплату до «святой цифры» в 500 долларов и к концу 2012 г. свое обязательство выполнило, но ценой почти шестикратного опережения роста заработной платы над ростом производительности труда!

Общественное мнение, разумеется, фор-

Таблица 1

СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО БЕЛОРУССКАЯ ЭКОНОМИКА НАХОДИТСЯ В КРИЗИСЕ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Сент. 2011	Дек. 2011	Март 2012	Июнь 2012	Сент. 2012	Март 2013
Да	88	82	77	72	64	65
Нет	8	8	15	21	24	25
З/НО	4	10	8	7	12	10

1 <http://www.interfax.by/news/belarus/129595>

2 Президентское послание белорусскому народу и Национальному собранию (29 апреля 2008 г.). <http://president.gov.by/data/press57286.doc>

3 Президентское послание белорусскому народу и Национальному собранию (19 апреля 2013 г.). <http://president.gov.by/press143813.html>

мируется не в процессе осмысления подобных экономических диспропорций. Среднестатистический белорус, в первую очередь, ориентируется на покупательную способность доллара.

Таблица 2

КАК ИЗМЕНИЛОСЬ ВАШЕ ЛИЧНОЕ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ТРИ МЕСЯЦА? (в процентах от числа опрошенных)

Вариант ответа	Дек. 2010	Июнь 2011	Март 2012	Июнь 2012	Авг. 2012	Дек. 2012	Март 2013
Улучшилось	25	2	15.	13	15	17	13
Не изменилась	58	23	43	55	59	54	56
Ухудшилось	16	73	41	32	25	27	29
ИМП*	9	-71	-26	-19	-10	-10	-16

* Индекс материального положения (разность положительных и отрицательных ответов)

Таблица 3

КАК ИЗМЕНИТСЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В БЕЛАРУСИ В БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ? (в процентах от числа опрошенных)

Вариант ответа	Дек. 2010	Июнь 2011	Март 2012	Июнь 2012	Авг. 2012	Дек. 2012	Март 2013
Улучшится	31	12	23	21	18	23	15
Не изменится	41	20	34	39	44	35	45
Ухудшится	17	56	33	30	28	30	27
ИО**	14	-44	-10	-9	-10	-7	-12

** Индекс ожиданий

Таблица 4

НА ВАШ ВЗГЛЯД, В ЦЕЛОМ ПОЛОЖЕНИЕ ВЕЩЕЙ В НАШЕЙ СТРАНЕ РАЗВИВАЕТСЯ В ПРАВИЛЬНОМ ИЛИ НЕПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ? (в процентах от числа опрошенных)

Вариант ответа	Дек. 2010	Сент. 2011	Март 2012	Июнь 2012	Авг. 2012	Дек. 2012	Март 2013
В правильном	54	17	35	32	34	34	35
В неправильном	33	69	53	54	47	46	51
ЗО/НО	13	15	12	14	19	20	14
ИПК***	22	-52	-18	-22	-13	-12	-16

*** Индекс правильности курса

Именно доллара, а не рубля. Такова особенность его экономического мышления, уровень долларизации которого давно, что называется, «зашкаливает». В марте 2012 при ответе на вопрос «Какая валюта пользуется у Вас наибольшим доверием?» рейтинг доверия доллара оказался вне конкуренции – 54%, в то время как доверие национальной валюте выразило только 20% белорусов. Следует отметить, что в июне 2006 г. на пике ресурсных возможностей «белорусской экономической модели развития» преимущество доллара перед рублем также не вызвало сомнений: 46% vs. 28%.

Еще один пример массовой долларизации мышления – неспособность белорусов оценивать стоимость дорогих товаров (холодильников, стиральных машин, не говоря уже о квартирах и автомобилях) в рублях. Но национальная валюта – это сфера ответственности государства. И тот, кто сегодня не доверяет рублю, завтра может пополнить лагерь политических

противников «батьки». Как тут не вспомнить поговорку эпохи развитого социализма: «Сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст».

18 февраля в ходе пресс-конференции белорусским и зарубежным СМИ Лукашенко сообщил «данные о людях, которые приходят в обменники и покупают валюту», собранные по его распоряжению Национальным банком. И что же удалось выяснить специалистам главного банка страны? «Как оказалось, когда промониторили эту ситуацию... Аккуратно, по-человечески приходим в очередь (сотни людей были задействованы) – в основном пенсионеры по 10 долларов, по 5 долларов покупают. «А зачем, а что, а как?» – «Ай, няхай будзе». Я тогда начинаю думать: «500 долларов еще там кому-то заплатить, помочь. Для чего? Для того чтобы пойти в обменный пункт, купить валюту и создать на рынке напряженность?!»

На первый взгляд массовый обмен белорусскими пенсионерами рублей на доллары после

трехкратной девальвации национальной валюты в 2011 г. выглядит рациональным. Родное государство за годы независимости «кидало» своих основных электоральных сторонников неоднократно. Прошедший год в этом смысле не стал исключением. Однако белорусское государство не было бы самим собой, если бы не прибегло к очередной инновации. Понимая, что пенсионеры оценивают государственный патернализм в долларах, оно стабилизировало курс рубля, что при двузначной инфляции означает снижение покупательской способности «зеленого». Таким образом, рост пенсий и зарплат в долларовом эквиваленте не означает адекватного роста благосостояния населения, что и внесло свой вклад в стабилизацию социальных индексов в отрицательной зоне.

Последний раз пенсии в Беларуси повышали в ноябре 2013 г. К мартовскому опросу они похудели на 8,7%, что не могло не отразиться на социальных индексах. В марте по сравнению с декабрем все они дружно снизились.

В табл. 5 представлена динамика среднегодовых значений социальных индексов. Только в «тучном» для белорусской экономики 2006 г. среднегодовые значения всех трех индексов были положительными. 2007 г. начался для Беларуси с двукратного повышения цены на российский газ. В ответ на «неспортивное поведение» единственного союзника белорусская власть была вынуждена приступить к политике либерализации. Несмотря на двузначный рост реальных денежных доходов населения в 2007-2008 гг. среднегодовые значения социальных индексов существенно снизились. В лидерах снижения оказался индекс ожиданий, что

означало инфляцию общественных надежд на «светлое будущее».

Мировой финансовый кризис, обрушив индекс материального положения, практически не отразился на его коллегах. Все логично: источник экономических проблем находился вовне, и он не поколебал веру в правильность курса, которым Лукашенко продолжал уверенно вести республику-партизанку.

В год четвертых президентских выборов рост доходов населения вновь ускорился, что и зафиксировали два из трех индексов. Что касается индекса правильности курса, то в силу своей природы он с трудом переваривается общественным мнением (одно дело респонденту оценивать изменение своего личного материального положения, и совсем другое – курс развития страны). Поэтому при ответах на вопрос табл. 4 доля респондентов затруднившихся с ответом может достигать 20%.

Но кризис 2011 г. был воспринят, в первую очередь, как кризис рукотворный. Ответ на классический вопрос «Кто виноват?» у большинства белорусов не вызвал затруднения. В сентябре 2011 г. электоральный рейтинг Лукашенко опустился до исторического минимума – 21%. В табл. 6 представлена динамика среднего значения электорального рейтинга главы белорусского государства начиная с 2001 г.

Выше уже отмечалось, что 2006 г. – это пик ресурсных возможностей «белорусской экономической модели развития». Соответственно, уровень электоральной поддержки главного распорядителя ресурсов в год третьих президентских выборов был максимальным. Чет-

Таблица 5

ДИНАМИКА ИНДЕКСА МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ, ИНДЕКСА ОЖИДАНИЯ, ИНДЕКСА ПРАВИЛЬНОСТИ КУРСА И РЕАЛЬНЫХ ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ*

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
ИМП	10	-7	-10	-35	-4	-49	-16	-15
ИО	32	-5	2	1	11	-37	-9	-12
ИПК	27	18	18	14	18	-38	-16	-17
РДДН	118	113	113	103	115	99	121	122**

*Динамика РДДН приведена в процентах к предыдущему году

**Январь-февраль 2013 г. к январю-февралю 2012 г.

Таблица 6

ДИНАМИКА ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО РЕЙТИНГА ПРЕЗИДЕНТА ЛУКАШЕНКО

2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
41	30	29	39	47	55	46	41	41	45	29	32

* среднее значение за год

вертые президентские выборы в 2010 г. прошли в «режиме тревожных ожиданий», когда за счет отчаянного «броска» в декабре ценой двукратного сокращения темпов роста инвестиций (относительно плана) власти удалось выполнить свое главное обязательство — поднять среднюю зарплату до 500 долларов. Однако среднее значение электорального рейтинга Лукашенко при этом оказалось на 10 пунктов ниже, чем в 2006 г.

Мировой кризис 2009 г. не привел к снижению среднего значения электорального рейтинга Лукашенко, но в год рукотворного кризиса он повторил минимум 2003 г., и только очередная порция российских дотаций не позволила опуститься ему еще ниже. Двухзначный рост доходов населения в 2012 г. добавили к среднему значению рейтинга за 2011 г. только 3 пункта. Не в коня оказался корм. В марте 2013 г. рейтинг Лукашенко составил 33% при росте доходов населения относительно первого квартала прошлого года на 21.8%.

Вернемся к табл. 5. Кризис 2011 г. «уронил» среднегодовые значения социальных индексов до исторических минимумов, при этом больше всего «досталось», что удивительно, индексу правильности курса. Он снизился на 56 единиц! У его коллег снижение оказалось не столь внушительным: ИМП снизился на 45 единиц, ИО — на 48 единиц.

Точку невозврата в перемене оценок советскими людьми «направляющей и руководящей роли коммунистической партии» символизировал анекдот о сантехнике, который заявил

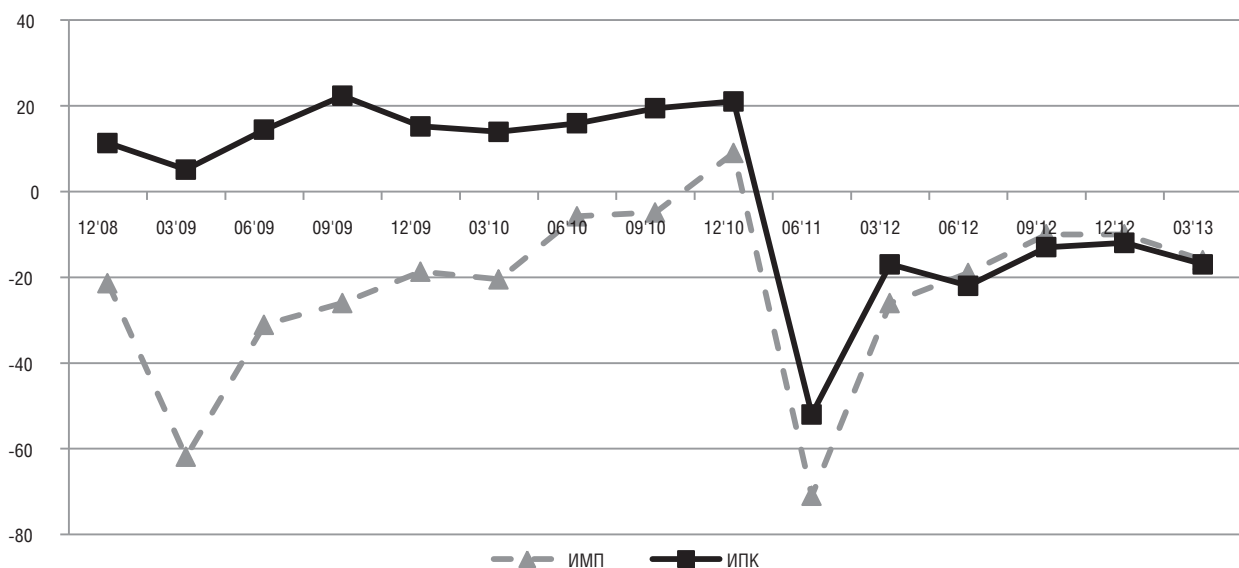
в райкоме партии, что ремонтом отдельно взятого крана положение дел не исправить, т.к. требуется замена всей системы. Актуальность этого анекдота для современной Беларуси иллюстрирует динамика ИПК. Если до кризиса 2011 г. его значения неизменно были выше значений ИМП и ИО, то после кризиса, несмотря на двухзначный рост доходов населения, ситуация изменилась.

Для наглядности перейдем от таблицы к графику. До июня 2012 г. линия ИМП неизменно располагалась выше линии ИПК. Максимальное расхождение между значениями индексов было зафиксировано в марте 2009 г. Но в 2011 г. белорусы перенесли вину Лукашенко за ухудшение своего материального положения и на проводимый им курс. Таким образом, количество экономических проблем, с которыми белорусы столкнулись за последние годы, перешло в новое политическое качество.

Ускорение, но без Гласности

В Послании-2013 (апрель) Лукашенко неожиданно заговорил об ускорении: «Мы должны учиться жить в новом мире, где все меняется. И меняется стремительно, буквально на глазах <...> Современная цивилизация — это цивилизация постоянного ускорения. Оно ощущается повсюду — не только в скорости появления новых идей, но и в технологиях, в экономике, в торговле, в образовании, в средствах массовой информации, в политике, даже в повседневном быте людей. И в этих условиях побеждает тот, кто работает на опережение».

График 1
ДИНАМИКА ИНДЕКСА МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ И ИНДЕКСА ПРАВИЛЬНОСТИ КУРСА

Белорусский вариант Ускорения сводится к ускоренному техническому переоснащению государственных предприятий. Процесс этот, судя по табл. 7, начался еще в год четвертых президентских выборов и шел параллельно с либерализацией. Но после разгона протестного митинга 19 декабря 2010 г. модернизация осталась сиротой, т.к. процесс либерализации был полностью свернут.

За четыре месяца текущего года «самая солидная газета республики», учредителем которой является Администрация президента, с лихвой перекрыла полугодовую норму статей, содержащих слово «модернизация», подтверждая тем самым установку на Ускорение.

К модернизации экономики авторитарная власть, как известно, приступает не от хорошей жизни. Негативной динамикой социальных индексов и электорального рейтинга Лукашенко перечень причин, подталкивающих власть к модернизации, разумеется, не ограничивается. Но если процесс модернизации (реформ) начинается, то дальнейшая последовательность шагов, согласно политологу Владимиру Пастухову, выглядит следующим образом: «Первым шагом, как правило, является осознание технологической отсталости и фиксация стагнации экономической и культурной жизни. Затем следует попытка найти способ решения проблемы с наименьшими потерями для системы за счет мобилизации имеющихся ресурсов. Когда попытка улучшить положение дел, ничего на самом деле не меняя, проваливается, следует признание необходимости частных, корректирующих реформ. И, наконец, после того как частные реформы заходят в тупик, приходит осознание необходимости “системных перемен”. С этой точки “революция сверху” становится явной. То, что всем кажется началом, на деле является концом, финальной точкой процесса»¹.

Сравним цитаты из «Послания-2013» с цитатой из Пастухова. Первый шаг (осознание технологической отсталости) власть, если согласиться с таблицей, сделала еще в 2010 году. Сегодня настала очередь второго шага, т.к. пришло осознание, что «выбора у нас нет. Надо ме-

Таблица 7

КОЛИЧЕСТВО СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ГАЗЕТЕ «СОВЕТСКАЯ БЕЛОРУССИЯ», СОДЕРЖАЩИХ СЛОВО «МОДЕРНИЗАЦИЯ».

2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013*
44	32	46	87	93	91	83	160	155	151	94

*за январь-апрель

¹ <http://www.bnkomi.ru/print/data/doc/4434/>

няться самим и приспособливаться к стремительному, скоростному миру» (Послание-2013).

Но время «признания частных, корректирующих реформ» еще не наступило. Один пример. 29 марта министр экономики Николай Снопков (склонный, по мнению Лукашенко, увлекаться «либеральными рассуждениями и рыночными теориями») сообщил во время прямой линии в газете «Рэспубліка» о подготовке программы развития, которую планируется презентовать в апреле на весенней сессии советов управляющих МВФ и Всемирного банка в Вашингтоне. Апрель прошел. Белорусская делегация до Вашингтона так и не добралась. О программе развития в государственных СМИ больше не появилось ни строчки, не вспомнил о ней и Лукашенко, выступая с ежегодным посланием.

В новогоднем обращении к народу Лукашенко заявил, что «предстоящий год станет переломным для экономики. У нас нет иного выбора: ведь качественное обновление и ускоренная модернизация предприятий — залог укрепления нашей государственности и роста благосостояния народа»². С ускоренной модернизацией в качестве фактора роста благосостояния народа в марте согласилось 50% респондентов, не согласилось — 34%. Наибольший вклад «в половину» внесли респонденты с начальным образованием — 74% и старшей возрастной когорты (60 лет и старше) — 63%.

Ни первые, ни вторые в силу понятных причин активного участия в модернизации предприятий принимать не планируют. Учитывая склонность пожилых людей с низким уровнем образования поддерживать Лукашенко, можно сделать вывод, что ответы респондентов отражают в большей степени отношение белорусов к главе государства, чем отношение к его предложению модернизировать предприятия.

Специалисты, говоря о модернизации, выделяют три ее составляющие: *технико-экономическую модернизацию, социальную модернизацию и политическую модернизацию*. Белорусы представления специалистов, в целом разделяют, хотя и не без уклона в технико-экономическую

² <http://president.gov.by/press133965.html>

сторону (табл. 8). Респонденты, не доверяющие Лукашенко, естественно, чаще своих политических оппонентов указывали на необходимость проведения политической модернизации: 28% vs. 16% и 23% vs. 13% (два последних варианта ответа). Но и они отдавали предпочтение технико-экономической составляющей модернизации перед политической.

Главный вопрос модернизации — вопрос о ее субъекте. В Беларуси таким субъектом являются чиновники. Об эффективности их работы на уровне модернизации можно судить по информации озвученной премьер-министром Михаилом Мясниковичем на заседании правительства 13 февраля 2012 г.: за семь лет в промышленность было направлено 31,5 млрд. долларов и эти вложения дали 19,2 млрд. прироста добавленной стоимости. Планировался же принципиально иной результат: *«каждый вложенный рубль инвестиций должен давать два-три рубля добавленной стоимости»*.

Должен давать, но пока не дает. Для общественного мнения такой итог не является неожиданностью. В марте 2013 г. только 27% респондентов согласилось, что деньги, направленные на модернизацию предприятий, будут потрачены эффективно. Противоположную точку зрения (неэффективно) выразило 33%. Еще 28% пессимистов заявили, что деньги будут попросту разворованы, и затруднились с ответом — 12%. Даже среди респондентов, доверяющих Лукашенко, верят в эффективность затрат на модернизацию меньше половины — 48% (7% — среди не доверяющих).

Подводить итоги «переломного года», на первый взгляд, еще рано, тем не менее, предварительные звоночки начинают звучать все чаще. Так в августе прошлого года Лукашенко поставил перед «вертикалью» задачу преобразовать молочно-товарные фермы в молочно-товарные комплексы. Срок исполнения — конец 2012 г. Количество ферм, подлежащих реконструкции, — 1200. На робкое предложение чи-

Таблица 8

КАКИЕ МЕРЫ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, МОГУТ ОБЕСПЕЧИТЬ ПРОВЕДЕНИЕ В СТРАНЕ УСПЕШНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ?
(в процентах от числа опрошенных)

Активное внедрение новых прогрессивных технологий	47
Подготовка кадров, которые могли бы осуществить модернизацию страны	41
Искоренение коррупции	40
Повышение эффективности работы государственных чиновников	31
Учет руководителями государства мнения народа о том, что и как нужно изменить в стране	22
Развитие демократии, повышение общественно-политической активности граждан	18
30/НО	6

новников ограничить планы 720-750 фермами, последовал гневный окрик: «Я предупреждал, что это будет неимоверно сложно, тяжело, ищите пути, выходы, вы мне будете говорить, что не хватает денег, ума, настойчивости, еще чего-то. И у вас было время на выполнение задачи!»¹

По информации министра сельского хозяйства Леонида Зайца, к маю введено в строй 526 ферм, или 44% от задания. Вместе с тем, часть из них введена только пусковыми комплексами, а полностью готовых и соответствующих предъявляемым требованиям ферм, оснащенных доильными залами, и того меньше. Однако преобразование молочно-товарных ферм в молочно-товарные комплексы планировалось не ради преобразований, а ради повышения эффективности. Каковы же первые результаты? Обратимся к официальной статистике. Рост производства молока, наблюдавшийся в последние годы, прекратился. В январе-марте 2013 г. допущено сокращение производства молока на 0.2% по сравнению с январем-мартом 2012 г.

Сельское хозяйство Беларуси уверенно может претендовать на звание «Ветеран модернизации». «Уже две пятилетки она [модернизация — С.Н.] здесь идет», — отметил Лукашенко в Послании-2013. И каков итог? В январе-феврале 2013 г. удельный вес убыточных организаций (без господдержки) в общем количестве организаций составил 37,6% (21,9% годом ранее).

Беларусь нуждается в переменах. С таким суждением согласно три четверти взрослого населения республики (табл. 9). Это на 27 пунктов выше, чем в июне 2009 г. в разгар мирового кризиса. Таким образом, можно констатировать, что оценка белорусской социально-экономической модели населением кардинально разошлась с оценкой ее главного архитектора. И это на девятнадцатом году строительства.

Среди белорусов, считающих себя в оппозиции к власти (16.9%), доля сторонников пе-

¹ <http://president.gov.by/press130885.html#doc>

Таблица 1

С КАКИМ СУЖДЕНИЕМ ВЫ СОГЛАСНЫ? (в процентах от числа опрошенных)

Вариант ответа	Июнь 2009	Июнь 2010	Май 2011	Июнь 2012	Март 2013
Беларусь нуждается в переменмах	48	62	61	77	75
Беларусь нуждается в стабильности	46	25	33	15	16
ЗО/НО	6	13	6	8	9

ремен составила 94.5%. Но и среди не относящих себя к оппозиции (72%) доля сторонников перемен достаточно высока – 70.5%. Разумеется, сколько людей, столько и мнений. Поэтому общественный консенсус по вопросу необходимости перемен следует рассматривать, в первую очередь, в качестве индикатора чувства дискомфорта, охватившего белорусское общество. И не следует полагать, что это чувство растет исключительно на экономическом субстрате.

В том, что «предстоящий год станет переломным для экономики», большинство независимых экспертов не сомневаются. Разумеется, представления о «переломе» экспертов и

Лукашенко не совпадают. Означает ли это, что в соответствии со схемой Владимира Пастухова в 2014 г. в Беларуси возможен переход к «корректирующим реформам»?

Я бы не спешил с подобным выводом. В 2011 г. крах «белорусской экономической модели развития» казался неизбежным. Но приехал Владимир Владимирович, достал из карманов российских налогоплательщиков несколько миллиардов долларов и переломил негативную тенденцию на позитивную. Где гарантия, что, ради реализации амбициозных планов по созданию Евразийского союза, он вновь не поддержит своего единственного союзника?

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ: ЭКОНОМИКА, ЗАНЯТОСТЬ, МИГРАЦИЯ, ОБРАЗОВАНИЕ

Марина КРАСИЛЬНИКОВА

Доверие и финансовое поведение населения

Современные исследования финансового поведения населения России фиксируют достаточно примитивную его структуру, которая медленно развивается в последнее десятилетие, несмотря на кратный рост личных денежных доходов и появление новых институциональных возможностей для возникновения разнообразных стилей потребления и направлений инвестирования личных накоплений. Увеличение денежных доходов и общий рост уровня жизни массовых слоев российского населения, особенно в годы до кризиса 2008 г., не приводят к широкому распространению более продвинутых и сложных форм сберегательного и кредитного поведения. Сбережения населения концентрируются на банковских депозитах, а потребительское кредитование развивается в основном, в том числе в последний год, за счет наращивания необеспеченных денежных кредитов.

Все чаще исследователи приходят к выводу, что причины отсутствия значимых изменений в поведении людей следует искать не только в экономических показателях доходов, ставок процентов и темпов инфляции, институциональных параметрах, регулирующих сферу частного потребления, но и в социокультурных характеристиках общества.

В частности, особое внимание уделяется важности таких понятий как доверие, чувство ответственности, уровень адаптации людей к сложившимся социально-экономическим условиям. Предполагается, что все эти факторы оказывают существенное влияние на повседневное поведение людей, в том числе на сберегательное и кредитное поведение. Расширение зон доверия, повышение ответственности за условия собственной жизнедеятельности, рост уверенности в себе (что является проявлением

высокого уровня способности к социальному взаимодействию с окружающим миром) будут приводить к более активному и эффективному сберегательному и инвестиционному, а также ответственному кредитному поведению. Изучение этой проблематики стало одной из важных тем очередного исследования мнений городского населения, которые на протяжении нескольких лет проводятся Левада центром в рамках сотрудничества с ЦМИ Сбербанка РФ¹.

Проблема дефицита доверия давно стала ключевой в обсуждении социально экономических и социально-политических реалий российского общества. Однако операциональный характер она, тем не менее, приобретает с трудом. Точнее, ставшие почти обязательными ссылки на дефицит доверия как отрицательный фактор при обсуждении практически любых проблем, не затрагивают вопрос о количественном измерении степени влияния этого фактора, а также способе преодоления этого ограничения. Риторика доверия используется как инструмент в механизме взаимодействия агентов на потребительском рынке с целью привлечения потребителей, в рамках улучшения имиджа отдельных игроков на рынке. Эффективность такого рода апелляции к понятию «доверия» не является очевидной, поскольку не определена связь между вербальным выражением доверия (пусть даже искренним и добропорядочным)

¹ Исследование было проведено по заказу Центра макроэкономических исследований (ЦМИ) Сбербанка России, в рамках которого было опрошено 6 тыс. респондентов, репрезентирующих мнение взрослого (18-65 лет) городского населения страны (города с численностью свыше 20 тыс. жителей). Кроме того, для интерпретации данных привлекались результаты собственных исследований Левада Центра в рамках многолетней программы мониторинга социально-экономических перемен. Более подробно с результатами исследования можно познакомиться на сайте ЦМИ http://www.sbrf.ru/moscow/ru/analytics/cmei/joint_analysis/.

и практическим поведением, в том числе финансовым.

Определение «доверия» как социального взаимодействия, ориентированного на высокую вероятность того, что действия партнера будут надежно соответствовать моральным и ценностным представлениям «доверителя» (важно, что обязательства носят взаимный характер) предполагает обязательный коллективный характер обеспечения доверия. Доверие входит в состав общего набора институциональных и групповых норм поведения, образа жизни¹. Внутренние границы доверия очерчены вероятностью неисполнения взаимных обязательств. Многообразие структур социального взаимодействия предполагает наличие многочисленных зон доверительных взаимоотношений. Способность человека различать границы доверительных зон и переходить из одной зоны в другую характеризует уровень его «социализации». Общая атмосфера доверия является характеристикой эффективности и значимости институтов общества, а низкий уровень доверия означает механическую интегрированность общества, наличие многочисленных несогласованных социальных порядков, дефицита социального капитала.

Подобное определение социального смысла и функций доверия обозначает, что оно тесно связано с понятиями социальной (и личной) ответственности и возможностями реализовать эту ответственность, т.е. контролировать и влиять на события, как собственной жизни, так и окружающего мира. Кроме того, соотношение доверия и степени социализации (членов) общества предполагает, что индикаторы последнего являются дополнительным операциональным критерием. Доверие также тесно связано с уверенностью в собственных силах.

Широко распространена гипотеза, согласно которой расширение доверия в обществе связано с более высоким уровнем экономического развития (например, поскольку доверие позволяет экономить на транзакционных издержках). Исследования в рамках WVS и ESS, а также многих других, демонстрируют наличие взаимосвязи между уровнем доверия и размерами ВВП².

Динамика доверия в российском обществе

Дефицит доверия в российском обществе

¹ Гудков Л. Доверие в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения, 2012, №2, с.20.

² Белянин А.В., Зинченко В.П. Доверие в экономике и общественной жизни. М., фонд «Либеральная миссия», 2010.

давно стал общепризнанным фактом, а апелляция к нему — непременным атрибутом рассуждений о глобальных, перспективных задачах развития и общества в целом, и отдельных его функциональных подразделений, вплоть до индивидуальных агентов.

Низкий уровень доверия к институтам современного российского общества остается неизменным последнее десятилетие. На фоне общего недоверия лишь три института — президент, церковь и армия, выделяются относительно высоким уровнем. В последние два года, т.е. начиная с 2011 г., в этой устоявшейся конструкции обозначились перемены. Высокий уровень доверия президенту стал постепенно, но неуклонно снижаться. В среднем, согласно данным опроса городского и сельского населения страны, в октябре 2009 г. президент страны «полностью заслуживал доверия» по мнению 63% респондентов, а в октябре 2012 г. — лишь 51%³. Для сравнения, по данным этих же замеров неизменно только каждый пятый опрошенный полагал, что Совет Федерации и Государственная Дума «полностью заслуживают доверия», примерно таких же оценок заслуживает судебная система, а профсоюзы пользуются еще меньшим доверием населения.

Межличностное доверие остается на довольно низком уровне, более того, у людей преобладает ощущение роста его дефицита — начиная с 2008 г. не менее трех четвертей взрослого населения сообщает о том, что за последние пять лет в российском обществе взаимного доверия стало меньше (в 2008 г. доля таких ответов составила 74%, в 2011 г. — 81%). И эта проблема видится как наиболее острая в ряду таких понятий как свобода, справедливость, законность, порядок, гражданская активность. Распространенность всех этих характеристик общественных отношений сокращается меньшими темпами, чем зона межличностного доверия (см. табл. 1)

Коррозия общественного доверия в последние годы охватывает не все стороны общественной жизни. На фоне стабилизации ситуации после кризиса 2008 г. восстанавливается доверие к некоторым экономическим институтам. В том числе, за последние годы повысилось доверие населения российской банковской системе. К сожалению, отсутствуют сопоставимые данные за более ранний период, но представляется, что основная причина положительной

³ Данные репрезентативных опросов городского и сельского населения (в возрасте 18+) по исследовательской программе «Вестник» (N=1500).

Таблица 1

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЗА ПОСЛЕДНИЕ 5 ЛЕТ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ СТАЛО БОЛЬШЕ ИЛИ МЕНЬШЕ...? (процент по строке, N=1600, городское и сельское населения в возрасте 18+)

	Определенно больше	Скорее, больше	Скорее, меньше	Определенно меньше	Затруднились ответить
...свободы					
2008	17	49	17	4	14
2010	17	38	25	6	14
2011	14	38	25	11	13
...справедливости					
2008	2	24	45	19	10
2010	2	16	48	25	10
2011	2	15	49	26	8
...солидарности между людьми					
2008	3	19	46	22	10
2010	2	14	47	27	10
2011	2	16	49	27	7
...законности					
2008	3	27	40	19	11
2010	3	18	42	26	11
2011	2	18	46	26	8
...порядка					
2008	3	32	36	22	8
2010	2	21	42	27	8
2011	3	19	44	28	6
...взаимного доверия					
2008	1	14	47	27	11
2010	2	13	46	29	10
2011	1	11	51	30	7
...гражданской активности					
2008	4	22	35	25	15
2010	3	18	37	28	15
2011	3	20	41	22	14

N=1600

динамики уровня доверия в посткризисные годы — восстановление баланса, нарушенного опасениями нестабильности банковской системы в период финансового кризиса (см. табл. 2). Сейчас отечественная банковская система получает большую благосклонность общества, чем даже мелкий и средний бизнес, который неизменно относительно высоко оценивается. Важным поддерживающим доверие фактором является государственный контроль деятельности банковской системы, который позволяет распространять чувство надежды, которым наделяется верховное руководство страны, на практически используемые финансово кредитные институты. Для массовых потребителей государственные гарантии банковских вкладов, а еще лучше — государственная собственность

банка, являются важным источником поддержания доверия к системе.

В каком смысле и как именно этот рост доверия влияет на финансовое поведение людей? Можно ли ожидать, что расширение и углубление зоны доверия станет источником структурных изменений в финансовом поведении населения, т.е. приведет к благоприятному с точки зрения аккумулирования инвестиционных ресурсов сберегательному поведению — повышению сберегательной активности населения, удлинению сроков инвестирования личных сбережений и т.п.

Оставляя в стороне исследование причин и смысла сложившегося уровня (не)доверия в российском обществе, попробуем ответить на вопрос о том, является ли та примерно треть

Таблица 2

ДИНАМИКА УРОВНЯ ДОВЕРИЯ К ЭКОНОМИЧЕСКИМ ИНСТИТУТАМ (% по столбцу, данные репрезентативных опросов городского и сельского населения России)

в какой мере, на ваш взгляд, заслуживает доверия..	2009	2010	2011	2012
	N = 1600	N = 1600	N = 1500	N = 1500
крупный российский бизнес, деловые и промышленные круги				
вполне заслуживают	9	12	14	16
не вполне заслуживают	35	37	39	44
совсем не заслуживают	33	32	26	24
затрудняюсь ответить	24	20	21	16
малый и средний российский бизнес				
вполне заслуживают	17	22	21	24
не вполне заслуживают	38	38	43	44
совсем не заслуживают	22	21	17	18
затрудняюсь ответить	23	19	20	14
российские банки				
вполне заслуживают	17	23	23	27
не вполне заслуживают	43	45	46	43
совсем не заслуживают	24	21	19	19
затрудняюсь ответить	15	12	13	10

населения, которая демонстрирует наличие доверия, носителем иных поведенческих практик, возможным источником моделей потребительского поведения, благоприятствующих экономическому развитию страны.

Одновременно предстоит проанализировать связь между уровнем доверия и развитием чувства ответственности за собственные действия и за происходящее вокруг, сопровождаемую осознанием возможности контроля, управления своей жизнью, которые реализуются в наличие той или иной уверенности в обстоятельствах собственной жизни в будущем. Предполагается, что все эти характеристики образуют ценностно-культурную основу формирования тех или иных моделей практического поведения, в частности — финансового, сберегательного и кредитного поведения.

Для измерения всего этого комплекса значений респондентам задавалась серия вопросов, направленных на оценку субъективных представлений о степени доверия к окружающим и ожиданий справедливого отношения к себе с их стороны, уверенности в собственных возможностях и способностях справляться с разнообразными жизненными ситуациями, готовности нести ответственность за собственную жизнь и за происходящее вокруг (на разных уровнях) в сочетании с ощущениями возможности воздействия на все перечисленные

жизненные обстоятельства. Все эти характеристики достаточно близко связаны, но образуют три различных вектора значений, которые и были положены в основу дальнейшего анализа, которые будут обозначены, соответственно — (1) «доверие», (2) «контроль» и (3) «адаптация».

Социально демографические характеристики индикаторов доверия, контроля и степени социализации

Описание переменной «доверие». В международной практике количественных социологических исследований измерение уровня доверия строится на показателе межличностного доверия (на основании распределения согласия или несогласия с утверждением «Одни говорят, что людям можно доверять, другие — что осторожность в отношениях с людьми никогда не помешает»). Сравнение результатов ответов российских респондентов с жителями многих других стран-участниц международных исследований WVS, ISSP и ESS на протяжении многих лет устойчиво показывает, что Россия относится к числу стран с низким уровнем межличностного доверия. В 2008 г. по данным ISSP в среднем по 29 странам-участницам доля согласных с этим утверждением составляла 45% опрошенных, а в России — 27%.

По данным анализируемого опроса городских жителей страны распределение ответов

Таблица 3

УРОВЕНЬ ДОВЕРИЯ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВОЗРАСТА И ОБРАЗОВАНИЯ (% по строке)

	определенно людям можно доверять N = 300	скорее людям можно доверять N = 1627	скорее осторожность в отношениях с людьми никогда не помешает N = 2924	определенно осторожность в отношениях с людьми никогда не помешает N = 1015
Возраст:				
18–24 года	6	28	48	17
25–39 лет	5	27	51	15
40–54 года	5	27	47	19
55–64 года	5	26	49	18
Образование:				
ниже среднего	6	29	46	17
среднее	5	25	51	17
высшее	6	27	46	18
В среднем	5	27	49	17

не отличается от прежнего уровня: 5% уверенно сообщают, что «людям можно доверять» и еще 27% считают, что «людям скорее можно доверять». Распространенность чувства межличностного доверия мало зависит от возраста и образования. Несколько более высокий уровень доверия присущ молодым и высокообразованным людям, но в обоих случаях зависимость слабо выражена – коэффициент корреляции менее 0,1.

Связь с материальным достатком оказывается нелинейной, и это важная устойчивая характеристика российского общества. Начиная с определенного уровня доходов (относительно высоких для современной России и означающих обретение значимого объема личной собственности, имущества) у людей нарастает чувство незащищенности. Это чувство уязвимости не связано с субъективными самооценками соб-

ственной способности к контролю и ответственности, уверенности в завтрашнем дне и т.п., а объясняется, по-видимому, осознанием институциональной незащищенности в ситуации, когда возникает потребность в фиксации и защите прав собственности. Например, это выражается в падении уровня доверия милиции в группах наиболее обеспеченных людей¹.

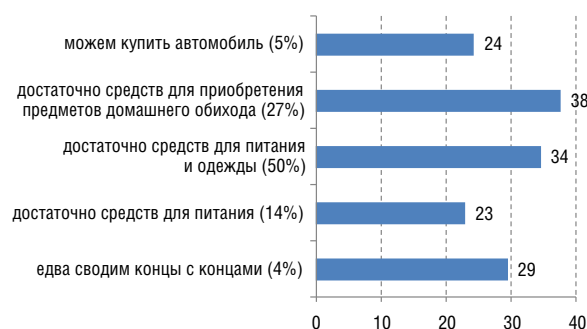
Максимум доверия демонстрируют люди со средним достатком – это подтверждают как распределение доли считающих, что «людям можно доверять» по шкале субъективных оценок финансового статуса семьи, так и по децильному распределению среднедушевого денежного дохода семьи (см. рис. 1).

Описание переменной «контроль». Определение доверия как уверенности в высокой степени вероятности взаимодействия в соответствии с правилами и нормами, предполагаемыми

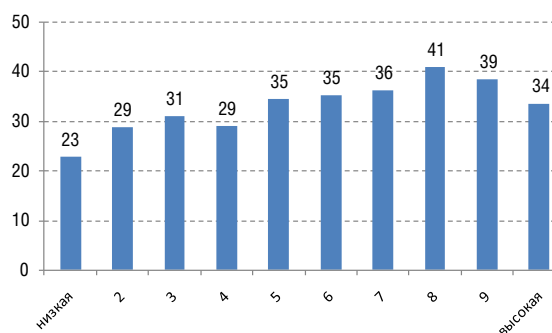
Рисунок 1

УРОВЕНЬ СУБЪЕКТИВНЫХ ОЦЕНОК МЕЖЛИЧНОСТНОГО ДОВЕРИЯ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ МАТЕРИАЛЬНОГО ДОСТАТКА СЕМЬИ (сумма ответов «определенно людям можно доверять» и «скорее людям можно доверять»).

субъективных оценок финансового положения (децильные группы):

среднедушевому денежному доходу

¹ Гудков Л., Дубин Б. Приватизация полиции. // Вестник общественного мнения, 2006, №1, с. 58-71.

субъектом доверия, включают необходимость собственного следования этим правилам, т.е. определенного уровня ответственности. В свою очередь, обретение чувства ответственности неотделимо, сопряжено с осознаваемыми (реальными или мнимыми) возможностями контроля. Результаты исследования подтверждают эту взаимосвязь, которая, однако, не является простой.

С одной стороны, в среднем три четверти взрослых городских жителей уверены в том, что, как правило, могут контролировать свою жизнь – 19% считают, что так происходит «практически всегда», а половина – 55% – контролируют ее «по большей части». Столь высокая уверенность в управлении обстоятельствами собственной жизни на практике ограничена узким радиусом в основном личного круга общения. Осознание практически полного влияния на обстоятельства своей семейной жизни (в среднем 90% считают, что могут влиять на

жизнь своей семьи) уже на следующем социальном уровне общения – работе/учебе, сокращается практически наполовину. В том, что они могут оказывать влияние на то, что происходит на их рабочем месте или на учебе, уверены 51% опрошенных.

Городской образ жизни, которому свойственен более низкий социальный контроль со стороны «соседского» микросоциума, особенно в современной России с ее проблемами муниципального развития и управления, приводит к тому, что обстоятельства жизни на уровне места проживания (дома/двора) оказываются вне зоны контроля для большинства опрошенных. Лишь 27% согласились с тем, что могут оказывать влияние на то, что происходит в доме, в котором они живут.

Уровень города, не говоря о стране в целом, оказывается вне круга мыслимого/воображаемого влияния по мнению большинства – практически девяти из десяти опрошенных.

Таблица 4

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОСЫ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ВОЗМОЖНОСТЯХ КОНТРОЛЯ (% по столбцу, доля затруднившихся ответить не приводится)

Некоторые считают, что они сами контролируют свою жизнь, а другие – напротив, думают, что не могут в реальности влиять на то, что с ними происходит. если говорить о том, как складывается ваша жизнь, то какая точка зрения вам ближе?	
1. Я практически всегда могу контролировать свою жизнь	19
2. По большей части я могу контролировать свою жизнь	55
3. По большей части я не могу влиять на то, что происходит в моей жизни	19
4. Я практически никогда не могу влиять на то, что происходит в моей жизни	3
В какой мере вы чувствуете ответственность за то, что происходит у вас на работе/учебе?	
1. В полной мере	23
2. В значительной мере	35
3. В незначительной мере	21
4. Совершенно не чувствую	9
В какой мере вы чувствуете ответственность за то, что происходит в доме, во дворе, где вы живете?	
1. В полной мере	11
2. В значительной мере	24
3. В незначительной мере	38
4. Совершенно не чувствую	24
9. Затрудняюсь ответить	4
В какой мере вы можете повлиять на то, что происходит у вас на работе/учебе?	
1. В полной мере	17
2. В значительной мере	34
3. В незначительной мере	25
4. Совершенно не могу	11
В какой мере вы можете повлиять на то, что происходит в доме, во дворе, где вы живете?	
1. В полной мере	7
2. В значительной мере	20
3. В незначительной мере	41
4. Совершенно не могу	28

Ощущение невозможности оказать какое-либо воздействие на происходящее подкрепляет чувство безответственности, выводит неконтролируемые обстоятельства из актуального поля действия. Возможности контроля и осознание ответственности тесно связаны, что подтверждается анализируемыми данными. Уровень корреляции между показателями ответственности и возможности влияния весьма высок: на уровне семьи – 0,693, работы/учебы – 0,749, места жительства (дома/двора) – 0,732, города – 0,657, страны – 0,648. Характерно, что наиболее высокая корреляция отмечается на тех уровнях социального взаимодействия, которые в наибольшей степени дифференцированы, т.е. где есть достаточно большие группы как тех, кто осознает свою ответственность, подкрепленную возможностями влияния, так и тех, кто отрицает обе эти возможности. Уровни семьи, равно как и города, страны не дают материала для дифференцированного анализа поведения, поскольку позиции людей в этих случаях единодушны. В дальнейшем анализе принимались во внимание только распределения ответов на вопросы об ответственности/влиянии на уровне работы/учебы и дома/двора, где проживает респондент.

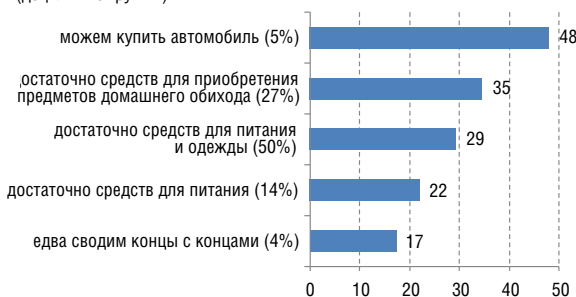
Для удобства анализа представлений людей о возможностях ответственного контроля обстоятельств собственной жизни была построена сводная переменная, учитывающая все перечисленные выше особенности формирования указанной характеристики. За основу были взяты ответы респондентов на пять вопросов (см. табл. 4).

Факторный анализ этих переменных подтвердил, что они образуют единственный фактор, объясняющий более половины (56%) совокупной дисперсии признаков. Агрегированный показатель, описывающий распределение уровня контроля, является суммой ответов ре-

Рисунок 2

УРОВЕНЬ СУБЪЕКТИВНЫХ ОЦЕНОК УРОВНЯ КОНТРОЛЯ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ МАТЕРИАЛЬНОГО ДОСТАТКА СЕМЬИ (% высокого уровня контроля).

субъективных оценок финансового положения (децильные группы):

среднедушевому денежному доходу

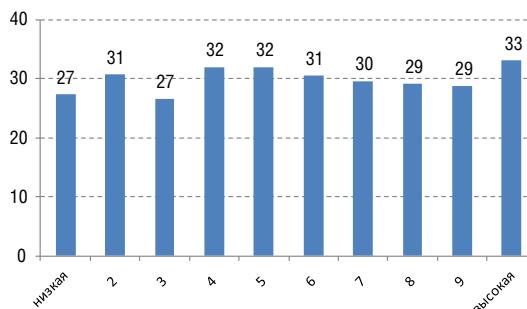

Таблица 5
УРОВЕНЬ КОНТРОЛЯ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВОЗРАСТА И ОБРАЗОВАНИЯ (% по строке)

	Высокий уровень контроля N = 1482	Средний уровень контроля N = 2184	Низкий уровень контроля N = 1178
Возраст:			
18–24 года	33	47	20
25–39 лет	34	47	19
40–54 года	28	46	26
55–64 года	24	38	38
Образование:			
ниже среднего	28	39	33
среднее	29	44	27
высшее	33	48	19
В среднем	31	45	24

спондентов на указанные пять вопросов, которая затем была сгруппирована в три категории:

- 31% – высокий уровень контроля (согласны с тем, что могут контролировать и несут ответственность на всех включенных в рассмотрение уровнях);

- 45% – средний уровень контроля (не во всех случаях заявляют об ответственности и возможности влияния);

- 24% – отсутствие контроля (считают, что не могут контролировать и нести ответственность ни на работе, ни по месту жительства).

В отличие от показателей доверия, возможности контроля в большей степени зависят от возраста и образования. Молодые и более образованные чаще оказываются уверенными в собственных возможностях (см. табл. 4).

Динамика уверенности в возможностях контролировать обстоятельства собственной жизни увеличивается по мере роста благосостояния. И это еще одно отличие от показателей доверия (см. рис. 2). Рост субъективных

ощущений достаточности семейного бюджета для удовлетворения домашних нужд приводит к более, чем двукратному росту доли уверенных в возможностях контроля (и ответственности) обстоятельств собственной жизни между полярными группами. Распределение ответов в зависимости от сообщенной респондентами информации о величине денежного дохода семьи более равномерное, но в целом скорее под-

тверждает вывод о наличии прямо пропорциональной зависимости между уровнем контроля/ответственности и материальным достатком.

Описание переменной «адаптации». Распространенность чувства доверия в обществе является одной из характеристик степени социализации его членов, уровня адаптированности к устоявшимся нормам и правилам поведения. Для переходных обществ, к которым относится

Таблица 6

ДИНАМИКА АДАПТАЦИИ К ПЕРЕМЕНАМ (данные репрезентативных опросов городского и сельского населения в возрасте 18+, % по столбцу)

Какое из следующих высказываний точнее всего описывает ваше отношение к нынешней жизни	Нояб. 2001	Нояб. 2005	Окт. 2010	Окт. 2011	Окт. 2012
	N=2100	N=2100	N=1600	N=1600	N=1500
“Я никак не могу приспособиться к нынешней жизни”	15	10	8	8	7
“Я свыкся с тем, что пришлось жить, ограничивая себя в большом и в малом”	30	21	21	25	19
“Мне приходится “вертеться”, лишь бы обеспечить себе и близким терпимую жизнь”	26	33	31	26	32
“Мне удалось использовать новые возможности, чтобы добиться большего в жизни”	7	8	11	12	11
“Я живу, как и раньше, – для меня в последние годы ничего особенно не изменилось”	16	22	25	26	27
Затрудняюсь ответить	6	6	4	2	4

Таблица 7

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОСЫ О СТЕПЕНИ АДАПТАЦИИ (% по столбцу, доля затруднившихся ответить не приводится)

Насколько вы согласны или не согласны с тем, что у вас достаточно возможностей, чтобы решать проблемы, с которыми приходится сегодня сталкиваться?	
1. Совершенно не согласен	8
2. Скорее не согласен	29
3. Скорее согласен	44
4. Совершенно согласен	16
Насколько вы согласны или не согласны с тем, что жизнь стала такой сложной, что вы часто почти не понимаете, что делать?	
1. Совершенно согласен	14
2. Скорее согласен	33
3. Скорее не согласен	37
4. Совершенно не согласен	12
Насколько вы согласны или не согласны с тем, что чтобы чего-то добиться, людям часто приходится нарушать правила?	
1. Совершенно согласен	19
2. Скорее согласен	45
3. Скорее не согласен	22
4. Совершенно не согласен	7
Как вы думаете, люди будут пытаться решить свои проблемы за ваш счет, если представится такая возможность, или будут вести себя с вами честно, по справедливости?	
1. Практически всегда будут стремиться решить проблемы за Ваш счет	13
2. Чаще будут стремиться решить проблемы за Ваш счет	40
3. Чаще будут вести себя честно, по справедливости	28
4. Практически всегда будут вести себя честно, по справедливости	6

и Россия, этот вопрос особенно актуален. Измерение динамики адаптации российских жителей к происходящим в стране переменам на протяжении последних десятилетий фиксирует улучшения в этой области.

В рамках данного исследования проблемы социальной адаптации рассматривались с разных сторон, преимущественно внимание было сконцентрировано на характере взаимодей-

ствия с окружающим миром: опасения несправедливого отношения со стороны окружающих, чувства фрустрации в связи с необходимостью нарушать правила для решения своих проблем, в целом непонимание организации, правил жизненного порядка и ощущение собственного бессилия перед повседневностью (см. табл. 7). Весь этот комплекс смыслов дополняет описание проблематики доверия, отражая распро-

Таблица 8

ДИНАМИКА УВЕРЕННОСТИ В ЗАВТРАШНЕМ ДНЕ И ДОВЕРИИ К ОКРУЖАЮЩИМ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОКАЗАТЕЛЕЙ АДАПТАЦИИ (% по столбцу, затруднившиеся ответить не приводятся)

	Достаточно возможностей, чтобы решать проблемы, с которыми приходится сегодня сталкиваться				Жизнь стала такой сложной, что я часто почти не понимаю, что мне делать				Чтобы чего-то добиться, людям часто приходится нарушать правила				Будут ли люди пытаться решить свои проблемы за ваш счет или будут вести себя с вами честно, по справедливости?			
	Совершенно не согласен	Скорее не согласен	Скорее согласен	Совершенно согласен	Совершенно согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Совершенно не согласен	Совершенно согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Совершенно не согласен	Всегда будут стремиться решить проблемы за Ваш счет	Чаше будут стремиться решить проблемы за Ваш счет	Чаше будут вести себя честно, по справедливости	Всегда будут вести себя честно, по справедливости
Если говорить в целом, чувствуете ли вы уверенность в завтрашнем дне?																
Да	7	8	16	38	10	10	19	36	16	15	18	22	17	14	18	27
скорее да	17	29	50	42	28	34	48	41	33	41	41	37	31	38	45	34
да + скорее да	24	37	66	79	38	43	67	77	49	57	60	60	48	52	64	61
скорее нет	30	39	23	13	29	36	22	13	25	28	26	21	25	29	25	20
Нет	46	24	11	8	33	20	11	10	26	15	14	20	27	18	12	19
Одни говорят, что людям можно доверять, другие – что осторожность в отношениях с людьми никогда не помешает. какая из этих точек зрения вам ближе?																
определенно людям можно доверять	3	3	5	12	6	4	5	10	4	3	7	12	5	3	5	18
скорее людям можно доверять	22	22	32	31	23	28	30	26	20	27	32	32	19	25	35	24
определенно и скорее можно доверять	25	25	36	42	29	31	35	36	24	30	40	43	24	28	41	42
скорее осторожность в отношениях с людьми никогда не помешает	47	56	49	41	50	51	50	44	48	54	47	38	46	54	48	40
определенно осторожность в отношениях с людьми никогда не помешает	28	19	14	17	21	17	15	20	28	15	14	18	30	18	12	18

страненность последствий дефицита доверия с точки зрения практического социального взаимодействия.

Несмотря на постепенное улучшение ситуации, в российском обществе распространено чувство несправедливости — лишь треть (34%) в той или иной степени ожидают честного и справедливого отношения к себе. Еще меньше тех, кто полагает, что всего можно добиться, не нарушая принятых в обществе правил (29%), т.е. не испытывает чувства вины и уверен в собственной правоте, живет в полном согласии с усвоенными нормами общежития.

В табл. 7 ответы респондентов на все четыре вопроса, характеризующих степень социальной адаптации, перечислены в порядке роста чувства уверенности человека в собственных силах. Это не вполне очевидно в случае третьего вопроса — представлений людей о том, что нарушение правил является неизбежным спутником любого общественного действия. Оказалось, что несогласие с этим утверждением свойственно именно людям лучше адаптированным, более уверенным в себе и доверяющим окружающим (см. табл. 8). Это позволяет говорить о сложившемся типе адаптации не только как о своего рода «понижающем трансформа-

торе», адаптации путем снижения запросов, но и о ее конформистском характере. При очевидном для большинства людей несоответствии *должного* порядка организации общественной жизни в стране и фактического положения (см. табл. 9), способность не замечать того, что правила нарушаются, позволяет чувствовать себя увереннее.

Ощущение избыточной сложности окружающей жизни характерно почти для половины опрошенных — 47%. Большинство при этом все же сохраняет уверенность в собственных возможностях решения своих жизненных проблем — 60%, но треть составляют те, кто сомневается в собственной способности справиться с ними (37%).

По аналогии с агрегированным описанием возможностей контроля была создана переменная, отражающая степень социальной адаптации, на основе совместного анализа описанных выше четырех вопросов анкеты. Факторный анализ этих переменных показал наличие единственного фактора, объясняющее 63% совокупной дисперсии признаков. Агрегированная переменная, описывающая распределение степени адаптации, является суммой ответов респондентов на указанные четыре вопроса,

Таблица 9

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОСЫ О ТОМ, НА КАКИХ ОСНОВАНИЯХ И ПРИНЦИПАХ ДОЛЖНА ДЕРЖАТЬСЯ ВЛАСТЬ В СТРАНЕ, В КОТОРОЙ ВЫ ХОТЕЛИ БЫ ЖИТЬ, И НА КАКИХ ОСНОВАНИЯХ ОНА, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, ДЕРЖИТСЯ
(% по столбцу, ранжировано по первому столбцу)

	должна	держится
На соблюдении Конституции	55	18
На поддержке избирателей, надеющихся на улучшение своей жизни со стороны власти	32	24
На подконтрольности обществу и строгом соблюдении законов	30	7
На людях, привлеченных во власть по их профессиональным и личным достоинствам (талантам, способностям, инициативе)	28	11
На государственной системе, созданной и работающей в интересах общества	26	8
На поддержке избирателей-налогоплательщиков, нанимающих власть на определенный срок для обслуживания общих интересов	24	21
На свободных людях, осознающих свои интересы и умеющих их отстаивать	23	7
На независимости и строгом разделении функций и полномочий всех ветвей власти, их взаимном контроле друг друга	21	5
На поддержке со стороны общественного мнения	19	7
На людях, привлеченных во власть по принципу личной преданности	11	21
На свободных собственниках	7	5
На контроле над собственниками	7	8
На зависимости всех органов власти от главы государства	4	16
На всей мощи государственной машины, работающей только на интересы власти	4	24
На неподконтрольности обществу и пренебрежении законами	4	24
На страхе людей перед властью и их бессилии в отстаивании своих интересов	3	19
На круговой поруке чиновников, их коррумпированности	2	37
На манипулировании общественным мнением	2	19

которая затем была сгруппирована в три категории.

– 18% – высокий уровень адаптации (не ожидают несправедливого отношения к себе, уверены в возможности справиться с жизненными проблемами, не считают жизнь слишком сложной и живут в согласии с собственными представлениями о социальных нормах);

– 53% – средний уровень адаптации (не во всех случаях уверены в справедливости, отрегулированности и очевидности общественной жизни);

– 29% – низкий уровень адаптации (уверены в несправедливости, избыточной сложности и неподвластности окружающего мира, отсутствии понятных норм и правил).

Степень адаптации зависит от возраста, образования и уровня материального достатка в гораздо большей степени, чем возможности контроля. Молодые, более образованные и обеспеченные живут в лучшем согласии с окружающим социумом (см. табл. 10).

Таблица 10

УРОВЕНЬ АДАПТАЦИИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВОЗРАСТА И ОБРАЗОВАНИЯ (% по строке)

	Высокий уровень адаптации N = 857	Средний уровень адаптации N = 2275	Низкий уровень адаптации N = 1327
Возраст:			
18 – 24 года	25	56	19
25 – 39 лет	19	56	25
40 – 54 года	16	52	32
55 – 64 года	16	47	38
Образование:			
ниже среднего	15	46	39
среднее	16	53	31
высшее	22	55	23
В среднем	18	53	29

Характеристики уровня доверия, контроля/ответственности и адаптации людей взаимосвязаны, но не взаимозаменяемы. Доверие оказалось слабо связано как с осознанием возможностей контроля и ответственности за происходящее, так и степенью адаптации к сложившимся социальным условиям (см. табл. 11). Все три показателя изменяются однонаправленно – рост доверия¹ сопровождается повышением адаптации и расширением возмож-

¹ Для удобства анализа переменная «доверие» также была перекодирована в трехпозиционную шкалу, в которой обе степени доверия («полное» и «скорее») были объединены. Две группы, отражающие позиции частичного и полного недоверия, не менялись.

ностей контроля, но в очень малой степени (коэффициенты корреляции не превышают 0,2)². Взаимосвязь между возможностями влияния на обстоятельства собственной жизни и степенью адаптации заметно выше.

Таблица 11

ВЗАИМОСВЯЗЬ ДОВЕРИЯ, КОНТРОЛЯ И АДАПТАЦИИ
(коэффициенты корреляции, уровень значимости – 0,01)

	контроль	адаптация	доверие
контроль	1,000	0,228	0,084
адаптация	0,228	1,000	0,166
доверие	0,084	0,166	1,000

Доверие и социальная мобильность

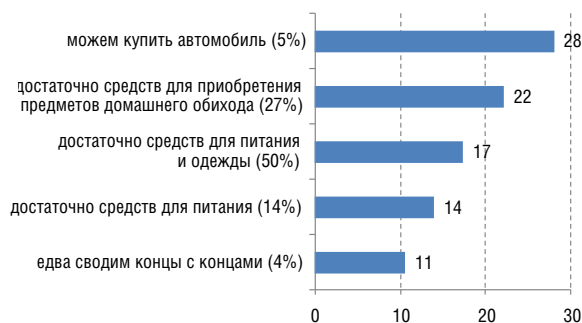
Перевод комплекса доверия в различные модальности практического взаимодействия показывает большую связь последних между собой, нежели с, казалось бы, их общим источником. Это обстоятельство порождает гипотезу о том, что уровень межличностного доверия в российском обществе не просто относительно низкий, но он также и не является индикатором распространенности различных поведенческих практик. Анализ распространенности различных уровней доверия в зависимости от социально-демографических характеристик показывает отсутствие признаков его концентрации в каких-либо определенных слоях общества. Это может объясняться слабой социальной функциональностью понятия «доверия» в современном российском обществе, или, что то же самое, институциональной природой сложившегося дефицита доверия, который делает невозможным появление «ростков», «островков» и т.п. доверия внутри сложившейся системы, которые обладали бы свойством автономного роста, расширения, проникновения в другие социальные слои и группы с тем, чтобы обеспечить повышение уровня доверия во всем обществе. Механизм «точек роста», который предполагает возможность расширения влияния по мере собственного развития, в случае феномена «доверия» так же не возможен/ не может быть реализован/ не работает, как и в случае, например, надежд на изменение социальной структуры российского общества по мере увеличения «среднего класса», количественно определенного на основе ограниченного круга формальных признаков. Изменения возможны только на уровне социальных институтов, общества в целом, а не «островками».

² Примерно на таком же низком уровне находятся и коэффициенты корреляции переменной доверия с исходными распределениями ответов на вопросы анкеты, использованными при создании показателей контроля и адаптации.

Рисунок 3

УРОВЕНЬ СУБЪЕКТИВНЫХ ОЦЕНОК СТЕПЕНИ АДАПТАЦИИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ МАТЕРИАЛЬНОГО ДОСТАТКА СЕМЬИ (% высокого уровня адаптации).

субъективных оценок финансового положения (децильные группы):

Уровень доверия не оказывает влияния на, условно говоря, «либеральный» выбор. В целом для российского населения характерны обширные требования к роли государства, «власти» в жизни общества, широкое распространение уверенности в обязанности государства обеспечивать многочисленные права населения, включая практически все стороны материального обеспечения повседневной жизни. Это не отменяет устоявшейся смиренной привычки к несоблюдению государством этих обязательств, которая в свою очередь питает безответственное отношение к общественным институтам разного уровня и неготовность к социальному взаимодействию за пределами узкого круга родственно дружеских отношений. Общественный выбор между «обязанностью государства обеспечивать достойный заработок каждому честно работающему человеку» и «самостоятельной заботе о заработке каждым человеком, при государственной обязанности только следить за соблюдением законов» чаще делается в пользу первого (в среднем примерно 60%), и не зависит от уровня доверия (см. рис. 4).

В отличие от доверия, степень адаптации и особенно уровень контроля (и, напомним, одновременно осознаваемой и признаваемой ответственности) все же оказывает влияние на этот выбор, очень важный с точки зрения практического существования в конкурентной рыночной среде.

Представления о каналах вертикальной мобильности тоже в некоторой мере меняются в зависимости от рассматриваемых характеристик социального взаимодействия, но структура представлений принципиально та же. Для жизненного успеха важнее всего быть «деловым, энергичным, способным» и «иметь хорошие связи». Так думают более половины как тех, кто испытывает доверие к окружающим, и чувству-

среднедушевому денежному доходу

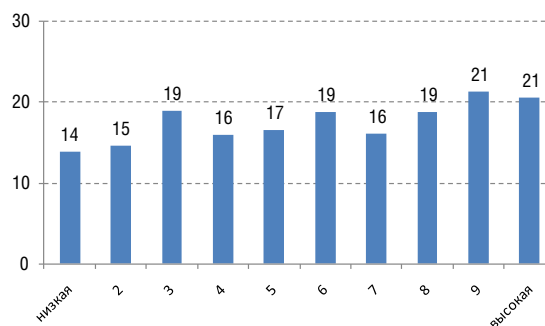
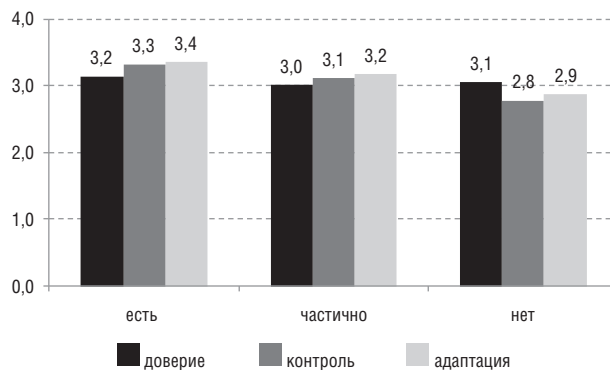

Рисунок 4

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РОЛИ ГОСУДАРСТВА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ ДОВЕРИЯ, КОНТРОЛЯ И АДАПТАЦИИ (средний балл по шкале, где «1» – «государство должно обеспечивать достойный заработок каждому честно работающему человеку» и «6» – «человек должен сам заботиться о заработке, а государство должно только следить за тем, чтобы никто не нарушал законы»)

ет уверенность в себе, так и их противоположность — люди недоверчивые и дезадаптированные. Повышение доли ответов, отражающих значимость индивидуальных усилий для продвижения в жизни, в большей степени связано с возможностями контроля и адаптированностью индивида, чем с уровнем доверия. Например, важность личных знакомств возрастает с 53% до 64% при переходе от группы доверяющих к группе не доверяющих, или с 40% до 50%, когда речь идет о наличии преуспевающих родственников. В зависимости от уровня адаптированности разрыв в оценках немного выше: 52% и 61% упоминающих значимость знакомств и связей; 34% и 51% — важность высокопоставленных родственников. Максимальной дифференцирующей способностью обладает степень адаптации — разрыв в оценках значимости как до-модерных, так и модерных каналов вертикальной мобильности достигает полутора — двух раз.

Таблица 12

СПОСОБЫ ВЕРТИКАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ ДОВЕРИЯ, КОНТРОЛЯ И СТЕПЕНИ АДАПТАЦИИ (% по столбцу, не более трех ответов)

Каким людям легче всего добиться успехов в жизни:	есть			нет		
	доверие	контроль	адаптация	доверие	контроль	адаптация
	N = 1927	N = 1482	N = 857	N = 1016	N = 1178	N = 1327
имеющим хорошие знакомства, связи	53	57	52	64	61	61
спекулянтам, махинаторам	13	11	9	17	17	21
подхалимам, приспособленцам	12	10	8	16	18	20
имеющим преуспевающих или занимающих высокие посты родственников	40	40	34	50	53	51
деловым, энергичным, способным	55	58	62	43	41	42
трудолюбивым, любящим свою работу	19	21	30	17	14	14
образованным	21	23	27	19	17	15
знающим иностранные языки	8	6	7	6	9	5
имеющим высокую профессиональную квалификацию	25	23	29	23	21	19

За прошедший год произошли некоторые изменения в структуре представлений о значимости различных путей достижения успеха (см. табл. 13). Выросла значимость домодерных факторов – в среднем с 53% до 59% увеличилась доля считающих связи и знакомства непременным условием продвижения по жизни. Еще чаще стали указывать на важность родственных связей – рост с 38% до 45%. Напротив, среди факторов, связанных с индивидуальными усилиями и качествами, только профессиональная квалификация стала упоминаться чаще (рост с 19% до 24%). При этом респонденты в нынешнем году реже отмечали значимость образования (снижение с 23% до 20%).

Доверие и потребительские ориентации

Итак, уровень доверия сам по себе, как вербальная позиция, не оказывает заметного регулирующего воздействия на формирование поведенческих ориентаций. Справедливо ожидать, что столь же малозначимым будет и его

влияние на более частные представления, формирующие поведенческие практики, в частности – финансовое поведение.

С точки зрения формирования стратегий финансового поведения одним из важнейших вопросов является представления о возможном временном горизонте потребностей и источников их удовлетворения, которыми руководствуются люди, т.е. проще говоря, горизонте планирования семейных доходов и расходов. Наличие более продолжительных во времени перспектив, которые индивид может надежно рассматривать/учитывать как с точки зрения формирования запросов (расходов), так и аккумуляции ресурсов их реализации (доходов) является условием более эффективного функционирования и отдельного домохозяйства, и экономики в целом. Дефицит доверия в этом смысле признается как существенный ограничитель расширения временных горизонтов потребительских ориентаций российских жителей.

Таблица 13

ДИНАМИКА СПОСОБОВ ВЕРТИКАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ (% по столбцу, не более трех ответов)

Каким людям легче всего добиться успехов в жизни:	2011	2012
	N = 6000	N = 6000
имеющим хорошие знакомства, связи	53	59
спекулянтам, махинаторам	16	14
подхалимам, приспособленцам	14	13
имеющим преуспевающих, занимающих высокие посты родственников	38	45
деловым, энергичным, способным	50	50
трудолюбивым, любящим свою работу	19	18
образованным	23	20
знающим иностранные языки	7	7
имеющим высокую профессиональную квалификацию	19	24

Результаты опроса городских жителей не подтверждают наличия прямой зависимости между уровнем доверия и представлениями людей о необходимости и возможности планирования как в самом общем виде, так и относительно материальных условий жизни своей семьи.

Наличие доверия не приводит к более частому распространению мнения о целесообразности формирования образа будущего, без которого невозможно задание ориентиров сегодняшнего, актуального действия. Есть доверие или нет – в обоих случаях примерно 40% согласны с тем, что стараются по возможности планировать свое будущее (см. табл. 14). В то же время высокий уровень адаптации и, особенно, контроля существенно увеличивают долю таких ответов (в случае контроля с 29% среди тех, кто считает невозможным контролировать и нести ответственность за обстоятельства собственной жизни до 53% – среди тех, кто ощущает полную возможность контроля).

Равным образом, уровень доверия не оказывает влияние на то, как часто люди задумываются о будущих семейных доходах и расхо-

дах – постоянно или время от времени об этом размышляют 56% среди людей, ощущающих полное доверие, и 58% – среди тех, кто склонен всегда не доверять окружающим. Наличие или отсутствие контроля выражается в большем или меньшем распространении частоты попыток представить себе будущее семейного бюджета: те, кто уверен в собственном контроле, в 65% случаев сообщают о том, что довольно часто или даже постоянно думают о будущих доходах и расходах, те же, кто не ощущает возможностей контроля – 47%. Разница в распространенности ориентаций на формирование представлений о будущем семейном бюджете в зависимости от уровня контроля заметно меньше, чем в случае более общих размышлений о будущем. И так же, как и в случае фактора доверия, эти различия уже практически полностью отсутствуют, когда речь идет о влиянии степени адаптации.

Переход к более практическим обстоятельствам материальных условий жизни постепенно нивелирует различия в общих ориентациях на уровень доверия, возможности контроля/ответственности и степени адаптации.

Таблица 14

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БУДУЩЕМ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ ДОВЕРИЯ, КОНТРОЛЯ И СТЕПЕНИ АДАПТАЦИИ
(% по столбцу, один ответ)

	есть			нет		
	доверие	контроль	адаптация	доверие	контроль	адаптация
	N = 1927	N = 1482	N = 857	N = 1016	N = 1178	N = 1327
Я пытаюсь планировать свое будущее настолько, насколько это возможно	43	53	49	40	29	33
Время от времени думаю о будущем, но по большей части меня занимают проблемы сегодняшнего дня	39	35	37	34	40	37
Считаю, что думать о будущем нет смысла, оно слишком неопределенно	11	8	9	13	19	17
Я стараюсь не думать о будущем, о нем тревожно думать	6	3	4	11	12	12

Таблица 15

ГОРИЗОНТ ПЛАНИРОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ДОХОДОВ И РАСХОДОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ ДОВЕРИЯ, КОНТРОЛЯ И СТЕПЕНИ АДАПТАЦИИ (% по столбцу, один ответ)

	есть			нет		
	доверие	контроль	адаптация	доверие	контроль	адаптация
	N = 1927	N = 1482	N = 857	N = 1016	N = 1178	N = 1327
не более чем на полгода вперед	46	45	43	57	58	58
на полгода – один год вперед	32	32	34	23	25	24
на 2-3 года вперед	9	11	10	5	4	5
на 4-5 лет вперед	2	3	3	2	1	2
более чем на 5 лет вперед	1	1	2	2	0	1
затрудняется ответить	10	9	8	11	11	9

Более того, имеющиеся различия полностью исчезают, когда речь заходит о конкретных горизонтах планирования семейных бюджетов (см. табл. 15). В среднем четыре из пяти городских российских семей не в состоянии планировать свой семейный бюджет более чем на год вперед, а каждая десятая семья вообще затрудняется оценить возможный горизонт планирования. Практически отсутствует влияние уровня доверия, контроля и адаптации на величину горизонта планирования семейных бюджетов. Вне зависимости от различий в возможностях контроля, доверии, степени адаптации фактическое поведение (или, по крайней мере, его рефлексия) оказывается одинаковым. Ценностные ориентации остаются в области теоретических конструкций и не транслируются в механизмы регулирования потребительского поведения (в данном случае).

Представления о необходимости планирования семейного бюджета широко распространены и единодушны (см. табл. 16). Более половины опрошенных уверены в том, что обязательно нужно стараться предусматривать заранее различные относительно крупные семей-

ные расходы, выходящие за пределы текущего потребления: от расходов на семейные торжества до приобретения жилья и обеспечение в случае отсутствия трудовых заработков (из-за нетрудоспособности и/или выхода на пенсию). И это не вопрос доверия, возможностей контроля или уровня адаптации. Это безусловное правило, норма.

Отметим здесь показательную особенность иерархии важности различных потребностей, которая опосредованно отражается в доле согласных с важностью учета тех или иных предстоящих расходов. Чем важнее, настоятельнее та или иная потребность, тем чаще люди будут стараться учитывать ее при планировании семейного бюджета. В рамках списка (представленного в Табл. 16) наибольший приоритет имеют затраты на обучение, что отражает не только признание повсеместного характера платности получения образования, но и повальный спрос на высшее профессиональное образование. Почти столь же важно, с точки зрения людей, стараться накапливать средства для приобретения жилья. В обоих случаях, казалось бы, речь идет о потенциально достаточно долгосрочных

Таблица 16

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НЕОБХОДИМОСТИ ПЛАНИРОВАНИЯ ПРЕДСТОЯЩИХ СЕМЕЙНЫХ РАСХОДОВ (% по столбцу, любое число ответов)

	есть			нет		
	доверие	контроль	адаптация	доверие	контроль	адаптация
	N = 1927	N = 1482	N = 857	N = 1016	N = 1178	N = 1327
Нужно стараться учитывать заранее расходы на ...						
обучение детей (если есть дети)	78	84	79	77	76	79
лечение, восстановление здоровья в случае необходимости	63	63	59	56	61	61
отпуск	65	64	61	58	61	59
семейные торжества (юбилеи, свадьбы и т.п.)	59	57	60	53	55	54
приобретение жилья (если нет жилья в настоящий момент)	72	79	73	77	75	74
жизнь на пенсии	49	51	43	45	44	44
случай потери работы, серьезной болезни	50	51	47	48	49	49
Нет смысла планировать семейный бюджет с учетом расходов на						
обучение детей (если есть дети)	18	14	13	22	26	23
лечение, восстановление здоровья в случае необходимости	33	27	32	35	36	33
отпуск	22	21	22	25	30	26
семейные торжества (юбилеи, свадьбы и т.п.)	24	24	26	27	31	21
приобретение жилья (если нет жилья в настоящий момент)	35	24	29	31	41	37
жизнь на пенсии	61	56	61	63	66	63
случай потери работы, серьезной болезни	54	54	54	53	62	57

периодах планирования и, соответственно, аккумулирования ресурсов, что предполагает формирование «длинных» накоплений.

Планирование семейного бюджета с учетом «жизни на пенсии», в случае болезни и потери работы реже всего упоминается респондентами, несмотря на то, что в структуре целей личных накоплений сбережения «на всякий случай», «на старость» относятся к числу наиболее приоритетных. Такие долгосрочные потребности оказываются менее важными с точки зрения формирования структуры семейных бюджетов, чем отпуск, семейные торжества. Последние являются предметом короткого горизонта планирования, и это соответствует описанному ранее подавляющему преобладанию максимум одногодичного периода планирования. Низкий уровень готовности людей учитывать в своих семейных бюджетах такие долгосрочные и/или трудно предсказуемые цели как пенсии, потеря трудоспособности также выражаются в высокой доле ответов о бессмысленности такого рода действий. Эта позиция устойчива и не зависит от анализируемых признаков доверия, контроля и адаптации. Единодушная позиция населения по этому вопросу является признанием того, что единственным источником покрытия потребительских расходов могут быть трудовые доходы. Большинство населения не рассматривает семейные накопления как самостоятельный ресурс, который мог бы заменить заработки, т.е. нет представления о возможности и необходимости формирования такого объема сбережений, который был бы достаточен для, условно говоря, «жизни на проценты» или, как минимум, для более-менее продолжительного периода отсутствия текущих денежных доходов. О возможном формировании класса «рантье» нет и речи.

Этот вывод подтверждается и распределением ответов о том, какие направления будущих расходов не целесообразно учитывать при планировании семейных бюджетов. Чаще всего к таким нуждам относят формирование ресурсов для пенсионного обеспечения и случаев потери работы и/или работоспособности (примерно 55%–60%).

В среднем каждый третий респондент уверен в том, что «не имеет смысла планировать» текущий семейный бюджет с учетом будущих расходов на приобретение жилья даже в том случае, если этого требуют текущие жилищные условия семьи. Также примерно треть опрошенных не видит смысла в формировании ресурсов для оплаты медицинских услуг. Однако

в отличие от единодушного признания нецелесообразности долгосрочных накоплений для пенсионных целей и потери трудоспособности, в случае приобретения жилья уже обозначаются различия в позициях анализируемых групп населения. По-прежнему наличие или отсутствие доверия не оказывает влияния на выбор, но улучшение адаптации и, в особенности, рост ощущений контроля заметно понижают долю тех, кто считает нецелесообразным планировать текущий семейный бюджет с учетом задач формирования ресурсов для решения жилищной проблемы семьи. Доля таких оценок снижается с 41% до 24% при переходе от группы респондентов, считающих, что они не обладают контролем, к группе уверенных в наличии такого контроля. По показателю адаптации разрыв меньше – с 37% до 29%. Доверяющие в 35% случаев уверены в бессмысленности откладывания денег для покупки жилья, а не доверяющие – в 31%, т.е. различия практически отсутствуют.

Планирование бюджетов на такие расходы как семейные торжества, проведение отпуска, которые максимально приближены к текущим, вызывает наименьшие принципиальные возражения – ненужность их планирования отмечает примерно каждый четвертый – пятый респондент.

В анализируемом списке направлений семейных расходов, которые могут выходить за рамки ежемесячных трат и требовать предварительного учета при формировании текущих семейных бюджетов затратам на образование все опрошенные уделили наибольшее внимание – в среднем чаще всего указывали на необходимость учета (78%) и реже всего на то, что «нет смысла» это делать (18%). Величина потенциальных образовательных затрат в анкете не специфицировалась, но правильнее было бы исходить из того, что в большинстве случаев речь не идет о значимых затратах (относительно семейных бюджетов). Такой вывод подтверждается исследованиями спроса и предложения платного образования всех уровней (от общего до высшего профессионального), которые показывают наличие широкого ценового диапазона предложения образовательных услуг, в котором потребители с разным уровнем достатка могут найти удовлетворяющее их предложение. Спрос на высококачественное образование крайне ограничен, поэтому весьма редки случаи, когда люди готовы на существенные материальные лишения для получения качественного образования, которое им «не по карману».

Поэтому семейные сбережения с целью оплаты образования детей, скорее всего, не предполагают продолжительных сроков накоплений. Соответственно, высокий уровень готовности людей рассматривать образовательные нужды как важный фактор формирования семейных бюджетов есть еще одно указание на приоритет текущих финансовых целей.

Доверие и отношение к банковской системе

Анализ распределения мнений о наиболее вероятном направлении расходования значительной суммы средств, неожиданно оказавшейся в распоряжении, т.е. тест на выявление актуальных потребительских запросов, также показывает отсутствие существенного влияния уровня доверия, контроля и адаптации на ориентации потребителей. В потребительском воображении всех групп опрошенных практически неизменно сохраняется уверенное преобладание расходов на текущие нужды и дорогостоящие покупки над инвестициями и сбережениями. Примерно две трети отдают предпочтение текущим тратам, каждый пятый – денежным сбережениям (в лучшем случае – депозитам).

Различия в предпочтениях появляются, когда речь заходит о выборе источника средств в случае нужды в крупной сумме денег. Представители группы с высоким уровнем доверия реже других стали бы брать банковский кредит. Более того, те, кто не испытывает доверия, склонны были бы обращаться в банк даже немного чаще (35% против 32% – см. табл. 17). Высокий уровень доверия приводит к тому, что люди более охотно прибегают к архаичным, испытанным частным займам, а не к институционализированной кредитно-финансовой системе. Влияние уровня контроля и адаптации ровно обратное: чем выше их уровень – тем

вероятнее обращение к банковскому кредиту (рост примерно в полтора раза частоты выбора этого способа финансирования), а не поиск частных заимствований.

Изучение отношения горожан к банковской системе в зависимости от уровня доверия также не выявило существенных отличий. В ходе опроса респондентам была предложена серия суждений, призванных выявить мнения людей о том, как функционирует нынешняя банковская система, насколько она понятна, удобна и дружелюбна для потребителя (см. табл. 18).

Большинство городского населения имеет достаточно возможностей для формирования собственного обоснованного мнения на сей счет. Примерно три четверти опрошенных пользуются банковскими услугами не реже раза в месяц, а каждый пятый – еженедельно.

Факторный анализ этих переменных позволил выделить 4 группы факторов, комплексно описывающих восприятие опрошенными банков (доля объясненной дисперсии – 72%). В соответствии с выделенными факторами были построены четыре сводные переменные, отражающие уровень согласия с соответствующими обобщенными оценками.

Первая переменная (соответствующий фактор описывает 30% дисперсии) отражает информационную составляющую, и включает вопросы о том, насколько доступна информация о депозитах и кредитах, условия получения и стоимости последних. Доля согласных с наличием такой банковской информации в свободном доступе для потребителей – 85%.

Вторая переменная (соответствующий фактор описывает 16% дисперсии) оценивает сложившееся в обществе мнение о возможностях контроля заемщиков, которые есть у банковской системы, и включает оценки высказыва-

Таблица 17

ВЫБОР ИСТОЧНИКА ФИНАНСИРОВАНИЯ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ ДОВЕРИЯ, КОНТРОЛЯ И СТЕПЕНИ АДАПТАЦИИ
(Распределение ответов на вопрос «ЕСЛИ ВАМ ПОНАДОБИТСЯ КРУПНАЯ СУММА ДЕНЕГ, ЧТО ВЫ, СКОРЕЕ ВСЕГО, ПРЕДПРИМЕТЕ? % по столбцу, один ответ)

	есть			нет		
	доверие N = 1927	контроль N = 1482	адаптация N = 857	доверие N = 1016	контроль N = 1178	адаптация N = 1327
возьмете в долг у родственников, друзей, знакомых	32	27	32	27	28	32
возьмете кредит в банке	32	44	43	35	30	30
продадите что-то из своего имущества	4	5	4	4	3	4
я не смогу достать такую сумму денег	11	7	7	12	15	14
ничего из перечисленного не буду предпринимать	11	9	10	12	13	12
затрудняюсь ответить	10	8	5	9	10	7

Таблица 18

ОЦЕНКИ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ (% по столбцу, доля затруднившихся с ответом не приводится)

Насколько легко или сложно найти и сравнить информацию по различным банкам о депозитах (процентах, сроках, ограничениях)?	
1. Очень легко	16
2. Довольно легко	48
3. Довольно сложно	18
4. Очень сложно	5
Насколько легко или сложно найти и сравнить информацию по различным банкам об условиях предоставления кредита?	
1. Очень легко	16
2. Довольно легко	48
3. Довольно сложно	19
4. Очень сложно	5
Насколько легко или сложно узнать заранее в банке, как дорого обойдется кредит?	
1. Очень легко	15
2. Довольно легко	45
3. Довольно сложно	21
4. Очень сложно	8
Насколько легко или сложно понять предоставляемую банком информацию о схеме кредита (условия получения и погашения кредита)?	
1. Очень легко	11
2. Довольно легко	39
3. Довольно сложно	28
4. Очень сложно	10
Насколько вы согласны или не согласны с тем, что в нашей стране можно брать сколько угодно кредитов, их в действительности никто не может проконтролировать?	
1. Полностью согласен	8
2. Скорее согласен	26
3. Скорее не согласен	31
4. Полностью не согласен	19
Насколько вы согласны или не согласны с тем, что в нашей стране человек может взять в кредит больше, чем сможет когда-либо возвратить?	
1. Полностью согласен	12
2. Скорее согласен	32
3. Скорее не согласен	25
4. Полностью не согласен	15
Насколько вы согласны или не согласны с тем, что банки, кредитные организации используют агрессивные приемы продвижения услуг?	
1. Полностью согласен	19
2. Скорее согласен	37
3. Скорее не согласен	21
4. Полностью не согласен	6
Насколько вы согласны или не согласны с тем, что банк – это удобное место для платежей, хранения денег и других финансовых услуг?	
1. Полностью согласен	25
2. Скорее согласен	55
3. Скорее не согласен	11
4. Полностью не согласен	4

Насколько вы согласны или не согласны с тем, что основная цель банка – заработать на мне, моих деньгах?	
1. Полностью согласен	40
2. Скорее согласен	40
3. Скорее не согласен	12
4. Полностью не согласен	2
Насколько вы согласны или не согласны с тем, что банк помогает мне решать мои проблемы?	
1. Полностью согласен	12
2. Скорее согласен	41
3. Скорее не согласен	27
4. Полностью не согласен	12

ний «в нашей стране человек может взять в кредит больше, чем когда-либо сможет возвернуть» и «можно брать сколько угодно кредитов, их в действительности никто не может проконтролировать». В среднем примерно две трети опрошенных согласны с этими утверждениями (64%).

Третья переменная (соответствующий фактор описывает 14% дисперсии) описывает представления людей о функциональной полезности банковских услуг (удобный инструмент финансовых услуг, «банк помогает решать проблемы»). Позитивное описание этой стороны работы банков дали 85% опрошенных. Но претензии к деятельности банков тоже есть, они выражены в следующей переменной.

Четвертая переменная (соответствующий фактор описывает 12% дисперсии) объединяет суждения об агрессивности банковского маркетинга и представления о том, что основная цель банка – заработать на деньгах клиента. Согласны с этими утверждениями девять из десяти опрошенных (91%).

Высокий уровень согласия опрошенных с большинством параметров, описывающих функционирование банковской системы, означает единодушие, отсутствие разнообразия

мнений и отношения к банковским услугам. В том числе, уровень доверия менее всего оказывает влияние на формирование этих представлений людей (см. табл. 19).

На отношение потребителей к банковским услугам в наибольшей степени влияет уровень адаптации. Например, доля считающих информацию о банковских услугах доступной и полной повышается с 79% среди людей плохо адаптированных до 89% – среди хорошо адаптированных. Уровень доверия практически не влияет (86% среди тех, кто доверяет, и 82% – у не доверяющих). По мере роста адаптации и возможностей контроля снижается доля считающих, что банки не способны должным образом проконтролировать качество заемщиков – в группе высокой степени адаптации доля ответов снижается до 58%.

Общие представления людей о функционировании банковской системы оказывают заметное влияние на ценностные ориентации в области потребительского кредитования, но не по всем параметрам (см. табл. 19). Та или иная позиция по поводу уровня агрессивности продвижения банковских услуг не приводит к изменениям в оценках пользы от потребительско-

Таблица 19

ОТНОШЕНИЕ К БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЕ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ ДОВЕРИЯ, КОНТРОЛЯ И АДАПТАЦИИ (Доля согласных с утверждениями, %)

	есть			нет		
	доверие	контроль	адаптация	доверие	контроль	адаптация
	N = 1927	N = 1482	N = 857	N = 1016	N = 1178	N = 1327
Доступность полной и понятной информации	86	88	89	82	77	79
Возможность взять в кредит больше, чем можешь отдать	63	61	58	62	66	67
Банковские услуги удобны и полезны	85	88	86	81	80	80
Банки агрессивны и нажимают на людей	89	89	86	92	92	94

Таблица 19

ДОЛЯ СОГЛАСНЫХ С ТЕМ, ЧТО ПОКУПКИ В КРЕДИТ ПРИНОСЯТ БОЛЬШЕ ПОЛЬЗЫ, ЧЕМ РИСКА ИЛИ ОПАСНОСТИ, В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОТНОШЕНИЯ К БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЕ (% от числа согласных с указанными характеристиками банковской системы)

	согласны	не согласны
	N = 4715	N = 530
Доступность полной и понятной информации	46	34
Возможность взять в кредит больше, чем можешь отдать	48	37
Банковские услуги удобны и полезны	48	26
Банки агрессивны и наживаются на людях	44	46

го кредитования — в обоих случаях чуть менее половины (44%- 46%) респондентов считают, что она превышает возможные риски.

В то же время положительные оценки доступности информации и комфортности пользования банковскими услугами заметно увеличивают степень привлекательности потребительского кредитования: доля считающих, что оно приносит больше пользы, чем вреда, увеличивается с 34% до 46% (по показателю доступности информации). Особенно значимой оказывается связь с оценками удобства банковских услуг — доля положительного отношения к банковским кредитам вырастает с 26% до 48%.

Для современной России характерен не просто низкий уровень доверия в обществе, но и отсутствие его влияния на поведенческие практики даже в тех случаях, когда люди сообщают о готовности к доверительному социаль-

ному взаимодействию. Можно сказать, что, как правило, доверительные отношения не рассматриваются людьми как дополнительный ресурс, облегчающий или стимулирующий те или иные типы поведения, в том числе финансового. Взаимосвязанное с доверием чувство контроля обстоятельств собственной жизни (обязательно сопряженного с ответственностью) является значимым фактором, формирующим поведение людей в потребительской сфере. Уровень адаптации также оказывает влияние, но в меньшей степени, чем чувство контроля. На общем фоне ориентации на первоочередное удовлетворение текущих потребностей, расширение контроля и повышение адаптации способствует развитию долгосрочных потребительских целей, тем самым стимулируя долгосрочные накопления, а также помогает развитию рынка кредитования, сокращая долю ориентирующихся на частные заимствования.

Наталья БОНДАРЕНКО

Представления населения России и других стран о финансовой системе и финансовых рисках

В данной статье использовались данные исследования 2012 года о финансовом поведении городского населения России (18-64 лет), проведенного Левада-центром по заказу Сбербанка России, международного исследования 2011 года Global Financial Inclusion Мирового банка и исследований Евробарометра по финансовым услугам населению европейских стран в 2003, 2011 гг.¹

Оценка финансовой вовлеченности (инклюзии) населения

Вовлеченность (инклюзия) различных групп населения в институциональную финансовую систему является не только характеристикой финансовой сферы страны, а также важным социально-экономическим индикатором ее развития. Она дает представление о том, принадлежит ли Россия к странам, в которых нормой является повседневная жизнь в рамках модели наличных денег. Для этой модели характерна низкая интенсивность взаимодействия населения и финансовых институтов. Противоположная модель характеризует страны, имеющие инклюзивную финансовую систему. Институционально развитым экономикам свойственна в большей степени инклюзивная финансовая система, предоставляющая широкий (с отсутствием ценовых и неценовых барьеров) доступ к пользованию институциональными финансовыми услугами². Для такой системы характерна высокая интенсивность взаимодействия населения и финансовых институтов, более того, в рамках такой системы повышаются возможности населения и выигрывают даже наиболее бедные и незащищенные группы населения. В частности, без инклюзивных финансовых систем бедные должны рассчитывать на свои собственные ограниченные сбережения, чтобы инвестировать в свое образование, лечение или занятость; частные предприниматели ради развития своего дела могут полагаться лишь на свои

ограниченные доходы, заработки; в таких условиях на системном уровне лишь сохраняется материальное неравенство, откладывается или замедляется экономический рост. В ходе межстрановых сравнений исследователи³ выявили следующую взаимосвязь: чем выше средний уровень жизни и ниже доходное неравенство, тем выше интенсивность взаимодействия населения и финансовых институтов, тем ближе финансовая система к инклюзивной, тем ниже финансовая эксклюзия различных групп населения. Зафиксированы огромные различия между странами с высоким уровнем жизни и развивающимися странами – в распространенности текущих счетов и в частоте операций по ним; в том, как люди получают доступ к своим счетам; в том, какую платежную систему используют; как заимствуют и сберегают; как оценивают свои финансовые риски и др.

Вопросы финансовой вовлеченности населения важны еще и тем, что феномен финансовой эксклюзии несет риски социальной эксклюзии. Сложности в доступе или пользовании институциональными финансовыми услугами, с которыми сталкиваются определенные группы населения, могут вести к возникновению их социальной исключенности, депривации в том, что касается жилищных условий, получения лечения, образования, трудоустройства, или усиливать их. Кроме того, это может усиливать и субъективные ощущения социальной исключенности, даже стигматизации.

Согласно определению Мирового банка финансовая вовлеченность населения (инклюзия) измеряется по 4 ключевым сферам: по банкингу (банковские транзакции), по сбережениям, по заимствованию, по страхованию. У нас есть возможность оценить характер финансовой вовлеченности (инклюзии) населения России, выявить общности и различия России со странами СНГ с близкой экономической историей; со странами наиболее влиятельными среди развивающихся стран, входящими в состав БРИК; с имеющими развитые экономики,

¹ Описание этих исследований см. подробнее в статье.

² http://www-wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/1W3P/IB/2012/04/19/000158349_20120419083611/Rendered/PDF/WPS6025.pdf

³ E. Kempson, M. Crame, A. Finney. Financial services provision and prevention of financial exclusion. Eurobarometer report. 2007. P.7. <http://www.bris.ac.uk/geography/research/pfrc/themes/finexc/pfrc0808.pdf>

наиболее влиятельными странами Евросоюза; а также со странами, вошедшими в Евросоюз не так давно. Мы используем данные мирового опроса Global Financial Inclusion, проведенного Мировым Банком¹ в 2011 году.

По результатам опроса Мирбанка, среди стран Евросоюза можно выделить несколько основных моделей финансовой вовлеченности (инклюзии) населения⁵, которые представлены в таблице 1. Во-первых, это страны, где на-

Таблица 1

ИНДИКАТОРЫ ФИНАНСОВОЙ ИНКЛЮЗИИ НАСЕЛЕНИЯ В 2011 ГОДУ В РОССИИ И В РЯДЕ СТРАН, ВОШЕДШИХ В ЕС ДО 2003 ГОДА², СРЕДИ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ВОЗРАСТЕ ОТ 18 ДО 65 ЛЕТ³

	Франция	Германия	Испания	Италия	Португалия	Греция	Россия
Банкинг							
% имеющих счет в финансовой организации от числа всех опрошенных	99	98	95	75	84	80	54
% имеющих дебетовую карту от числа всех опрошенных	74	90	70	44	71	40	44
% имеющих кредитную карту от числа всех опрошенных	41	40	47	36	33	22	12
% осуществлявших электронные платежи, в том числе банковские переводы и оплату товаров и услуг, через Интернет с помощью банковских счетов (от числа владельцев счетов)	74	74	51	47	64	12	18
Использовали ли Вы за последние 12 месяцев Ваш(и) счет(а) для... (в % от имеющих счет)							
Получения денег, зарплаты, вознаграждения	72	61	65	54	60	48	70
Получения пенсий, пособий, выплат от государства	39	62	42	24	42	18	15
Получения денег от родственников, проживающих в другом месте	18	21	9	6	7	7	5
Отправления денег родственникам, проживающим в другом месте	21	26	11	6	5	7	6
% тех, у кого нет счета в банке из-за недоверия финансовым организациям (среди не имеющих банковского счета)	⁴ *	*	*	11	13	22	41
% тех, у кого нет счета в банке из-за недостатка денег или отсутствия регулярных доходов (среди не имеющих банковского счета)	*	*	*	41	25	75	70

¹ В данной статье приведены расчеты по базе данных исследования GlobalFinancialInclusion (GlobalFindex) 2011г., которая содержит набор индикаторов, позволяющих измерить, как взрослое население 148 стран сберегает, заимствует, осуществляет платежи и управляет финансовыми рисками в сфере личных финансов.

² Выбор конкретных стран был обусловлен интересом сравнить Россию с «крупными», наиболее влиятельными в Европе экономиками Франции, Германии и со странами Южной Европы, имеющими ниже средневропейских уровни экономического развития и финансовой инклюзии населения.

³ В таблице для всех стран использованы данные опроса Мирового банка GlobalFinancialInclusion (GlobalFindex) 2011 г., по каждой стране данные репрезентируют взрослое (от 18 до 65 лет) городское и сельское население.

⁴ Так как доля владельцев счетов в банках в этих странах составляет 96-99% опрошенных, то на вопрос о причинах отсутствия счетов в банках в этих странах отвечали лишь 1-4% от числа опрошенных, поэтому ответы мало наполнены, статистически не значимы и не приводятся в таблице.

селение самым активным образом вовлечено в финансовые операции, максимально взаи-

⁵ Интересно, что если обратиться к более ранним результатам другого масштабного исследования по проблематике вовлеченности и факторов финансовой эксклюзии «Финансовые услуги, Евробарометр» 2003г., то среди стран Европы эксперты также выделили похожую типологию стран по финансовой вовлеченности (инклюзии) населения. Так, наиболее высокий уровень финансового взаимодействия/привлечения населения к институциональным финансовым услугам демонстрирует, например, Франция, Швеция, Бельгия. Несколько отстают Германия, Испания, Австрия, Великобритания. Средний уровень финансовой вовлеченности зафиксирован в Италии, Португалии, Эстонии, Чехии. Низкий уровень преимущественно среди стран, вошедших в Евросоюз после 2003 года, например, Венгрия, Польша (тем не менее, они демонстрируют довольно положительную динамику за последние несколько лет – с 2003г. по 2012г., опыт вхождения способствовал росту взаимодействия населения с основными финансовыми институтами). <http://www.bris.ac.uk/geography/research/pfrc/themes/finexc/pfrc0808.pdf>.

Сберегательная активность за прошедшие 12 месяцев							
% скопивших или отложивших деньги за прошедшие 12 месяцев, от числа всех опрошенных	63	71	49	30	35	28	22
<i>в том числе, сберегали с использованием счета в банке, финансовой организации¹</i>	53 (84)	60 (85)	38 (77)	19 (63)	28 (79)	20 (71)	11 (49)
<i>% респондентов делавших сбережения для расходов в будущем (на образование, на свадьбу, крупную покупку и пр.), от числа всех опрошенных</i>	38	51	32	13	22	15	14
<i>% респондентов делавших сбережения на "черный" день, или на тот случай, если доход сократится, от числа всех опрошенных</i>	37	54	41	23	29	22	15
Кредитная активность за прошедшие 12 месяцев							
% респондентов воспользовавшихся формальными способами кредитования (по кредитам и займам сроком более 1 года), от числа всех опрошенных	23	24	20	9	12	15	14
<i>В том числе, занимавших в банке, в другом финансовом учреждении, от числа всех опрошенных</i>	22	16	14	6	10	10	10
<i>доля тех, кто купил что-либо в кредит в торговой точке, от числа всех опрошенных</i>	5	15	11	3	2	8	6
% занимавших денежные средства у членов семьи или друзей (неформальный способ), от числа всех опрошенных	4	9	14	5	8	23	27
% имеющих в настоящий момент непогашенный кредит для покупки дома/квартиры, от числа всех опрошенных	32	26	37	15	27	8	2

модействует именно с финансовыми институтами, активнейшим образом пользуется «продуктами» финансовых институтов – Франция, Германия. Здесь максимальная доля населения, использующая различные виды банкинга (доля имеющих банковский счет, доля использующих в последние 12 месяцев счета для каких-либо финансовых операций, доля имеющих банковскую карту). Более того – банковские счета используются для довольно широкого круга финансовых операций (не только как «зарплатные» счета в России). Здесь также активнее всего пользуются новыми технологиями – электронными платежами по банковским счетам, картам. Следует отметить и самую высокую склонность к сбережениям, особенно в Германии, а также почти абсолютное предпочтение институциональных форм сбережения (более 80% сделавших сбережения хранят и накапливают средства на счетах в финансовых учреждениях). В кредитной сфере для этих

стран характерны большие возможности доступа массовых групп населения к краткосрочным банковским кредитным ресурсам посредством обладания кредитной картой, также гораздо шире распространена практика получения более длительных кредитов на срок более 1 года через институциональные каналы заимствования (в сравнении с неформальными способами заимствования: у родственников, знакомых).

Основную часть стран Южной Европы (Италия, Испания, Португалия) можно отнести к средней группе по типу финансовой вовлеченности (табл. 1). С переходом к этой группе стран отмечается снижение почти всех видов финансовой активности населения (склонность к сбережениям, кредитная активность, банкинг), а также кредитной доступности посредством распространения кредитных карт. В этих странах менее распространенной оказывается и практика «электронных платежей» по банковским счетам и картам, но все же их можно считать массовой практикой. Вместе с тем, в сберегательной и кредитной сфере население отдает предпочтения институциональным фор-

¹ В этой строке таблицы первая цифра – доля от числа всех респондентов, вторая цифра в скобках – доля от числа делавших сбережения

мам. Из этой группы стран активнее всего обращаются к кредитам длительностью не менее 1 года – в Испании, здесь же и максимальная доля, имеющих кредиты для покупки недвижимости. Для Испании характерна и более высокая склонность к сбережениям.

Греция значимо отличается от ранее упомянутых стран-соседей по Южной Европе, причем по целому ряду показателей финансовая активность населения Греции и его вовлеченность в институциональные финансовые механизмы очень близки к общероссийской ситуации.

Особенностью как и более влиятельных в экономическом плане стран ЕС, так и стран вошедших в ЕС после 2003 года, проходивших до этого переходный период, (несмотря на разную степень склонности к сбережениям, кредитованию по отдельным странам), является высокая вовлеченность населения в институциональные формы сбережения, кредитования, осуществления других финансовых операций. Измеряемые в исследовании Мирбанка, распространенность электронных платежей населения с использованием счетов, банковских карт; а также доля респондентов, которые объясняют отсутствие банковского счета недоверием финансовым организациям, можно рассматривать в качестве индикаторов меры доверия населения к финансовым институтам в этих странах (в том числе в вопросах сохранности личной информации). В ранее рассмотренных странах Европы фиксируется значительная степень доверия к финансовым институтам, об этом свидетельствует, в частности, массовая распространенность банковских «электронных платежей» среди населения. Мотив недоверия банкам сре-

ди не желающих обращаться в банк, открывать счет также встречается реже.

Обратимся к результатам, полученным по некоторым восточноевропейским странам, примкнувшим к ЕС позднее 2003 года. Нам эти страны интересны тем, что ранее, в течение довольно длительного периода, они имели модели экономики, схожие с Россией (находившейся тогда в рамках СССР), но позже определили для себя собственные модели экономического развития. Какие результаты демонстрируют эти страны в сравнении с экономически влиятельными европейскими странами и с Россией. Среди стран Восточной Европы к наиболее «продвинутой» по финансовой инклюзии можно отнести Чехию, и особенно Эстонию (табл. 2). В Эстонии по опросу 2011 года зафиксированы максимальная распространенность пользования банкингом, массовая практика совершения электронных платежей (среди около 75% вкладчиков), высокая склонность к сбережениям, в большинстве своем хранящимся на банковских счетах, массовые практики потребительского кредитования, а также значительная доля жителей, имеющих ипотечные кредиты. Среди восточноевропейских стран, вошедших в ЕС после 2003 года, менее «финансово вовлеченными» (lesser financial inclusion) странами являются, например, Польша, Венгрия (в Венгрии у населения отмечается и наиболее осторожное отношение к банковским услугам).

Тем не менее, по сравнению с Россией в целом восточноевропейские соседи, имеющие опыт нахождения в составе ЕС, демонстрируют более высокую склонность к сбережениям

Таблица 2

ИНДИКАТОРЫ ФИНАНСОВОЙ ИНКЛЮЗИИ НАСЕЛЕНИЯ В 2011 ГОДУ В РОССИИ И В СТРАНАХ, ВОШЕДШИХ В ЕС ПОСЛЕ 2003 ГОДА, А ТАКЖЕ СТРАНАХ СНГ, СРЕДИ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ВОЗРАСТЕ ОТ 18 ДО 65 ЛЕТ¹

	Эстония	Чехия	Венгрия	Польша	Россия	Казахстан	Украина
Банкинг							
% имеющих счет в финансовой организации/ на почте, от числа всех опрошенных	98	88	83	78	54	45	49
% имеющих дебетовую карту, от числа всех опрошенных	93	69	73	44	44	34	40
% имеющих кредитную карту, от числа всех опрошенных	37	31	19	21	12	10	25
% осуществлявших электронные платежи, в том числе банковские переводы и оплату товаров и услуг, через Интернет с помощью банковских счетов (от числа владельцев счетов)	82	58	42	48	18	12	16

¹ В таблице для всех стран использованы данные опроса Мирового банка Global Financial Inclusion (Global Findex) 2011 г., по каждой стране данные репрезентируют взрослое (от 18 до 65 лет) городское и сельское население.

Продолжение табл. 2

Использовали ли Вы за последние 12 месяцев Ваш(и) счет(а) для... (в % от имеющих счет)							
Получения денег, зарплаты, вознаграждения	71	71	59	64	70	70	71
Получения пенсий, пособий, выплат от государства	59	10	45	16	15	19	20
Получения денег от родственников, проживающих в другом месте	23	5	7	10	5	8	7
Отправления денег родственникам, проживающим в другом месте	24	1	4	10	6	7	3
% тех, у кого нет счета в банке из-за недоверия финансовым организациям (среди не имеющих банковского счета)	* ¹	45	25	29	41	21	58
% тех, у кого нет счета в банке из-за недостатка денег или отсутствия регулярных доходов (среди не имеющих банковского счета)	*	65	75	70	70	63	65
Сберегательная активность за прошедшие 12 месяцев							
% скопивших или отложивших деньги за прошедшие 12 месяцев, от числа всех опрошенных в том числе, сберегали с использованием счета в банке, финансовой организации, от числа всех опрошенных²	44	49	27	33	22	22	26
	29 (66)	39 (79)	19 (70)	20 (62)	11 (50)	7 (32)	7 (26)
% респондентов делавших сбережения для расходов в будущем (на образование, на свадьбу, крупную покупку и пр.), от числа всех опрошенных	30	31	18	19	14	14	20
% респондентов делавших сбережения на "черный" день, или на тот случай, если ваш доход сократится, от числа всех опрошенных	35	40	21	20	15	11	14
Кредитная активность за прошедшие 12 месяцев							
% респондентов воспользовавшихся формальными способами кредитования (по кредитам и займам сроком более 1 года), от числа всех опрошенных	22	18	12	16	14	20	15
<i>В том числе, доля занимавших в банке, другом финансовом учреждении, от числа всех опрошенных</i>	10	11	11	11	10	15	11
<i>доля тех, кто купил что-либо в кредит в торговой точке, от числа всех опрошенных</i>	15	9	4	7	6	10	7
% занимавших денежные средства у членов семьи или друзей (неформальный способ), от числа всех опрошенных	27	19	12	14	27	34	41
% имеющих в настоящий момент непогашенный кредит для покупки дома/квартиры, от числа всех опрошенных	21	10	16	3	2	5	1

и хранению их в банках; более массовые практики кредитования в институциональных формах, в том числе долгосрочного, ипотечного; высокая распространенность электронных пла-

тежей по банковским счетам, картам. Жители этих стран больше доверяют финансовой системе, что и реализуется в их финансовом поведении. В целом экономика восточноевропейских стран ЕС все больше приобретает образ экономики с инклюзивной финансовой моделью, здесь все реже встречаются механизмы и элементы экономики наличности (cash economy). «Люди в этих странах довольно быстро интегрировались в систему банковских институтов, банковских отношений», здесь очевидна поло-

¹ Так как доля владельцев счетов в банках в Эстонии составляет 97% опрошенных, то на вопрос о причинах отсутствия счетов в банках отвечали лишь 3% от числа опрошенных, поэтому ответы мало наполнены, статистически не значимы, и не приводятся в таблице.

² В этой строке таблицы первая цифра – доля от числа всех респондентов, вторая цифра в скобках – доля от числа делавших сбережения

жительная динамика за последние несколько лет¹.

А вот Россия по финансовой вовлеченности населения оказалась близка к странам СНГ (например, довольно много параллелей с Казахстаном, Украиной), и скорее тяготеет пока к модели экономики наличности, чем к экономике с инклюзивной финансовой системой. Среди россиян более узкий круг пользующихся банкингом (меньше владельцев банковских счетов, которые используются в основном только для получения зарплаты, меньше владельцев банковских карт) (табл. 2). Сберегательная активность россиян (судя по доле экономически активного населения ежегодно откладывающего деньги) оказывается почти в два раза меньшей, чем в среднем у восточно-европейских стран-членов ЕС, и что важнее, минимальна доля россиян среди тех, кто хранит средства в банках. Российские институциональные условия краткосрочного и долгосрочного кредитования населения также выглядят не столь благоприятно (невысокая доля бравших кредит в банках, крайне низкая доля имеющих ипотечные кредиты, число держателей кредитных карт ниже среднеевропейского значения), при одновременно распространенной практике заимствования денег у частных лиц, в основном у родственников, знакомых. Соотношение институциональной и неформальной практик кредитования в нашей стране составляет примерно 1 к 2 (еще больший разрыв наблюдается только для Украины). Правда, в 2012 году зафиксирован рост кредитования населения, но как считают эксперты в сложившихся институциональных условиях и при ожидаемой динамике доходов населения этот рост будет довольно быстро исчерпан. Описанную модель финансового поведения россиян формирует в немалой степени дефицит доверия населения к финансовым институтам (который зафиксирован по высокой доле респондентов, не открывающих счета из-за недоверия к банкам, а также по малой распространенности практик электронных платежей по банковским счетам, картам) (табл. 2). Отмеченные ранее для России особенности финансовой вовлеченности населения, можно наблюдать и в Украине, и в Казахстане, порой даже в более значимых, ярких, даже скорее «болезненных» проявлениях.

Интересно, что финансовая вовлеченность населения Бразилии и Китая по ряду основных параметров оказалась несколько выше,

чем в России. Так, для Китая характерна более высокая склонность к сбережениям в институциональных формах, более высокая доля обращающихся за банкингом, но одновременно преобладание (как и в России) кредитования у частных лиц. В Бразилии – более активное использование банкинга, а также шире распространены практики пользования электронными платежами. Здесь кредитные ресурсы более доступны для населения, особенно, что касается кредитных карт. Очевидно, что и в Бразилии, и в Китае участие населения в тех или иных финансовых сферах пока недостаточно в сравнении с развитыми экономиками, наблюдается неравномерность развития различных сегментов финансовой системы, экономические «провалы». Но что самое важное в Бразилии и в Китае – это то, что население выражает большее доверие к финансовым институтам, чаще обращается к институциональным формам финансовых отношений, чем в России.

Отношение населения к банковской системе

Характер финансовой вовлеченности населения обусловлен не только макроэкономическими факторами, но и индивидуальными характеристиками потенциальных потребителей банковских услуг. Значимыми оказываются их установки и навыки взаимодействия с финансовыми институтами. Поэтому при изучении вопросов финансовой вовлеченности экспертами особое внимание уделяется и изучению установок различных групп населения в вопросах распоряжения личными финансами, анализу массовых представлений о работе банковских институтов. Здесь важно оценить доступность и ясность информации, предоставляемой банками населению о возможностях хранения денежных средств, об особенностях заимствования, об условиях покупок в кредит, и соответственно, о возможностях оценки реальной цены и рисков, связанных с кредитами и хранением сбережений в банках. Эти вопросы изучались в 2012 году в ходе опроса городского населения России, проведенного Левада-центром по заказу Сбербанка России². Для сравнения использовались данные опроса жи-

² По заказу Сбербанка России в рамках исследования финансового поведения населения России в сентябре-октябре 2012 года было опрошено 6000 респондентов – взрослых (от 18 до 65 лет) жителей городских населенных пунктов численностью более 20 тыс.чел. Статистическая погрешность полученных данных составляет менее 2%. Исследование было сфокусировано на анализе финансового поведения горожан трудоспособного возраста, так как среди них оказывается выше доля фактических и потенциальных потребителей банковских услуг.

¹ E. Kempton, M. Crame, A. Finney. Financial services provision and prevention of financial exclusion. Eurubarometerreport. 2007. P. 26.

телей стран Европы, собираемые в рамках¹ Евробарометра². Международные сопоставления позволяют сравнивать с европейцами текущий уровень финансовой грамотности россиян, особенности их информационных запросов о финансовых услугах и степень их удовлетворения, установки россиян в вопросах распоряжения личными финансами. Данные подобных европейских исследований ценны для России тем, что позволяют проанализировать более продолжительный и богатый опыт взаимодействия европейцев с финансовыми институтами. Анализ европейского опыта позволяет не только оценить нынешние проблемы взаимоотношения российских финансовых структур с населением, но также наметить будущие сценарии развития.

Так, по результатам Евробарометра исследователи³ выявили, что совокупное влияние на ограничение финансовой вовлеченности оказывают:

- осознаваемые потребителями сложности в оценке издержек и рисков по банковским услугам и кредитам;
- недостаток финансовой информации у населения о финансовых услугах;
- недостаток необходимых маркетинговых материалов для разных групп населения, которые, как считается, провоцирует представления и установки о том, что финансовые услуги не для «таких людей, как я», приводят к самоисключению потребителей, «самоотключению» от услуг.

¹ В рамках программы «Евробарометр» проводятся исследования отношения населения к финансовым услугам. Для сравнения с российским опросом Левада-центра 2012 года используются результаты исследований Eurobarometer 60.2 и Eurobarometer 2003.5, проведенных в 2003 году, а также Eurobarometer в 1997 году по заказу Европейской комиссии. В этих опросах принимали участие 15 стран, вошедших в состав ЕС до 2003 года, а также 10 стран, которые должны были войти в ЕС после 2003 года. Опрос Eurobarometer 60.2 репрезентативен как для ЕС состава 2003 года в целом, так и для каждой отдельной страны ЕС. Выборка по каждой стране строилась как многоступенчатая вероятностная, репрезентирующая городское и сельское население старше 14 лет. Статистическая погрешность полученных данных составляет примерно 3%.

² В настоящее время в открытом доступе по данной проблематике находятся только данные опросов Евробарометра 2003 года. Финансовый и экономический кризис, разворачивающаяся сейчас рецессия в странах ЕС, конечно, оказывают влияние на характер взаимоотношений европейцев с банковской системой. Но, по мнению автора статьи, выявленные по опросу 2003 года особенности в установках европейцев (в сравнении с россиянами «образца 2012 года») могут лишь усиливаться в настоящее время.

³ E. Kempson, M. Crame, A. Finney. Financial services provision and prevention of financial exclusion. Eurobarometer report. <http://www.bris.ac.uk/geography/research/pfrc/themes/finexc/pfrc0808.pdf>, с. 20

По опросу Евробарометра среди стран Евросоюза⁴ была выявлена статистически значимая взаимосвязь: выше вероятность финансовой эксклюзии среди тех респондентов, кто считает, что сложно:

- сравнить информацию по различным банкам об условиях открытия различных банковских счетов;
- узнать заранее, во сколько обойдется банковский кредит;
- получить в банке совет по финансовым вопросам.

Значительное число (порядка 10-15%) респондентов вообще затруднились с выбором варианта ответа на эти вопросы (насколько сложно сравнить информацию по различным банкам о банковских счетах; узнать заранее, во сколько обойдется банковский кредит; агрессивные или нет используют банки приемы для продвижения своих услуг). Именно среди затруднившихся с ответами респондентов выше среднего оказался уровень финансовой эксклюзии (не пользующихся банкингом, не делающих сбережения, в том числе на депозитах, не бравших, не покупавших в кредит и др.).

Представления респондентов о сложностях получения от финансовых институтов информации, касающейся оценки рисков, связанных с открытием вкладов, получением кредитов, коррелируют с более низкой фактической финансовой включенностью респондентов (табл. 3). Реальные и ожидаемые информационные барьеры, сложности понимания информации также формируют и предубеждения потенциальных потребителей в отношении институциональных форм сбережений и кредитования (табл. 3). В частности те, кто сообщает о сложностях с получением и использованием банковской информации, скорее предпочли бы занять деньги у знакомых, родственников, чем в банке, а при наличии сбережений реже хранили бы их исключительно в банке и др. Недостаток «правильных», потребительски ориентированных, информационных и маркетинговых приемов у российских банков закрепляет установки, что банковские услуги (кредитование, банкинг, электронные платежи и др.) не для «таких людей, как я». Это запускает в определенных социально-демографических группах механизм самоисключения потенциальных потребителей, «самоотключения» от услуг банков или их минимизацию.

⁴ <http://www.bris.ac.uk/geography/research/pfrc/themes/finexc/pfrc0808.pdf>, с. 20.

Таблица 3

ЗАВИСИМОСТЬ ФИНАНСОВОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЯН И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ФИНАНСОВЫХ УСЛУГАХ, ПО ДАННЫМ ОБЩЕРОССИЙСКОГО ОПРОСА ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В ВОЗРАСТЕ ОТ 18 ДО 65 ЛЕТ, 2012 г.¹

	Найти и сравнить информацию по различным банкам о депозитах (% , условиях)			Узнать заранее в банке, как дорого обойдется кредит			Банки используют агрессивные приемы продвижения своих услуг		
	легко	сложно	Затруднились с ответом	легко	сложно	Затруднились с ответом	не согласен	согласен	Затруднились с ответом
ЧАСТОТА ПОЛЬЗОВАНИЯ УСЛУГАМИ БАНКОВ (% по столбцу от числа опрошенных в группе)									
часто (не реже 1 раза в нед.)	27	16	12	27	17	11	25	23	14
периодически (не реже 1 раза месяц)	54	55	51	54	55	51	51	56	55
редко (реже 1 раза в месяц)	14	22	20	13	21	22	19	15	18
затруднились с ответом	5	7	17	5	6	16	5	5	13
ВЫБИРАЯ ИЗ ДВУХ ФОРМ СБЕРЕЖЕНИЙ, ЧТО ПРЕДПОЧЛИ БЫ... (% по столбцу от числа опрошенных в группе)									
банковский вклад	52	46	38	54	44	39	48	54	45
наличные деньги	23	30	26	22	31	25	28	23	21
часть сбережений хранил бы на банковских вкладах, а часть – в наличных деньгах	16	13	16	16	15	16	17	13	16
ни ту, ни другую	3	3	8	3	3	8	3	5	6
затруднились с ответом	5	7	12	5	6	12	5	5	11
доля (в%) тех, у кого есть сейчас сбережения, накопления, от числа опрошенных	37	30	26	34	35	30	35	35	30
доля (в%) тех, кто собирается делать сбережения, от числа опрошенных	44	34	24	40	40	30	43	40	29
ЕСЛИ ПОНАДОБИТСЯ КРУПНАЯ СУММА ДЕНЕГ, ТО... (% по столбцу от числа опрошенных в группе)									
возьмут в долг у родственников, друзей, знакомых	31	33	26	29	36	28	30	32	29
возьмут кредит в банке	40	29	19	42	28	15	43	34	26
не смогут достать такую сумму денег	7	15	18	8	14	19	9	10	14
ничего из перечисленного не будут предпринимать	9	12	18	9	11	19	9	11	13
затруднились с ответом	9	7	16	9	7	16	6	9	16
доля (в%) тех, у кого есть непогашенный кредит, от числа опрошенных	34	29	18	37	26	12	34	32	23

¹ По заказу Сбербанка России в рамках исследования финансового поведения городского населения России в сентябре-октябре 2012 года было опрошено 6000 респондентов – взрослых (от 18 до 65 лет) жителей городских населенных пунктов численностью более 20 тыс. чел.

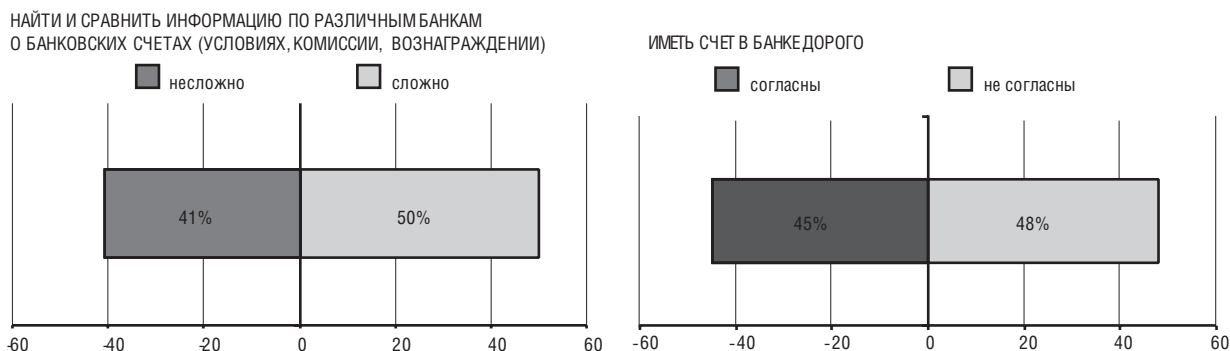
Перейдем к более детальному рассмотрению и сопоставлению оценок российского городского населения по информационной политике банков и уверенности россиян в возможности оценить финансовые риски вложения средств или получения заемных средств от банков. Почти две трети (62%) опрошенных россиян полагают, что получить и сравнить информацию по условиям размещения средств на депозитах в разных банках в принципе легко (рис. 1). Это, казалось бы, высокий уровень информационной доступности и уверенности в собственной финансовой грамотности.

Рисунок 1
ОЦЕНКИ РОССИЯНАМИ ДОСТУПНОСТИ ИНФОРМАЦИИ О ВОЗМОЖНОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ В БАНКАХ, 2012 г.¹

Для сравнения в исследовании Евробарометра 2003 года жителям ЕС задавался вопрос о возможностях получения и сравнения информации по разным банкам, но речь шла в целом

Рисунок 2
ОЦЕНКИ ЖИТЕЛЕЙ ЕС ДОСТУПНОСТИ ИНФОРМАЦИИ О ВОЗМОЖНОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ В БАНКАХ, В СРЕДНЕМ ПО ЕВРОСОЮЗУ СОСТАВА 2003 ГОДА², 2003 ГОД

о банковских счетах (рис. 2). Около 40% европейцев считали несложным найти и сравнить информацию по различным банкам об условиях ведения счетов, но около половины опрошенных сталкивались со сложностями по этому вопросу. Более того, не менее 45% европейцев считали, что иметь счет в банке дорого.

Среди россиян в настоящее время доминирует мнение, что польза от покупок в кредит в целом не может компенсировать риски, связанные с кредитными обязательствами. Не более 40% россиян считают, что польза от покупок в кредит оказывается выше рисков (рис. 3). Тем не менее, если сравнивать с европейским опросом, среди россиян выше доля уверенных, что они смогут оценить заранее, во сколько им на самом деле обойдется банковский кредит — около 60% россиян считают, что им несложно провести такую оценку (рис. 3).

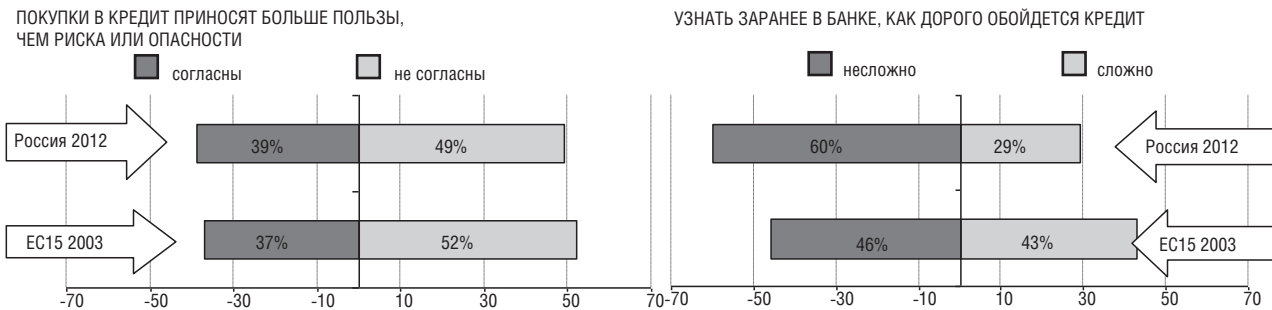
Жители ЕС (по данным 2003 года) также оказались довольно консервативны в оценках пользы покупок в кредит: доля признающих, что от кредита больше пользы, чем риска заметно меньше высказывающих противоположную позицию (37% к 52%) (рис.3). Но с конца 90-х к середине 2000-х доля высказываний о пользе кредита даже выросла (в 90-х насчитывалось лишь порядка 10% таких ответов). Хотя среди жителей ЕС доля ответов о возможности узнать заранее, как дорого обойдется им кредит, выросла почти в полтора раза с середины 90-х к середине 2000-х, но все же европейцы были не слишком уверены, что им по силам оценить ре-

¹ Здесь, а также в рис. 3, 4, 6, 8 используются результаты опроса в рамках исследования финансового поведения взрослого (18-65 лет) городского населения России по заказу Сбербанка России сентября-октября 2012 года. Об исследовании см. ранее по ссылке (№13). В перечисленных рисунках приводится распределение ответов в процентах от числа всех опрошенных.

² В 2003 году в Европейский союз входили 15 стран (в том числе Германия, Франция, Испания, Италия, Португалия, Греция и др.). В рисунке 2, а также в рисунках 3, 5, 7, 8 приведены данные опроса Евробарометра 2003 года (Eurobarometer 60.2), репрезентирующего мнения городского и сельского взрослого (старше 14 лет) населения ЕС. Подробнее об этом см. ссылку выше (№14). В перечисленных рисунках приводится взвешенное распределение ответов в процентах от числа всех опрошенных в Eurobarometer 60.2.

Рисунок 3

МНЕНИЯ О ПОЛЬЗЕ КРЕДИТОВ И ВОЗМОЖНОСТИ ОЦЕНИТЬ РЕАЛЬНУЮ ЦЕНУ КРЕДИТОВ СРЕДИ РОССИЯН (2012) И ЖИТЕЛЕЙ ЕС (2003)

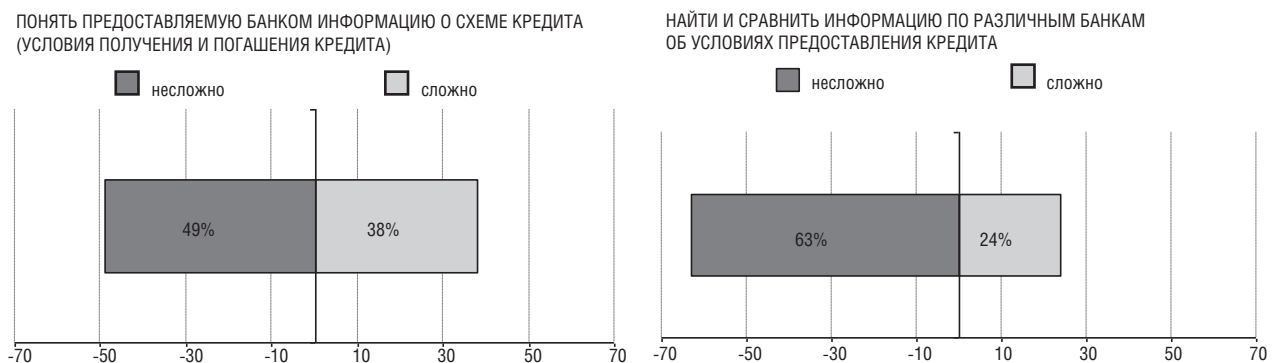

альную цену кредитов (рис. 3). В 2003 году в ЕС общественное мнение о том, сложно ли заранее понять, как дорого им обойдется кредит в банке, разделилось почти поровну: около 45% — считали это «несложным», 43% — «сложным».

Россияне (по опросу 2012 года) реже ощущают дефицит или неясность информации о процентах и условиях кредитования, которую предоставляют банки. Почти половина россиян признается, что им «не сложно» понять предоставляемую банком информацию об условиях получения и погашения кредита (рис. 4). У 38% эта банковская информация вызвала бы сложности в понимании. Также большинство (63%) россиян уверено, что им не трудно найти и сравнить информацию между различными банками об условиях предоставления аналогичных кредитов.

Рисунок 4

ОЦЕНКИ СРЕДИ РОССИЯН О ДОСТУПНОСТИ И ПОНЯТНОСТИ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМОЙ БАНКАМИ ИНФОРМАЦИИ О СХЕМАХ, УСЛОВИЯХ КРЕДИТОВ, 2012 ГОД

В Евробарометре вопросы о доступности и ясности предоставляемой банками информации задавались только по ипотечным программам. Изучение ипотечной политики банков оказалось довольно серьезным испытанием для европейцев. В частности, понять предоставляемую банком информацию о схеме ипотечного кредита (условия получения, погашения и др.) считали несложным лишь 27% европейцев, для

подавляющего же большинства (почти 60%) найти и воспользоваться подобной информацией — довольно сложно (рис.5). 30% жителей ЕС считали, что несложно самостоятельно провести сравнения условий предоставления ипотеки в разных банках, но большинство сталкивалось со сложностями (рис.5).

Довольно интересным оказалось распределение мнений россиян по вопросам кредитного контроля и дисциплины (возможностям многократных заимствований и вопросам возврата долгов). Около трети россиян считают, что сейчас в России при желании можно неограниченно занимать деньги в банках, поскольку банки не имеют возможности все проконтролировать (рис.6). По мнению 44% опрошенных, нынешняя финансово-кредитная политика банков позволяет брать заведомо больше средств, чем

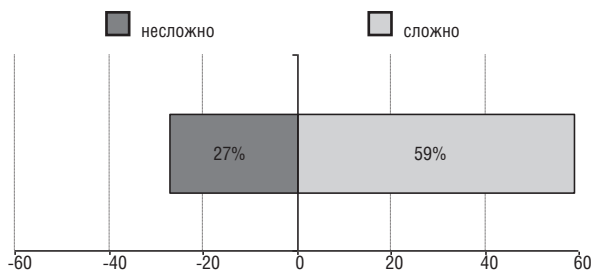
можно возратить. Причем среди респондентов с «опытом» (тех, кто брал кредиты, у кого пока есть непогашенные кредиты) мнение по этому вопросу отличалось несущественно.

Большинство жителей ЕС в 2003 году отмечали высокую степень финансового контроля со стороны банков. Так, лишь 20% опрошенных считали, что могут взять сколько угодно кредитов, и в действительности никто не будет их

Рисунок 5

ОЦЕНКИ СРЕДИ ЖИТЕЛЕЙ ЕС О ДОСТУПНОСТИ И ПОНЯТНОСТИ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМОЙ БАНКАМИ ИНФОРМАЦИИ ОБ ИПОТЕЧНЫХ КРЕДИТАХ, В СРЕДНЕМ ПО ЕВРОСОЮЗУ СОСТАВА 2003 ГОДА, 2003 ГОД

ПОНЯТЬ ПРЕДОСТАВЛЯЕМУЮ БАНКОМ ИНФОРМАЦИЮ О СХЕМЕ ИПОТЕКИ (УСЛОВИЯ ПОЛУЧЕНИЯ И ПОГАШЕНИЯ КРЕДИТА)

НАЙТИ И СРАВНИТЬ ИНФОРМАЦИЮ ПО РАЗЛИЧНЫМ БАНКАМ ОБ УСЛОВИЯХ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ИПОТЕКИ

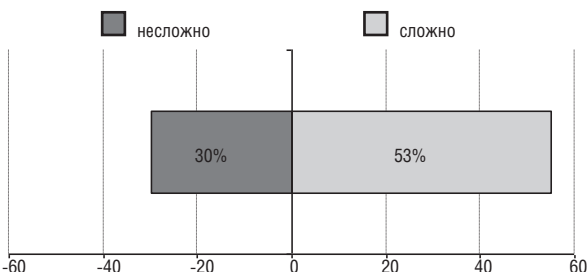
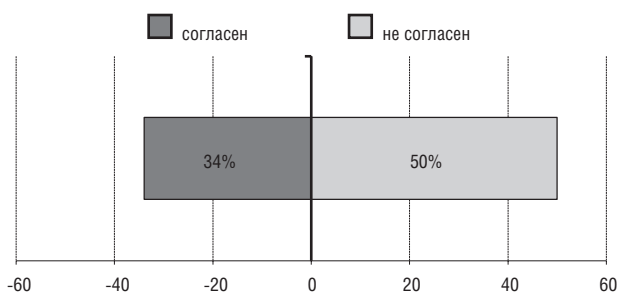

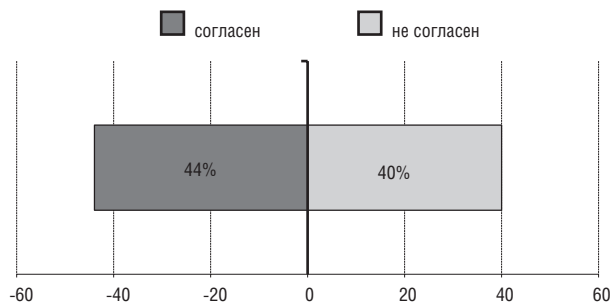
Рисунок 6

ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ, ФИНАНСОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ, МНЕНИЯ РОССИЯН В 2012 ГОДУ

В НАШЕЙ СТРАНЕ МОЖНО БРАТЬ СКОЛЬКО УГОДНО КРЕДИТОВ, В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ НИКТО НЕ МОЖЕТ ПРОКОНТРОЛИРОВАТЬ

В НАШЕЙ СТРАНЕ ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ ВЗЯТЬ В КРЕДИТ БОЛЬШЕ, ЧЕМ СМОЖЕТ КОГДА ЛИБО ВОЗВРАТИТЬ

контролировать (рис. 7). Тем не менее, кредитная дисциплина оценивалась жителями ЕС довольно низко. Более 70% опрошенных считали, что в их странах существует проблема невозврата кредитов, когда люди заимствуют больше, чем могут вернуть; лишь 14% придерживались обратного мнения, т.е. что банковская система не позволяет клиенту взять в кредит больше средств, чем он может вернуть (рис. 7).

Большинство россиян (76%) высказывают согласие с суждением, что обычный клиент потерпит фиаско в споре с банком, только 12% опрошенных считают, что есть шансы выиграть у банка в спорной ситуации. Лишь чуть

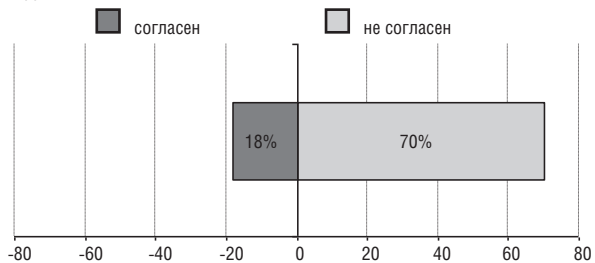
более трети россиян считают, что в целом банки в состоянии предоставить населению ясную и понятную информацию (рис. 8). Более 55% россиян оценивают как агрессивные приемы, используемые банками и кредитными организациями для привлечения клиентов, продвижения своих услуг.

У жителей ЕС в 2003 году оказались довольно схожие оценки собственной банковской системы (рис. 8). Так, верили в успех и возможность выиграть спор с банком лишь 10% европейцев, были уверены в своем проигрыше почти 75%. (С конца 90-х к середине 2000-х доля считающих, что невозможно выиграть в

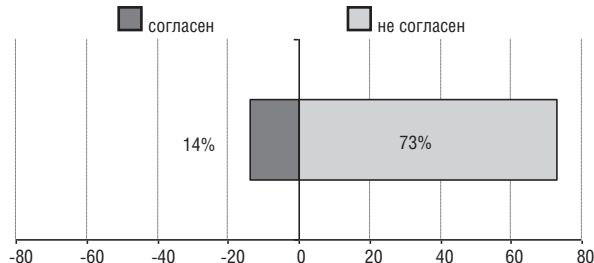
Рисунок 7

ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ, ФИНАНСОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ, МНЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ЕВРОСОЮЗА СОСТАВА 2003 ГОДА, 2003 ГОД

МОЖНО БРАТЬ СКОЛЬКО УГОДНО В КРЕДИТ, В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ НИКТО НЕ ПРОКОНТРОЛИРУЕТ

ПРОБЛЕМЫ, ЧТО ЗАИМСТВУЮТ, БЕРУТ В КРЕДИТ БОЛЬШЕ, ЧЕМ МОГУТ ВОЗВРАТИТЬ, В НАШЕЙ СТРАНЕ НЕТ

споре с банком, значительно выросла с 50% до 75%). Лишь 30% жителей ЕС считали, что банки предоставляют им ясную и понятную информацию. И одновременно 57% респондентов придерживались мнения, что банки и кредитные организации используют агрессивные способы привлечения потребителей, продвижения своих услуг.

Одинаково ли мнение в различных социально-демографических группах опрошенных россиян? В понимании финансовой информации, предоставляемой банками населению, наименее обеспеченные группы населения сталкиваются с большими сложностями, чем более благополучные по материальному статусу группы. По вопросам о доступности и понятности предоставляемой информации о кредитах, депозитах, о возможностях сравнения условий по банкам, оценки реальной цены и рисков по кредитам, более уверенными оказываются мужчины; респонденты в возрасте 25-39 лет; респонденты с высоким уровнем образования; опрошенные, имеющие высокий профессиональный статус чаще других – это предприниматели, руководители, специалисты. Опыт заимствования в банках или покупок в кредит тоже имеет существенное значение: бравшие кредиты респонденты чаще считали, что банковская информация о кредитах доступна и вполне понятна.

В странах Европы по данным Евробарометра также «более продвинутыми» по своей большей финансовой компетентности и опыту

оказывались: мужчины, респонденты в возрасте 25-39 лет, респонденты с высоким уровнем образования, респонденты, имеющие высокий профессиональный статус, это также скорее, предприниматели, руководители, менеджеры, специалисты. Именно эти группы чаще считали более доступной информацию по депозитам и кредитам и реже полагали, что сравнить информацию по банкам сложно, они были больше уверены в своей способности оценить риски и реальную цену кредитов.

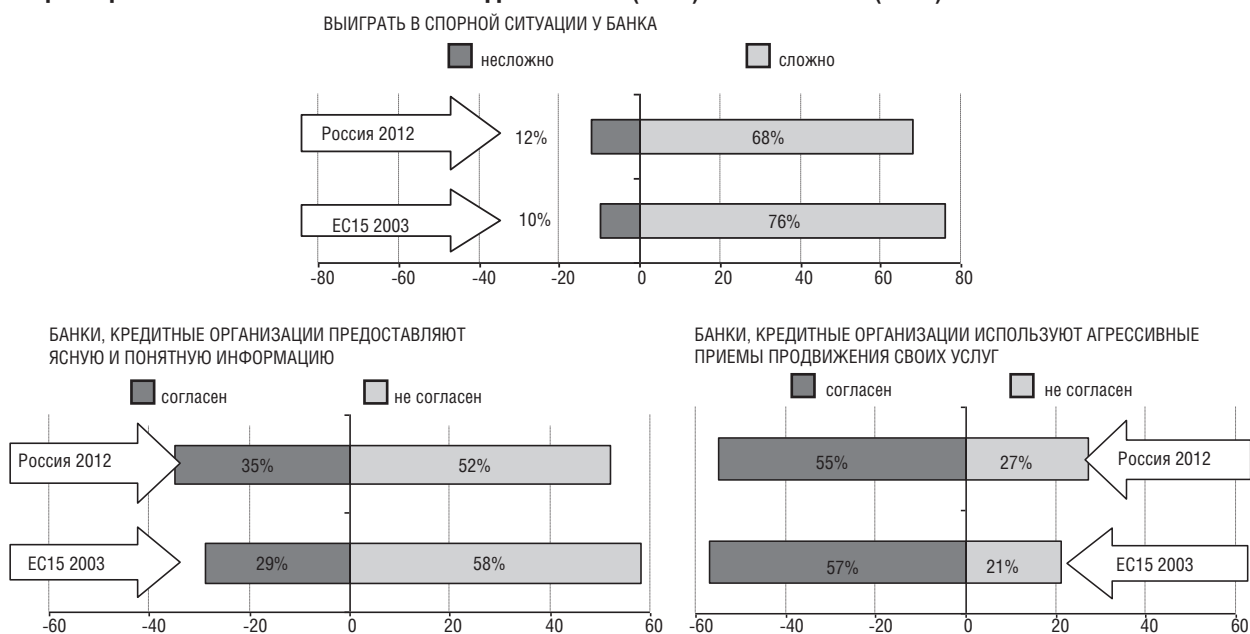
Как различались мнения внутри Евросоюза среди представителей разных стран?

Мы вновь взяли для сравнения мнения о финансовой системе жителей наиболее «крупных» (по экономическому вкладу, численности жителей, по масштабам финансовой вовлеченности) стран Европы – Франции и Германии – и основных стран южной Европы (табл. 4).

Во Франции в сравнении со среднеевропейским уровнем население в своих оценках банков было более лояльно по таким показателям, как возможность выиграть спор в банке и по используемым банками менее агрессивным маркетинговым стратегиям (табл. 4). Напомним, что и фактически французы чаще (в сравнении со средним жителем ЕС) заимствовали краткосрочные и долгосрочные денежные средства у банков по исследованию 2011 года (табл. 1). В определенной степени это было обусловлено представлениями населения о кредитной политике банков в их стране (табл. 4). Так, французы считали, что в их стране действует более

Рисунок 8.

ОБЩИЕ ОЦЕНКИ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ СРЕДИ РОССИЯН (2012) И ЖИТЕЛЕЙ ЕС (2003)

мягкая кредитная дисциплина (по объемам заимствований и условиям получения и возврата средств). Кроме того, здесь довольно высока уверенность респондентов в том, что в принципе они смогут оценить для себя реальную стоимость кредита. А вот оценки полезности покупок в кредит более сдержаны, чем в среднем по Евросоюзу. Французы менее положительно, чем в среднем по странам ЕС, оценивали доступность банковской информации по условиям ведения счетов и по условиям получения ипотечных кредитов.

В Германии наблюдалась несколько иная картина. Потребители давали более критические оценки банковской системы по таким показателям, как доступность информации в

банках, возможность выиграть процесс у банка, агрессивность приемов продвижения банковских услуг (табл. 4). Одновременно высказывалось более осторожное отношение к покупателям в кредит, больше сомнений в возможности оценить, во что потребителю обойдется кредит. Но что касается условий размещения денежных средств в банках, то здесь немцы были более удовлетворены в сравнении с остальными жителями ЕС. Более того, здесь и фактически чаще, чем в среднем в Европе, размещают денежные средства, сберегают в банках (табл. 1).

В выбранных нами для анализа менее благополучных странах южной Европы в 2003 году мнения о банковской системе в целом были менее позитивны (табл. 4). Здесь распространен

Таблица 4

СРАВНЕНИЯ ОЦЕНОК ЖИТЕЛЕЙ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН ЕС СОСТАВА 2003 ГОДА, 2003 ГОД¹

	ФРАНЦИЯ	ГЕРМАНИЯ	ИСПАНИЯ	ГРЕЦИЯ	ИТАЛИЯ	ПОРТУГАЛИЯ
<i>об условиях хранения денежных средств</i>						
НАЙТИ И СРАВНИТЬ ИНФОРМАЦИЮ ПО РАЗЛИЧНЫМ БАНКАМ О БАНКОВСКИХ СЧЕТАХ (УСЛОВИЯХ, КОМИССИИ, ВОЗНАГРАЖДЕНИИ)						
% считающих, что “несложно”	31	47	44	42	30	32
ИМЕТЬ БАНКОВСКИЙ СЧЕТ ДОРОГО						
% несогласных	50	49	50	61	12	37
<i>о кредитовании</i>						
ПОКУПКИ В КРЕДИТ ПРИНОСЯТ БОЛЬШЕ ПОЛЬЗЫ, ЧЕМ РИСКА ИЛИ ОПАСНОСТИ						
% согласных	21	21	49	34	46	40
УЗНАТЬ ЗАРАНЕЕ В БАНКЕ, КАК ДОРОГО ОБОЙДЕТСЯ КРЕДИТ						
% считающих, что “несложно”	50	38	35	41	46	38
МОЖНО БРАТЬ СКОЛЬКО УГОДНО В КРЕДИТ, В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ НИКТО НЕ ПРОКОНТРОЛИРУЕТ						
% согласных	29	15	10	16	7	12
ПРОБЛЕМЫ, ЧТО ЗАИМСТВУЮТ, БЕРУТ В КРЕДИТ БОЛЬШЕ, ЧЕМ МОГУТ ВОЗВРАТИТЬ, В НАШЕЙ СТРАНЕ НЕТ						
% несогласных	86	77	68	61	58	62
ПОНЯТЬ ПРЕДОСТАВЛЯЕМУЮ БАНКОМ ИНФОРМАЦИЮ О СХЕМЕ ИПОТЕКИ (УСЛОВИЯ ПОЛУЧЕНИЯ И ПОГАШЕНИЯ КРЕДИТА)						
% считающих, что “несложно”	24	21	30	28	23	31
НАЙТИ И СРАВНИТЬ ИНФОРМАЦИЮ ПО РАЗЛИЧНЫМ БАНКАМ ОБ УСЛОВИЯХ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ИПОТЕКИ						
% считающих, что “несложно”	23	26	39	44	23	28
<i>о банковской системе в целом</i>						
ВЫИГРАТЬ В СПОРНОЙ СИТУАЦИИ У БАНКА						
% считающих, что “несложно”	15	5	6	8	5	10
БАНКИ, КРЕДИТНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДОСТАВЛЯЮТ ЯСНУЮ И ПОНЯТНУЮ ИНФОРМАЦИЮ						
% согласных	31	27	33	24	18	39
БАНКИ, КРЕДИТНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ИСПОЛЬЗУЮТ АГРЕССИВНЫЕ ПРИЕМЫ ПРОДВИЖЕНИЯ СВОИХ УСЛУГ						
% согласных	66	55	48	41	57	45

¹ Приведены данные опроса Евробарометра 2003 года (Eurobarometer 60.2), репрезентирующего мнения городского и сельского взрослого (старше 14 лет) населения по странам ЕС состава 2003 года. Подробнее об этом исследовании см. ссылку выше (№14). В таблице приводится распределение ответов в процентах от числа всех опрошенных в каждой стране соответственно.

В таблице для разных стран темным фоном обозначены значения, оказавшиеся ниже среднего уровня по ЕС состава 2003 года (среднего евросоюзного), светлым фоном обозначены значения, оказавшиеся выше среднего уровня по ЕС.

ность агрессивных приемов продвижения своих услуг оценивалась выше, а возможность выиграть спор у банка, впрочем, как и возможность получить ясную и понятную информацию у банков — ниже. Здесь реже уверены в том, что рядовому потребителю легко понять, как дорого может обойтись кредит. Также чаще встречалось мнение, что можно бесконтрольно брать в кредит больше, чем сможешь вернуть. Но отношение к кредитам было более позитивным (высокий процент считавших, что покупки в кредит скорее приносят пользу, несмотря на связанные с кредитом риски). Такая массовая позиция может объясняться тем, что в странах с более низким уровнем жизни население с помощью кредитов может удовлетворить больше потребительских запросов, чем только используя свои ограниченные текущие доходы. В этих странах кредиты для широких слоев являлись серьезным средством повышения покупательных возможностей «здесь и сейчас» в залог будущих заработков заемщиков.

Выделялись среди стран Южной Европы своими положительными оценками банковской системы жители Испании (напомним из таблицы 1, что и по уровню фактической финансовой вовлеченности 2011 года она выглядела более благоприятно среди стран Южной Европы). Здесь условия получения и сравнения информации от банков по ипотечным кредитам и по банковским счетам представлялись для населения более благоприятными, чем в среднем по ЕС (табл. 4).

А вот в Италии население рассматривало банковскую систему менее положительно, чем в среднем по ЕС, и видело ее менее доступной для себя, чем средний европеец (табл. 4). Собственно, и индикаторы фактической финансовой инклюзии в Италии по 2011 году довольно умеренные (табл. 1).

Интересный пример продемонстрировало население стран Восточной Европы и Балтии, вошедших в состав ЕС после 2003 года. Еще по результатам опроса 2003 года¹ в этих странах наибольший оптимизм в оценках финансовой системы демонстрировали жители Эстонии,

¹ Нами используются результаты исследования, проведенного в 2003 году Eurobarometer 2003.5 по заказу Европейской комиссии среди 10 стран-кандидатов, которые должны были войти в ЕС после 2003 года. Опрос проводился по такому же инструментарию и принципу построения выборки, что и Eurobarometer 60.2 для стран ЕС состава 2003 года. В Eurobarometer 2003.5 данные репрезентативны для каждой отдельной страны. Выборка по каждой стране строилась как многоступенчатая вероятностная, репрезентирующая городское и сельское население старше 14 лет. Статистическая погрешность полученных данных составляет примерно 3%.

они оказались и более уверены, компетентны в вопросах кредитования и размещения личных средств в банках (табл. 5). Если вспомнить результаты опроса Мирбанка 2011 года о характере финансовой вовлеченности в Эстонии (табл. 1), то именно в этой стране наблюдалась более высокая сберегательная и кредитная активность. Здесь больше чем, скажем в Венгрии, в Польше, распространенность институциональных форм кредитования и сбережений (в частности, доля имеющих счета в банках, доля хранящих сбережения в банках, доля имеющих дебетовые и кредитные карты, доля бравших кредит в банке или покупавших товары в кредит). В Эстонии население лучше освоилось с современными технологиями ведения финансовых операций (например, электронными платежами по банковским счетам, картам). Эстония оказалась примером, когда совмещение позитивных установок у населения в начале членства в ЕС и развития благоприятных финансовых условий и финансовой инфраструктуры в стране, связанной с вхождением в ЕС, привели сегодня к высокому уровню финансовой вовлеченности населения.

Наиболее настроенные установки по результатам 2003 года демонстрировали жители Венгрии, и показатели финансовой вовлеченности измеренной в 2011 году в этой стране тоже оказались весьма умеренными в сравнении с жителями Эстонии, Чехии, более «включенными» в институциональные финансовые механизмы единой Европы.

Возвращаясь к ситуации в России 2012 года, отметим, что представления населения по рассматриваемым вопросам существенно различаются по регионам. Более того, различия мнений населения в зависимости от размера города оказываются менее важными, чем по макрорегионам — федеральным округам. Особенно выделяются своей компетентностью и критичностью жители Москвы.

Так, москвичи наиболее сдержаны в оценках банковской системы в целом и кредитной политики банков (табл. 6). Жители столицы чаще считают, что сложно получить и сложно понять информацию банков о кредитах. Москвичи менее уверены в своих возможностях оценить реальную цену кредита, менее склонны находить положительные стороны в покупках в кредит. Они чаще оценивают как агрессивные методы продвижения банковских услуг. Банки адресовали свои кредитные предложения в первую очередь к более состоятельным российским регионам, в том числе — к столичным городам.

Москвичи оказались в первом эшелоне кредитных программ, здесь раньше других регионов получили массовое распространение покупки в кредит и, как следствие, к настоящему моменту москвичи приобрели и более рациональный взгляд на кредитные вопросы. В Москве, по опросам 2009-2012 года, меньше, чем в других регионах (ФО) брали различного рода кредиты (табл. 6).

Также довольно низкие оценки банковской системы оказались в Центральном и Южном ФО (табл. 6). Хотя характер ответов в этих ФО схож, но природа и причины подобных оценок, настроений различна. В Центральном ФО, где отмечается более длительная и более массовая вовлеченность в кредитные программы, более

значительный финансовый опыт, осторожность связана с большей финансовой грамотностью, оценки потребителей более взвешенные. Напротив, в Южном ФО низкие оценки связаны с тем, что значительная доля респондентов (самая высокая из всех ФО) вообще затруднилась высказать какое-либо мнение по затронутым вопросам. Здесь осторожность в финансовых вопросах обусловлена низкой финансовой грамотностью и потребительской компетентностью.

Самые позитивные установки в отношении банковской системы высказывали жители Северо-Западного ФО. Они высоко оценивают и банковскую систему в целом (доступность информации, возможность выиграть в спор-

Таблица 5

СРАВНЕНИЯ ОЦЕНОК ЖИТЕЛЕЙ СТАН, ВОШЕДШИХ В СОСТАВ ЕС ПОСЛЕ 2003 ГОДА, ОПРОС 2003 ГОДА¹

	ЭСТОНИЯ	ЧЕХИЯ	ВЕНГРИЯ	ПОЛЬША
<i>об условиях хранения денежных средств</i>				
НАЙТИ И СРАВНИТЬ ИНФОРМАЦИЮ ПО РАЗЛИЧНЫМ БАНКАМ О БАНКОВСКИХ СЧЕТАХ (УСЛОВИЯХ, КОМИССИИ, ВОЗНАГРАЖДЕНИИ)				
% считающих, что “несложно”	54	39	23	40
ИМЕТЬ БАНКОВСКИЙ СЧЕТ ДОРОГО				
% несогласных	77	35	42	43
<i>о кредитовании</i>				
ПОКУПКИ В КРЕДИТ ПРИНОСЯТ БОЛЬШЕ ПОЛЬЗЫ, ЧЕМ РИСКА ИЛИ ОПАСНОСТИ				
% согласных	39	38	28	47
УЗНАТЬ ЗАРАНЕЕ В БАНКЕ, КАК ДОРОГО ОБОЙДЕТСЯ КРЕДИТ				
% считающих, что “несложно”	54	36	20	35
МОЖНО БРАТЬ СКОЛЬКО УГОДНО В КРЕДИТ, В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ НИКТО НЕ ПРОКОНТРОЛИРУЕТ				
% согласных	12	14	8	10
ПРОБЛЕМЫ, ЧТО ЗАИМСТВУЮТ, БЕРУТ В КРЕДИТ БОЛЬШЕ, ЧЕМ МОГУТ ВОЗВРАТИТЬ, В НАШЕЙ СТРАНЕ НЕТ				
% несогласных	52	44	64	49
ПОНЯТЬ ПРЕДОСТАВЛЯЕМУЮ БАНКОМ ИНФОРМАЦИЮ О СХЕМЕ ИПОТЕКИ (УСЛОВИЯ ПОЛУЧЕНИЯ И ПОГАШЕНИЯ КРЕДИТА)				
% считающих, что “несложно”	27	19	17	25
НАЙТИ И СРАВНИТЬ ИНФОРМАЦИЮ ПО РАЗЛИЧНЫМ БАНКАМ ОБ УСЛОВИЯХ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ИПОТЕКИ				
% считающих, что “несложно”	24	22	16	22
<i>о банковской системе в целом</i>				
ВЫИГРАТЬ В СПОРНОЙ СИТУАЦИИ У БАНКА				
% считающих, что “несложно”	4	2	1	3
БАНКИ, КРЕДИТНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДОСТАВЛЯЮТ ЯСНУЮ И ПОНЯТНУЮ ИНФОРМАЦИЮ				
% согласных	48	33	26	34
БАНКИ, КРЕДИТНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ИСПОЛЬЗУЮТ АГРЕССИВНЫЕ ПРИЕМЫ ПРОДВИЖЕНИЯ СВОИХ УСЛУГ				
% согласных	42	44	49	46

¹ В таблице приведены данные опроса Eurobarometer 2003.5, репрезентирующего мнения городского и сельского взрослого (старше 14 лет) населения по выбранным странам. Подробнее об этом исследовании см. ссылку (№24). В таблице приводится распределение ответов в процентах от числа всех опрошенных в каждой стране соответственно.

В таблице для разных стран темным фоном обозначены значения, оказавшиеся ниже среднего уровня по ЕС состава 2003 года (среднего евросоюзного), светлым фоном обозначены значения, оказавшиеся выше среднего уровня по ЕС.

ной ситуации у банка), и кредитную политику банков (по долгосрочным и краткосрочным заимствованиям). Но, несмотря на более благоприятные оценки условий кредитования, доступности и ясности финансовой информации, доля бравших кредит практически такая же, что и в Москве (то есть довольно низкая в сравнении со среднероссийским уровнем).

Напротив, в течение последних 5 лет жители Уральского, Сибирского ФО оказались наиболее активными заемщиками (брали кредиты не менее 45% опрошенных) (табл. 6). По опросу 2012 года (табл. 6) к ним присоединились и жители Дальневосточного ФО (55% брали кредиты за последние 2 года). При этом жители упомянутых ФО реже всего соглашались с

Таблица 6

СРАВНЕНИЯ ОЦЕНОК БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ В ЦЕЛОМ И КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ ЖИТЕЛЯМИ РАЗНЫХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГОВ РОССИИ, 2012 ГОД¹

	Москва	Центр ФО	Южн ФО	С-З ФО	Поволж ФО	Урал ФО	Сибир ФО	ДВ ФО
Число респондентов	671	1125	737	659	1211	556	792	253
<i>об условиях хранения денежных средств</i>								
НАЙТИ И СРАВНИТЬ ИНФОРМАЦИЮ ПО РАЗЛИЧНЫМ БАНКАМ О ДЕПОЗИТАХ (ПРОЦЕНТАХ, СРОКАХ, ОГРАНИЧЕНИЯХ)								
% считающих, что “несложно”	71	65	60	69	62	58	68	56
<i>о кредитовании</i>								
% бравших кредиты последние 2 года	33	38	37	34	41	45	46	55
% имеющих непогашенные кредиты последние 2 года	21	27	31	27	31	36	40	47
ПОКУПКИ В КРЕДИТ ПРИНОСЯТ БОЛЬШЕ ПОЛЬЗЫ, ЧЕМ РИСКА ИЛИ ОПАСНОСТИ								
% согласных	36	37	37	42	44	38	37	30
УЗНАТЬ ЗАРАНЕЕ В БАНКЕ, КАК ДОРОГО ОБОЙДЕТСЯ КРЕДИТ								
% считающих, что “несложно”	50	57	57	64	59	57	69	69
ПОНЯТЬ ПРЕДОСТАВЛЯЕМУЮ БАНКОМ ИНФОРМАЦИЮ О СХЕМЕ КРЕДИТА (УСЛОВИЯ ПОЛУЧЕНИЯ И ПОГАШЕНИЯ КРЕДИТА)								
% считающих, что “несложно”	39	43	45	55	51	49	62	51
НАЙТИ И СРАВНИТЬ ИНФОРМАЦИЮ ПО РАЗЛИЧНЫМ БАНКАМ ОБ УСЛОВИЯХ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ КРЕДИТА								
% считающих, что “несложно”	61	63	59	68	62	61	67	66
ИМЕТЬ БАНКОВСКУЮ КАРТУ ДОРОГО								
% несогласных	69	66	60	68	62	71	62	66
В НАШЕЙ СТРАНЕ МОЖНО БРАТЬ СКОЛЬКО УГОДНО КРЕДИТОВ, В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ НИКТО НЕ МОЖЕТ КОНТРОЛИРОВАТЬ								
% согласных	26	28	30	34	39	35	47	30
В НАШЕЙ СТРАНЕ ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ ВЗЯТЬ В КРЕДИТ БОЛЬШЕ, ЧЕМ СМОЖЕТ КОГДА-ЛИБО ВОЗВРАТИТЬ								
% согласных	33	36	39	52	45	54	58	43
<i>о банковской системе в целом</i>								
ВЫИГРАТЬ В СПОРНОЙ СИТУАЦИИ У БАНКА								
% считающих, что “несложно”	9	10	10	12	16	7	14	8
БАНКИ, КРЕДИТНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ИСПОЛЬЗУЮТ АГРЕССИВНЫЕ ПРИЕМЫ ПРОДВИЖЕНИЯ СВОИХ УСЛУГ								
% согласных	64	54	49	57	56	57	54	52
БАНКИ, КРЕДИТНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДОСТАВЛЯЮТ ЯСНУЮ И ПОНЯТНУЮ ИНФОРМАЦИЮ								
% согласных	22	28	31	37	42	36	41	41

¹ Здесь используются результаты опроса в рамках исследования финансового поведения взрослого (18-65 лет) городского населения России по заказу Сбербанка России сентября-октября 2012 года. Об исследовании см. ранее по ссылке (№13). В таблице приводится распределение ответов в процентах от числа всех опрошенных в каждом ФО.

В таблице темным цветом обозначены значения, оказавшиеся ниже среднероссийского уровня, светлым фоном обозначены значения, оказавшиеся выше среднего по России уровня

высказыванием, что покупки в кредит приносят больше пользы, чем риска или опасности. И такое мнение не случайно: судя по структуре взятых кредитов, в этих федеральных округах чаще, чем в других регионах, брали «вынужденные» кредиты (для перекредитования или на текущие, срочные нужды). В Уральском и Сибирском ФО максимальная доля бравших кредит просто на текущие нужды (почти 40%). А в Дальневосточном ФО относительно высока и доля тех, кто брал кредит, чтобы погасить ранее взятый кредит (15% опрошенных – что в 2 раза выше, чем по России в целом).

Обобщим представленные данные. Европейский среднестатистический житель, более вовлеченный в институциональные финансовые отношения, более опытен и искушен; опираясь на свой опыт, воспринимает банковскую систему более рационально и формулирует конкретные информационные запросы практического характера. Европейцы формируют свои суждения как люди включенные, уже находящиеся внутри финансовой модели, стремящиеся быть ее участниками; для них это участие является частью повседневности.

У россиян уровень финансовой вовлеченности оказывается, что понятно, ниже в сравнении с нынешними жителями ЕС (по банкингу, сбережениям, кредитам). Более того, россияне

в целом выражают невысокий уровень доверия к банкам. Парадоксально при этом, что в сравнении с жителями ЕС среди россиян оказались и более распространенными представления, что им вполне доступна и понятна информация банков; они вполне уверены, что способны оценить риски связанные с кредитами, сбережениям. Но такая уверенность россиян о возможностях и информационной доступности скорее носит более общий характер. Что указывает на невысокую включенность в систему финансовых услуг и готовность ими пользоваться. Представления россиян отражают позицию наблюдателя, а не того, кто желает быть активным участником, для кого кредитные и сберегательные практики часть его повседневности. Поскольку потребительские и информационные запросы россиян оторваны от практики и абстрактны, то и оценки информационной доступности оказываются несколько более высокими, чем у европейцев. Даже наиболее образованные и «продвинутые», более вовлеченные в финансовую активность группы населения не могут пока выразить свои запросы четко и рационально, с практической точки зрения. Исключение составляют москвичи – они в своих установках и поведении более осторожны и рациональны.

Ирина ПОПОВА
Валентина ОСИПОВА

Отношение принимающей стороны к мигрантам

Миграционные потоки в Россию с каждым годом увеличиваются. Это вызвано и экономическими и политическими условиями, как в самой России, так и в странах ближнего зарубежья. Распад СССР повлек за собой появление большого количества проблем в межнациональных отношениях на всем постсоветском пространстве: положение русскоязычного населения в бывших союзных республиках, миграцию этого населения в Россию, миграцию из этих республик местного населения в Россию. Прямым следствием масштабных перемещений людей является все более возрастающее разнообразие народностей, культур, религий в одной стране. Все это неизбежно ведет к возникновению социального напряжения, к скрытым и открытым конфликтам между местным населением и приезжими. Проблемам ксенофобии, мигрантофобии, этноцентризма и других форм интолерантности все больше посвящается исследований, все чаще можно слышать об этом из средств массовой информации. Истоки этих проблем лежат и в сфере экономики, и в сфере политики, и в обустройстве границ. Но самой большой проблемой, на наш взгляд, является отсутствие внятной миграционной политики во всех государствах бывшего СССР. Процессы протекают стихийно, они не регулируются властью.

В этих условиях очень важно понять, что же на самом деле происходит в отношениях между мигрантами и принимающей стороной. Особенностью формирования данного типа отношений является то, что они строятся не на равном месте, у них есть исторические корни, происходящие из семидесятилетней истории существования единого для всех государства.

В настоящей статье представлены данные опроса 400 жителей г. Костромы, проведенного по квотной выборке (учитывались пол и возраст респондентов). Актуальность исследования данной проблемы определяется нарастанием миграционных процессов и состоянием уровня толерантности принимающего населения. Целью проведенного исследования было установить уровень толерантности принимающего населения к мигрантам, а также выявить

влияние исторически сложившихся отношений между национальными группами бывших республик СССР на формирование межнациональных отношений в условиях современного постсоветского пространства.

Особенностью формирования новых межнациональных отношений является то, что базой для них стала трудовая миграция. Плохое экономическое положение в бывших союзных республиках и потребность в дешевой рабочей силе в России «выдавило» из них в сторону России значительную часть трудоспособного населения. Однако, решение экономических задач, происходящее в нерегулируемом режиме, породило опасную для развития межнациональных отношений внутри России проблему кросс-культурной коммуникации. Ситуация же в принимающей России характеризуется ухудшением положения на рынках труда, ростом безработицы, сильным имущественным расслоением общества и обеднением большого числа российского населения.

На вопрос: «*Как Вы относитесь к появлению в Вашем городе мигрантов?*» более половины опрошенных выбрали варианты, содержащие отрицательное отношение:

- отрицательно, так как мигранты повышают уровень коррупции в нашем городе – 9%;
- отрицательно, так как мигранты занимают наши рабочие места – 18%;
- отрицательно, так как они неуважительно ведут себя с местным населением – 25%.

Из полученных результатов можно видеть причины ксенофобских настроений основной части принимающего населения. Это передает характер отношений между «коренными» и приезжими и вызванного этим взаимонепонимания.

Для того чтобы понять, как выглядит объем миграционных потоков в глазах местного населения в зависимости от территорий, из которых они приезжают, задавался вопрос: «*Как Вам кажется, велико ли число приезжих из других регионов России и стран ближнего и дальнего зарубежья, которые работают сейчас в Вашем городе?*». По показателю «Да, их достаточно много»:

Таблица 1
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РЕСПОНДЕНТОВ О МАСШТАБАХ МИГРАЦИИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТЕРРИТОРИИ (в % от числа опрошенных)

Территория, из которой приехали	Да, их достаточно много
Тех, кто приехал из бывших республик СССР	45
Тех, кто приехал из республик Северного Кавказа России	75
Тех, кто приехал из дальнего зарубежья	9

Представление принимающей стороны о сферах, в которых работают трудовые мигранты, приехавшие из разных территорий, дает возможность оценить состояние общественного мнения о сложившемся в России рынке труда для приезжающих.

Таблица 2
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПРИНИМАЮЩЕЙ СТОРОНЫ О СФЕРАХ ЗАНЯТОСТИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ, ПРИЕХАВШИХ ИЗ РАЗНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. (По каждой группе можно было выбрать до 3-х вариантов; % от числа опрошенных)

Сфера	Из бывших республик СССР	Республик Северного Кавказа России	Дальнего зарубежья
Промышленность	35	8	36
Сельское хозяйство	36	17	13
Строительство	69	58	33
Транспорт и связь	37	47	17
Наука	7	3	28
Здравоохранение	8	7	21
Образование	9	5	28
Торговля и общественное питание	56	96	51
Государственные учреждения	5	9	15
Бытовое и коммунальное обслуживание	37	33	18
Общественные организации	3	9	44

Таблица 3
МНЕНИЕ ПРИНИМАЮЩЕЙ СТОРОНЫ О СФЕРАХ ЗАНЯТОСТИ, В КОТОРЫЕ МОЖНО ДОПУСТИТЬ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ, ПРИЕХАВШИХ ИЗ РАЗНЫХ ТЕРРИТОРИЙ (по каждой группе можно было отметить все возможные варианты, % от числа опрошенных)

Сфера	Из бывших республик СССР	Республик Северного Кавказа России	Дальнего зарубежья
Промышленность	40	17	39
Сельское хозяйство	61	50	30
Строительство	52	46	27
Транспорт и связь	23	17	16
Наука	9	0	22
Здравоохранение	11	4	24
Образование	9	1	17
Торговля и общественное питание	25	22	16
Государственные учреждения	8	1	9
Бытовое и коммунальное обслуживание	29	26	15
Общественные организации	9	4	17

Стоит сравнить полученный результат с тем, как это выглядит на самом деле. По данным УФМС России по Костромской области, по состоянию на 20 декабря 2012 года на территории Костромской области осуществляли трудовую деятельность около 1500 иностранных граждан и лиц без гражданства. Из них по сферам трудовой деятельности:

- в строительстве 27%;
- на обрабатывающих производствах 30%;
- в сфере оптовой, розничной торговли 16%;
- в сфере услуг 13%;
- в лесном и сельском хозяйстве 10%;
- на транспорте 5%.

То есть этническая картина миграции в глазах основной массы местного населения весьма далека от реальной.

Мнение принимающего населения о том, в какие сферы можно допустить трудовых ми-

грантов, показывает, как респонденты хотели бы, чтобы складывался рынок труда с их участием, кроме того, в этом мнении косвенно отражается отношение местного населения к различным группам мигрантов.

В обращении В.В. Путина к Федеральному Собранию было сказано о том, что в Россию нужно пускать высококвалифицированных специалистов. Результаты показывают, что это не соответствует состоянию общественного мнения, что может усилить конфликт между трудовыми мигрантами и принимающей стороной. Наличие высокого квалификационного потенциала делает переселенцев серьезными конкурентами в борьбе за рабочие места. И этот конкурентный напор, как было показано выше, сильно ощущается российским населением и формирует негативное отношение к приезжим.

В целом этот результат подтверждает высказанную Л.Д. Гудковым идею о том, что «природа этнических фобий или неприязни к мигрантам представляет собой защитную архаическую реакцию на реальные или воображаемые угрозы в ситуациях, когда у населения, по его мнению, ограничены ресурсы выживания или возможности сохранения своих позиций или интересов»¹. Действительно, согласно этим данным принимающая сторона готова пустить на рынок труда приезжих, но только в те сферы, где сами они не хотят работать. Так же как в отношении русских, вернувшихся в начале 90-х годов из бывших республик СССР, население высказывало пожелание, чтобы этих людей селили только в сельской местности.

В чем основные причины притяжения или неприязни принимающей стороной трудовых мигрантов, можно видеть из результатов, полученных по вопросам: «Что положительного Вы видите в приезде мигрантов в Ваш город?» и «Что отрицательного Вы видите в приезде мигрантов в Ваш город?» (можно было отметить все возможные варианты ответов).

Из полученных результатов видно, что более трети населения не хотят даже задуматься над пользой, которая может исходить от приезжих. В этом проявляется всеобщая неприязнь к чужим, которая характеризуется нежеланием думать о возможной целесообразности притока рабочей силы, которую можно использовать там, где сами они работать не хотят. Такое состояние массового сознания будет большой угрозой для дальнейшего использования трудо-

¹ См.: Гудков Л. Смещенная агрессия: отношение россиян к мигрантам. ВОМ, 2005, №6 (80) – http://ecsocman.hse.ru/data/061/929/1219/08_60-77-Gudkov.pdf

Таблица 4
ЧТО ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ВИДИТ В ПРИЕЗДЕ МИГРАНТОВ (% от числа опрошенных)

Они работают там, где не хотят работать местные жители	46
Привозят в город дешевые товары и продукты	14
Обогащают нашу культуру	3
Улучшают демографическую ситуацию	4
Способствуют экономическому развитию нашего города	5
Ничего положительного в их приезде не вижу	37
Затрудняюсь ответить	16

Таблица 5
ЧТО ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ВИДИТ В ПРИЕЗДЕ МИГРАНТОВ (% от числа опрошенных)

Они занимают рабочие места, необходимые местному населению	24
Торгуют товарами и продуктами низкого качества	50
Являются переносчиками болезней и источниками антисанитарии	44
Способствуют росту преступности	54
Неуважительно относятся к местным жителям и нашим традициям	52
Ничего отрицательного в их приезде не вижу	6
Затрудняюсь ответить	9

вой миграции в решении экономических задач, что неизбежно потому, что в случае сокращения притока мигрантов Россия буквально через два-три года столкнется с острой нехваткой рабочих рук.

Выбранные респондентами варианты отрицательных моментов приезда показывают не просто интолерантность, но враждебность принимающей стороны. Негативное отношение к мигрантам и дискриминационная политика в их отношении часто оправдываются ссылками на то, что они не представляют никакой экономической ценности для принимающей страны, а лишь стремятся «пожиться за счет коренного населения», — хотя очевидно, что рабочие места, занятые мигрантами, нельзя назвать привлекательными. Миграция большей частью коренного населения воспринимается как «нашествие», несущее исключительно отрицательные последствия. Кроме того, на фоне падения жизненного уровня внешнее благополучие отдельных представителей диаспор воспринимается как несправедливое и достигнутое за счет «коренного населения», а их сплоченность — как доказательство «мафиозности» мигрантов.

Л.Д. Гудков утверждает, что ксенофобия

медленно поднималась на всем протяжении постсоветского времени, но особенно сильно — именно в годы путинского правления, косвенно поощряемая и поддерживаемая усилиями властей, нуждавшихся в реанимации привычных механизмов мобилизационного и закрытого общества. Ксенофобия — «нормальная» реакция модернизирующегося общества на ослабление прежних территориально-этнических, социальных и конфессиональных барьеров, социальных дистанций, интенсивные процессы социальной мобильности, перемещения населения, усиления социальной и культурной дифференциации общества»².

Для замера уровня толерантности принимающей стороны в исследовании задавался блок вопросов. Первым в этой череде вопросов был: «Если бы приехавший в город мигрант, обратился к Вам лично за помощью, что из перечисленного Вы сделали бы для него?» (можно было отметить все возможные варианты; в % от числа ответивших)

Помог(ла) бы устроится на работу.....	6
Одолжил(а) бы денег	1
Пустил(а) бы на квартиру	49
Помог(ла) бы советом	27
Оказал(а) помощь продуктами питания, одеждой, медикаментами	36
Никакой помощи не стали бы оказывать...0	

Получить представление о проблемах, с которыми сталкиваются мигранты, по мнению населения, можно по результатам, полученным на вопрос: «На Ваш взгляд, с какими проблемами сталкиваются мигранты в Вашем городе?» (можно было отметить все возможные варианты; % от числа ответивших)

Трудоустройство	32
Регистрация	68
Материальные трудности.....	33
Жилищные проблемы	60
Недоброжелательное отношение к мигрантам со стороны местных жителей	33
Невозможность получить медицинское обслуживание	27
Затрудняюсь ответить	13

Показателем уровня толерантности можно также считать результаты, полученные на открытые вопросы: «Назовите пять качеств, которые Вам нравятся в людях, приезжающих из бывших республик Средней Азии» (% от числа ответивших):

Трудолюбие, работоспособность	35
-------------------------------------	----

Уважительное отношение к старшим, женщинам	88
Национальная сплоченность	4
Дружелюбие.....	14
Стойкость, целеустремленность.....	7
Затруднились назвать.....	44
«Назовите пять качеств, которые Вам не нравятся в людях, приезжающих из бывших республик Средней Азии» (% от числа ответивших):	
Неопрятность, нечистоплотность	8
Неприязнь к русским традициям	9
Необразованность	8
Наглость, навязчивость.....	9
Незнание русского языка.....	12
Затруднились назвать	45
«Назовите пять качеств, которые Вам нравятся в людях, приезжающих с Северного Кавказа России» (% от числа ответивших):	

Трудолюбие.....	10
Коммуникабельность.....	6
Уважительное отношение к старшим.....	12
Гостеприимство	8
Национальная сплоченность.....	14
Затруднились назвать	50
«Назовите пять качеств, которые Вам не нравятся в людях, приезжающих с Северного Кавказа России» (% от числа ответивших):	
Неприязнь к русским традициям	16
Агрессивность	27
Нахальство.....	19
Высокомерие, гордость.....	13
Вспыльчивость	11
Затруднились назвать.....	36

Мнения по поводу причин раздражения в отношении мигрантов представлены в табл. 6.

Предложенные формулировки это массовые стереотипы в отношении мигрантов. Стереотипы являются определенными убеждениями и «привычными знаниями» людей относительно качеств и черт характера других индивидов. В данном случае речь идет об этнических стереотипах (устойчивые суждения представителей одних национальных групп о других), в качестве стереотипизации выступают этнические группы, представители которых приезжают в город.

Одной из гипотез исследования было предположение о том, что на складывающиеся отношения между мигрантами из бывших республик СССР и принимающей стороной оказывают влияние отношения, которые существовали во времена Советского Союза. Для проверки данной гипотезы в исследовании задавался вопрос: «Скажите, что для Вас приемлемо в отноше-

² Там же, с.60

Таблица 6

ПРИЧИНЫ РАЗДРАЖЕНИЯ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ МИГРАНТОВ (% от числа опрошенных)

Причина	Из бывших республик СССР	Республик Северного Кавказа России
Людям не нравится их внешность, манера поведения, черты характера	29	62
Людям не нравится, что они не хотят считаться с обычаями и нормами поведения, принятыми в России	37	65
Людям не нравится, что они другой религии	9	27
Людям не нравится то, что они контролируют определенные сферы бизнеса	35	58
Люди считают, что приезжие отнимают рабочие места у местного населения	39	30
Людям не нравится, что они плохо говорят по-русски	15	36
Люди связывают это с историей отношений в прошлом	16	15

нии людей следующих национальностей» (см табл. 7).

В данном случае речь идет скорее о предвзятых суждениях. Психология рассматривает предвзятость как психологическую установку предвзятого и враждебного отношения к чему-либо без достаточных для такого отношения оснований или причин. Применительно к этническим группам или их культурам предвзятость выступает в виде предвзятой или враждебной установки к ним, к любым фактам, связанным с их деятельностью, поведением и социальным положением. Главным фактором в возникновении предвзятых суждений является неравенство в социальных, экономических и культурных условиях жизни различных этнических общностей. Предвзятость – следствие неполного или ис-

каженного понимания объекта, по отношению к которому формируется установка. Возникая на основе ассоциации, воображения или предположения, такая установка с искаженным информационным компонентом оказывает, тем не менее, стойкое влияние на отношение людей к объекту. Предвзятости имеют свойство передаваться из поколения в поколение. Важно, что данный результат подтверждает одну из гипотез нашего исследования: влияние исторически сложившихся отношений между национальными группами бывших республик СССР на формирование межнациональных отношений в условиях современного постсоветского пространства. Каждым отдельным индивидом предвзятости усваиваются в процессе социализации и кристаллизуются под влиянием куль-

Таблица 7

ПОКАЗАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ДИСТАНЦИИ МЕЖДУ ПРИНИМАЮЩЕЙ СТОРОНОЙ И РАЗЛИЧНЫМИ НАЦИОНАЛЬНЫМИ ГРУППАМИ (% от числа ответивших)

Национальность	Вступление в брак моей сестры или брата	Они могли бы быть моими близкими друзьями	Работать вместе	Жить в одном городе	Жить в моей стране	Их не должно быть в моей стране	Затруднились ответить
Русские	66	12	4	5	10	0	3
Белорусы	17	34	11	18	12	2	7
Украинцы	16	25	13	21	12,6	4	9
Казахи	1	9	9	21	29	17	13
Киргизы	0	8	6	15	28	29	14
Молдаване	0	9	12	17	26	23	13
Туркмены	0	3	5	12	33	33	14
Азербайджанцы	1	2	7	13	26	39	13
Узбеки	0	3	6	11	28	39	14
Таджики	0	2	7	7	28	43	14
Латыши	1	6	9	11	27	31	15
Армяне	1	5	8	15	28	31	13
Грузины	0	3	8	7	25	44	13
Литовцы	1	5	9	14	27	29	14
Эстонцы	1	6	8	12	28	30	14

турно-групповых норм и ценностей. Их источником служит ближнее окружение человека, в первую очередь родители, которые передают и стереотипы, и предрассудки своим детям. Путем обработки данных прослеживается тенденция: мнение поколения детей полностью совпадает с мнением поколения родителей.

Вопрос: «Чей приезд (из перечисленных ниже представителей бывших союзных республик) на постоянное место жительства в Ваш город Вы бы одобрили?» (можно отметить пять представителей; в % к числу ответивших):

Белорусы.....	93
Украинцы.....	87
Молдаване.....	48
Казахи.....	44
Армяне.....	40
Эстонцы.....	37
Литовцы.....	37
Латыши.....	28
Узбеки.....	18
Азербайджанцы.....	17
Киргизы.....	17
Грузины.....	17
Туркмены.....	10
Таджики.....	6

Такое восприятие этносов позволяет выстроить шкалу социальной дистанции, характеризующей степень отчужденности принимающей стороны от той или иной этнической группы и, соответственно, готовность к взаимодействию с ней в той или иной степени плотности социальных отношений. Очень близки украинцы, белорусы, казахи и молдаване (то, что было в СССР). Народы Средней Азии и Закавказья не рассма-

триваются даже как проживающие в одной стране с опрошенными. Антимигрантские настроения базируются на представлении о мигрантах как чуждых, иных. Фиксируемые ксенофобии направлены, в первую очередь, на этнических мигрантов, независимо от их гражданства, от того, являются они временными трудовыми мигрантами, переселяются ли на постоянное место жительства в пределах России или из-за ее пределов. Тесная взаимосвязь мигрантофобий и этнофобий лежит на поверхности: и мигранты, и представители других этнических групп являются «иными», отношения местного населения и с теми, и с другими проецируются через призму отношений «свои» – «чужие».

Задачей исследования было получить оценку респондентами межнациональных отношений в городе. Прежде всего, уровень беспокойности населения города проблемой межнациональных отношений. Полученный результат показал, что эта проблема тревожит население (в % к числу опрошенных):

Очень беспокоит.....	19
Скорее беспокоит.....	44
Скорее не беспокоит.....	22
Совсем не беспокоит.....	6
Затруднились оценить.....	9

Как отражается в общественном мнении настроение российской молодежи в отношении представителей других национальностей можно понять из ответов, полученных на вопрос: «Известны случаи конфликтов на почве национальной неприязни, когда русская молодежь избивает представителей других национальностей. Как Вы считаете, эти случаи отражают массовое настроение современной русской молодежи?» отве-

Таблица 8

СОВПАДЕНИЕ МНЕНИЯ ПОКОЛЕНИЙ ДЕТЕЙ И ПОКОЛЕНИЙ РОДИТЕЛЕЙ ПО НЕКОТОРЫМ ПОЗИЦИЯМ (% от числа выбравших данный вариант ответа по возрастным группам)

Вариант ответа:	18-30 лет (дети)	31-45 лет (дети)	46-60 лет (родители)	старше 60 (родители)
Русский народ в течение всей своей истории объединял разные народы, примирял их между собой, нес им высокую культуру и цивилизацию	20	29	22	29
После распада СССР произошло ухудшение межнациональных отношений россиян и жителей бывших советских республик	19	30	22	29
Ограничение возможностей переезда представителей нерусских народностей для проживания в России	23	28	20	29
Упрощение процедуры для переезда русских из республик бывшего СССР	20	30	19	30
Россия для русских	23	29	19	29
Русские в России должны иметь преимущественные права	21	31	19	28
Присутствие в России людей разных национальностей отрицательно сказывается на жизни людей	21	30	18	31

ты распределились следующим образом (в %):	
Да, эта неприязнь отражает общие настроения русской молодежи	18
Это достаточно распространенное явление, но, все же не свойственное большинству российской молодежи.....	38
Это единичные случаи, которые не находят массовой поддержки.....	32
Затруднились ответить.....	12

А вот уточняющий вопрос, касающийся уже личного мнения по вопросу изгнания «нерусских» из российских городов показал, что уровень интолерантности опасно высок. *«Как Вы относитесь к людям, призывающим к изгнанию «нерусских» из российских городов?»* (в %):

Полностью с ними согласны	12
Частично согласны.....	57
Мне безразлично	12
Полностью не согласны.....	19

Для оценки состояния характера межнациональных отношений в массовом сознании было предложено сделать выбор между альтернативами (в % к числу опрошенных).

Альтернатива 1	
Россия для русских.....	41
Россия – многонациональная страна, всем места хватит	54
Затруднились ответить.....	5

Альтернатива 2	
Русские в России должны иметь преимущественные права	51
Все народы в России должны обладать равными правами	45
Затруднились ответить.....	4

Альтернатива 3	
Присутствие в России людей разных национальностей отрицательно сказывается на жизни людей.....	47
Национальное многообразие положительно влияет на развитие российского общества.....	42
Затруднились ответить.....	11

«Что Вас лично больше всего беспокоит в связи с увеличением в городе числа приезжих?» (можно было отметить все возможные варианты, в % к числу ответивших). Результаты представлены в порядке убывания:

Рост преступности.....	60
Возможность возникновения межнациональных конфликтов.....	54
Угроза террористических актов	51

Антисанитария, распространение болезней.....	46
Уменьшение рабочих мест для местного населения	25

Альтернатива 1	
Нашему народу присуща открытость, стремление к общению и взаимодействию с представителями разных народов, религий и культур	74
Нашему народу присуща замкнутость, закрытость, неприязнь к другим культурам и народам, боязнь общения с ними.....	9
Затрудняюсь ответить	17

Альтернатива 2	
Русский народ в течение всей своей истории объединял разные народы, примирял их между собой, нёс им высокую культуру и цивилизацию	72
История российского государства – это история насильственного присоединения других стран и народов, история подавления их национальной самостоятельности и самобытности	10
Затрудняюсь ответить	18

Альтернатива 3	
Отношения между различными народами нашей страны всегда были терпимыми, это отношения дружбы, диалога, сотрудничества.....	62
Отношения между различными народами нашей страны – это в основном история межнациональных разногласий, конфликтов, вражды и неприязни	16
Затрудняюсь ответить	22

Альтернатива 4	
Политика власти всегда строилась с учётом равноправия различных народов нашей страны, была нацелена на укрепление межнационального мира и согласия	53
Равноправия между народами в нашей стране никогда не было – одни национальности имели все права, права других – ограничивались и ущемлялись	17
Затрудняюсь ответить	30

Отношение принимающей стороны к мигрантам можно видеть из согласия или несогласия с предложенными высказываниями.

Таким образом, антимигрантские настроения базируются на следующих аргументах:
– неконтролируемый поток мигрантов рез-

ко осложняет социальную обстановку, дестабилизируя рынок труда, жилья, усиливает конкуренцию на рынке труда;

– миграция ухудшает санитарно-эпидемиологическую обстановку;

– миграция способствует криминализации обстановки и росту преступности;

– замкнутый образ жизни отдельных этнических общин и их нежелание воспринять образ жизни местного населения способствуют возрастанию социокультурной дистанции между ними и «коренным населением». Эта дистанция столь велика, что исключена возможность их совместного проживания;

– изменение этнического состава территорий приобретает масштабный характер и угрожает национальной безопасности.

Справедливости ради следует сказать, что антимигрантские настроения, доминирующие в обществе, небеспочвенны: среди мигрантов есть и преступники, и наркоторговцы, и преследующие иные асоциальные цели. Для части из них характерны клановость, закрытость, вытекающая из иных культурных и национальных традиций, нормы поведения, не соотносящиеся с нормами и традициями принимающего общества, поведение представителей диаспор вызывает у принимающей стороны реакцию, которую можно выразить русской поговоркой: «В чужой монастырь со своим уставом не ходят». Негативная репутация многих мигрантских сообществ становится проблемой независимо от того, насколько она оправдана. Возможно в этом корни шовинистических

предрассудков и укоренившаяся в массовом сознании идея «борьбы с нерусскими» и изгнания их из русских городов. И как защитная реакция 60% тех, кто за предоставление русским преимущественных прав при назначении на работу и столько же за ограничение возможностей переезда представителей нерусских народностей для проживания в России, 75% за упрощение процедуры высылки незаконных мигрантов в их страны. Оценочное отношение к этничности и представления о привилегированном положении русских могут порождать конфликт с представителями других национальностей, в поведении которых субъект не замечает признания своего превосходства. Проблема отношения к мигрантам выходит за рамки общей миграционной проблематики, что связано с особенностями локального социума, его этноструктурой, состоянием локального рынка труда. Но есть в этой проблеме и отражение состояния российского общества в целом, его ценностных представлений и поведенческих моделей. К сожалению, уровень интолерантности по отношению к любым «чужим» опасно высок, чтобы власти можно было не обращать на это внимания. Пока средства массовой информации вместе с законодателями обсуждают, нужно ли называть национальность преступника, и какие нужны программы в школе по повышению уровня толерантности детей, российское общество все враждебнее относится к тем этническим группам, чьих представителей, как сказала одна бабушка, «живьем никогда не видела».

Таблица 9

СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В СФЕРЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ (% от числа опрошенных)

Высказывание:	Согласен	Не согласен	Затрудняюсь ответить
Предоставление русским преимущественных прав при назначении на работу	61	25	15
Ограничение возможности переезда представителей нерусских народностей на жительство на территорию России.	61	22	17
Упрощение процедуры высылки незаконных мигрантов в их страны	75	9	15
Упрощение процедуры для переезда русских из республик бывшего СССР	79	8	14
Ухудшение межнациональных отношений россиян и жителей бывших советских республик после распада СССР	71	15	13
Для защиты национальных интересов все средства хороши	27	52	20
Разжигание межнациональной розни – это преступление, за которое надо сурово наказывать	75	12	13
Нельзя делить народы на хорошие и плохие, так как в любом народе есть хорошие и плохие люди	81	7	13
Когда люди различных национальностей живут рядом, общество становится культурно богаче	40	23	37

Клаудио МОРРИСОН

Строители в России: мобильность, наём и стабильность рабочих мест постсоветских мигрантов-строителей

Трудовая миграция до сих пор объяснялась такими причинами как различия в заработной плате, относительная легкость или трудность переезда в другую страну и присутствие или отсутствие сетей поддержки¹. Мы рассматриваем это явление в связи с исторической потребностью капитала в постоянном расширении социо-географического пространства поиска рабочей силы, чтобы избежать промышленного конфликта и избавиться от текучести. Высокий уровень текучести наблюдается на местах с опасными условиями работы, рутинным процессом работы и недостатком автономности; это такие области как сельское хозяйство, строительство и работа на дому².

Эмпирически данная статья обращена к недостаточному освещению в литературе трудовой миграции из стран СНГ и среди них. Она также затрагивает связанные с этим аналитические и методологические ограничения в области знаний о миграции. Несмотря на мощное развитие в последние 20 лет, данная область знаний все еще ограничена тем, что фокус исследования в ней смещен в сторону принимающей страны, а социальные изменения оставлены без внимания³. Как указал Ринус Пеннинкс в своей напутственной лекции во время Девятой Конференции IMISCOE, методологический национализм остается проблемой, и исследования все еще полагаются на понятия, порожденные

национальной политикой принимающих стран. Результаты исследований в основном сконцентрированы на «мировом Севере» и иммиграции в эту зону⁴. В результате пренебрегаются миграционные тенденции в СНГ. Самым большим барьером остается «стойкость этнической линзы» и «предпочтение к изучению транснациональных сообществ, а не транснациональных социальных полей»⁵.

С целью преодоления этих барьеров исследование, на котором основана статья, проводилось в рамках транснационального и классового измерений. Работа посвящена трудовой миграции из Украины и Молдовы в Италию и Российскую Федерацию соответственно. Следуя за траекториями перемещения мигрантов по рынкам труда и рабочим местам, исследование раскрывает их индивидуальные и коллективные формы организации. Ключевая цель исследования состоит в определении ожиданий и надежд мигрантов, форм сопротивления и их влияния на миграционные модели. Полученные сведения говорят о том, что высокий уровень текучести кадров наблюдается в точке пересечения исхода рабочих и нехватки кадров в промышленности, т.е. когда различные формы принуждения и жесткие условия труда приводят к постоянно растущей армии миграционной рабочей силы. Мигранты демонстрируют высокий уровень осведомленности о своем состоянии и вариативность стратегий.

Структура работы следующая: в последующих двух разделах дается критический обзор теоретических разработок проблемы миграции, а также рассматривается понятие текучести кадров в историческом ракурсе. Далее кратко описываются миграционные процессы и регу-

¹ См. *Piore, M.* Birds of Passage: Migrant Labour and Industrial Society, Cambridge: Cambridge University Press, New York. 1979; *Portes A.* 'Transnational Communities: Their Emergence and Significance in the Contemporary World System', in Korzeniewicz R. P. and Smith W. C. (eds.) Latin America in the World Economy, Westport, Conn.: Greenwood Press, 1996. Pp. 151–168; *Massey, D. S. and Taylor, J. E.* (eds) International Migration: Prospects and Policies in a Global Market, Oxford: Oxford University Press, 2004.

² См. *Moulier-Boutang, Y.* De l'esclavage au salariat. Economie historique du salariat bridé, Paris: Presses Universitaires de France. 1998; Ministère de l'emploi et de la Solidarité, *Darés.* Efforts, risques et charge mentale au travail. Résultats des enquêtes. Conditions de travail 1984, 1991 et 1998, Paris: La Documentation Française. 2000; *Stalker P.* Workers Without Frontiers. The Impact of Globalization on International Migration, Boulder, Col.: Lynne Rienner Publisher, 2000; *Silver B.* Forces of Labor, Cambridge: Cambridge University Press. 2003.

³ *Castles, S.* Understanding Global Migration: A Social Transformation Perspective. Journal of Ethnic and Migration Studies, 36 (10), 2010. Pp. 1565–1586.

⁴ King, R., Money, J. & Murawska, M. Twenty Years of JEMS: A Geographical Content Analysis. Journal of Ethnic and Migration Studies, 37 (9), 2011. Pp. 1539–1550.

⁵ Shiller, N. G. & Caglar, A. Towards a Comparative Theory of Locality in Migration Studies: Migrant Incorporation and the city Scale. Journal of Ethnic and Migration Studies, 35 (2), 2009. Pp. 181–; *Nolan, M., MacRaild D.* and *Neville Kirk N.* 'Transnational Labour in the Age of Globalization', Labour History Review, 75 (1): (2010). Pp. 8–19; *Mannila, S. & Reuter, A.* Social Exclusion Risks and their Accumulation among Russian-Speaking, Ethnically Finnish and Estonian Immigrants to Finland. Journal of Ethnic and Migration Studies, 35 (6), 2009. Pp. 939–956.

ляторные механизмы в строительстве. За методологическим параграфом следуют два эмпирических раздела, в которых анализируются такие проблемы как принятие решения о миграции, формы найма, оплата и условия труда, формы сопротивления рабочих. Итоговое сопоставление сходств и различий в этих системах и следующие из него выводы оспаривают общие взгляды на миграцию в регионе.

Трудовая миграция и текучесть кадров

Текучесть кадров измеряет скорость циркуляции кадров как фактора производства, другими словами, — число работников, замещенных какой-либо экономической единицей, за определенный отрезок времени. Правда, для того чтобы понять этот процесс, нужно признать, что мы имеем дело с реальными социальными акторами, а не просто с абстрактными экономическими категориями. В частности, в данном исследовании мы придерживаемся положения из теории трудового процесса о существовании «структурированного» антагонизма в отношениях труд — капитал¹. Таким образом, под текучестью кадров можно понимать проявление этих противоречивых и неравных отношений. В то время как вышеупомянутое понятие исхода относится к неудовлетворению рабочих, текучесть более полно охватывает комплексную динамику между отношениями на рабочем месте, трудовой мобильностью и миграцией.

Присущие капитализму высокое налогообложение и принудительный рабочий режим породили высокую трудовую мобильность². Ее причинами могли стать как стратегии предприятий, так и собственная организация рабочих. Предприятия заинтересованы в сведении к минимуму затрат на воспроизводство, поэтому они пополняют ряды рабочих более молодыми и менее воинственными кадрами. Тем не менее, рабочие могут решить уйти по собственному желанию, создавая тем самым дефицит кадров. Таким образом, текучесть кадров фиксируется на стыке между исходом рабочих и нехваткой кадров и говорит о востребованности постоянно растущей армии трудовых мигрантов³.

¹ Thompson, P. and Smith, C. 'Follow the Redbrick Road', *International Studies of Management & Organization*, 30 (4): 2001. Pp. 40-67; Elger, T. 'Critical Materialist Analyses of Work and Employment: A Third Way?', *Sociologia del Lavoro*, 34, 2001. Pp. 61-84.

² Douglas J. H. "Labor Turnover" in Seligman E. R. A., Johnson A. (eds), *Encyclopaedia of the Social Sciences*, The MacMillan Company, N. Y., 1959. Pp. 709-713.

³ Castles S., Kosack G. *Immigrant Workers and Class Structure in Western Europe*, Oxford University Press, London. 1973.

Второй вариант устанавливает прямую связь между миграцией и текучестью кадров. История распространения капитализма фактически сплетается с огромными миграционными потоками, связанными с рабством, подневольной службой и трудом по договору с отдачей в ученичество⁴. И если сегодня «свободный труд» является преобладающей формой миграции, то все равно различные формы принуждения и сегрегации продолжают присутствовать в жизни трудовых мигрантов, как, например, «работа по объявлению» и субподряд⁵. В таких областях, как сельское хозяйство, строительство и работа на дому невозможность перемены места означает, что длительный период найма остается основным механизмом компенсации за высокую текучесть кадров в этих зачастую малопривлекательных секторах экономики⁶.

Третий вариант, делокализация производства, хотя и не связан напрямую с миграцией, но также важен для нашего исследования. Хорошим примером является система «макиладорас» на базе трансграничных прямых иностранных инвестиций в Мексике⁷. Работа на заводе, переведенном в регион с более дешевой рабочей силой, не сдерживает миграцию, а напротив, фактически стимулирует ее, подрывая местную экономику за счет того, что предлагает убогие зарплаты и условия труда и при этом знакомит рабочих с мотивационными и экономическими структурами принимающей страны⁸. Подобная система появляется и в Европе, она характеризуется дислокацией специфической экономической деятельности в странах и соответствующей сегментацией условий трудового рынка⁹. Восточноевропейские рабочие применили «исход»

⁴ См. Moullet-Boutang, Y. *De l'esclavage au salariat*. Economie historique du salariat bridé, Paris: Presses Universitaires de France. 1998; Massey, D. S. and Taylor, J. E. (eds) *International Migration: Prospects and Policies in a Global Market*, Oxford: Oxford University Press. 2004.

⁵ Lillie, N. and Greer, I. "Industrial Relations, Migration, and Neoliberal Politics: The Case of European Construction Sector" *Politics & Society*, 35 (4)2007. Pp. 551-581.

⁶ См. Stalker P. *Workers Without Frontiers. The Impact of Globalization on International Migration*, Boulder, Col.: Lynne Rienner Publisher. 2000.

⁷ Sklair, L. *Assembling for Development: The Maquila Industry in Mexico and the United States*, Boston, Mass.: Unwin Hyman. 1989; Hutchinson, S. T., Villalobos, J. R. and Beruvides, M. G., 'Effects of High Labour Turnover in a Serial Assembly Environment', *International Journal of Production Research*, 35 (110): 1997. Pp. 3201-3223.

⁸ См. Williams E. J., Passe-Smith J. T. *Turnover and Recruitment in the Maquila Industry: Causes and Solutions*, Las Cruces: Joint Border Research Institute, New Mexico State University. 1989; Sassen S. 'U. S. Immigration Policy toward Mexico in a Global Economy', in Gutiérrez D. G. (ed.) *Between Two Worlds: Mexican Immigrants in the United States*, Wilmington, Del.: Scholarly Resources, 1996. Pp. 213-227.

⁹ Ellingstad M. "The Maquiladora Syndrome: Central European Prospects", *Europe-Asia Studies*, 49 (1), 1997. Pp. 7-21.

в качестве первичной формы сопротивления этому реструктурированию после 1989¹, и тем самым побудили нанимателей разработать более жесткие формы контроля, такие как «субподряд» и «работа по объявлению», чтобы защитить себя от законных обязательств и изолируя тем самым мигрантов от экономических и социальных норм принимающего общества². В прошлом «гостевые рабочие» вряд ли соглашались на место, предписанное им работодателями и властями «принимающих стран»³. Совокупность факторов исторически превратила временных и дискриминированных мигрантов в постоянных поселенцев. Это изменения в планах мигрантов относительно их жизненного цикла, система поощрений со стороны более богатых экономик, система соцобеспечения и возможности для мобилизации, предоставляемые в демократических обществах⁴. Даже в неолиберальную эпоху, как предупреждает Мearди в своем революционном анализе социальных последствий расширения ЕС, труд «также имеет свое собственное мнение, в отличие от менее проблематичных товаров вроде стульев и картофеля»⁵ и поэтому им нельзя произвольно манипулировать.

Если термин «исход» применялся для объяснения оттока мигрантов из страны происхождения, то «текучесть» сдвигает фокус в сторону их дальнейшей траектории к месту назначения и рабочим рынкам. Это напоминает нам, что миграция не сокращает мобильность. Это также говорит нам, почему работодатели желают дальнейшей миграции, хотя условия на месте назначения не меняются.

Высокий уровень текучести кадров является исторической особенностью советской экономики, когда рабочим говорили «голосовать ногами», и отсутствовала всякая возможность независимых коллективных переговоров⁶. Большие города, начиная с Москвы, в основном использовали труд мигрантов из сельской

местности, хотя их переселение было проблематичным как с социальной, так и с политической точки зрения. С 1930-х советские власти ввели внутреннюю паспортную систему с обязательной пропиской. Внутренние мигранты, лимитчики, были ограничены в возможностях работать в больших городах. Они также временно пострадали от изгнания и эксплуатации, как и трудовые мигранты из других стран⁷. Исследование конкретных случаев показывает, что расформирование колхозов и фабрик после распада СССР привело к повреждению побудительных механизмов, поддерживающих внутренние рынки труда, и к масштабному оттоку рабочих⁸. Беспрецедентная внутренняя мобильность в России вкупе с большими миграционными потоками из соседних стран создала региональную миграционную систему⁹. На западных границах бывшего СССР рабочие направляются в сторону ЕС и включаются в транснациональное пространство, которое сочетает потоки капитала и рабочей силы¹⁰. В обеих зонах строительный сектор был на первом месте по притоку трудовых мигрантов¹¹.

Исследования производственных отношений выявили различные формы найма мигрантов в этот сектор¹². Общая мысль заключается в стремлении работодателя избежать национального законодательства и навязать невыгодную оплату и условия труда¹³. Для объяснения стратегий перемещения восточноевропейских рабочих широко применяется концепт «исхода»¹⁴.

⁷ Filtzer, D. Soviet Workers and the Collapse of Perestroika: The Soviet Labour Process and Gorbachev's Reforms, 1985-1991. Cambridge, Cambridge University Press. 1994. Pp. 27-30; Green, N. L. & Weil, F. (2007). Citizenship and Those Who Leave: The Politics of Emigration and Expatriation. Baltimore: University of Illinois Press. 2007.

⁸ Morrison C. 'Labour and Technological Discipline: Chaos and Order in a Russian Textile Company', in Research in Economic Anthropology, 22: 2003. Pp. 171-197, Lonkila, M. and Salmi, A. 'The Russian Work Collective and Migration', Europe-Asia Studies, 57 (5): 2005. Pp. 681-703.

⁹ См. Rios, R. R. (ed.) Migration Perspectives: Eastern Europe and Central Asia, Vienna: IOM.

¹⁰ См. Gambino F., Sacchetto D. Un archipelago produttivo, Roma: Carocci, 2007.

¹¹ См. Зайончковская Ж. Иммигранты в Москве / Институт Кеннана: подред. Ж. А. Зайончковской. - М.: «Триквадрата», 2009; Krings, T., Bobek, A., Moriarty, E., Salamon'ska, J. and Wickham, J. 'From Boom to Bust: Migrant labour and employers in the Irish construction sector', Economic and Industrial Democracy, 32 (3), 2011. Pp. 459-476.

¹² Fellini, I., Ferro, A. and Fullin, G. Recruitment Processes and Labour Mobility: The construction industry in Europe', Work, Employment and Society, 21 (2), 2007. Pp. 277-298.

¹³ Lillie, N. and Greer, I. "Industrial Relations, Migration, and Neoliberal Politics: The Case of European Construction Sector" Politics & Society, 35 (4), 2007. Pp. 551-581.

¹⁴ Meardi, G. 'More voice after more exit? Unstable industrial relations in Central Eastern Europe', Industrial Relations Journal, 38 (6), 2007. Pp. 503-523.

¹ Meardi, G. 'More voice after more exit? Unstable industrial relations in Central Eastern Europe', Industrial Relations Journal, 38 (6): 2007. Pp. 503-523.

² Lillie, N. and Greer, I. "Industrial Relations, Migration, and Neoliberal Politics: The Case of European Construction Sector". Politics & Society, 35 (4) 2007. P. 552.

³ Castles, S. 'Guestworkers in Europe: A resurrection?', International Migration Institute, 40 (4), 2006. P. 743.

⁴ Castles, S. 'Guestworkers in Europe: A resurrection?', International Migration Institute, 40 (4), 2006. P. 743.

⁵ Meardi, G. Social Failures of EU Enlargement: A case of Workers Voting with their Feet. London, New York: Routledge. 2012. P. 2.

⁶ См. Arnot, B. Controlling Soviet Labour. Basingstoke, Macmillan, 1988. Pp. 77-79; См. также: di Leo, R. (Occupazione e salari nell' URSS, 1950-1977. Milano, Etas Libri. 1980.

Методологические ограничения доминирующего институционального подхода, такие, как предпочтение национальных и формальных институтов, означает, что большая часть фактического опыта рабочих останется незафиксированной¹. Исследования в России сконцентрированы на управлении миграционными потоками², а также на прогнозировании возможных угроз для безопасности³, которые могут быть следствием или просто объясняться миграционными потоками (в том числе националистические и ксенофобные настроения). Лишь очень небольшое количество исследований, фокусируется именно на практиках трудовых отношений, складывающихся в России⁴. Фокусируясь на транснациональной динамике и динамике рабочих мест, данное исследование нацелено на ожидания рабочих и осмысление их миграционных траекторий.

Трудовые мигранты в европейском строительном секторе

В существующих исследованиях утверждается, что строительство является последней «этнической нишей» благодаря своей неподвижности, фрагментированному рабочему процессу и надежде на приток дешевой рабочей силы⁵. Также считается, что «труд мигрантов

играет важную роль в европейском строительном секторе»⁶. Трудовые мигранты составляют около 25% общей занятости в зоне ЕС⁷ и такие же цифры, если не выше, характерны для российского сектора⁸.

Исследование сфокусировано на регулировании рынка труда как на факторе, влияющем на приток мигрантов и условия найма. В северной части ЕС, за примечательным исключением Великобритании, регулирование рынка труда способствовало поиску работы по объявлению или через агентства. Теневая экономика юга, напротив, благоприятствовала занятости, не подкрепленной документами, и неформальным механизмам найма. Граждане СНГ могут въезжать в Россию без визы и находиться на территории страны 3 месяца без регистрации. Особенно актуально это для работников, занятых в неформальном секторе, т.к. устные договоренности с работодателем не отменяют ответственности трудовых мигрантов за нелегальное пребывание в стране. Чаше проще выехать из страны и опять въехать, чем делать документы на более длительный, чем 3 месяца срок. Это порождает систему круговой миграции, мешая тем самым интеграции⁹. Специфический регламент для отдельных национальностей и колебания в жесткости его исполнения менялись из года в год. Система обязательной прописки, переименованная в регистрацию, остается неизменным условием. Это означает, что и внутренние мигранты и рабочие из СНГ не могут быть полностью легальными. Также и практики найма на работу остаются неформальными и осуществляются на межличностном уровне. В результате у большинства мигрантов нет договора о постоянной работе¹⁰. Отличие от южной Европы состоит в роли се-

¹ Peck, J., and Theodore, N. 'Variegated Capitalism', *Progress in Human Geography*, 31(6): 2007. Pp. 731–71.

² См. Зайончковская Ж., Мкртчян Н., Тюрюканова Е. Россия перед вызовами иммиграции. в кн.: *Постсоветские трансформации: отражение в миграциях* / Под ред. Ж.А. Зайончковской и Г.С. Витковской. Москва: Адамант, 2009; Зайончковская Ж. Иммигранты в Москве / Институт Кеннана: под ред. Ж. А. Зайончковской. - М.: «Три квадрата», 2009.

³ Дмитриев А., Мукомель В. Этническая иммиграция: конфликтное измерение // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / Отв. ред. член-корреспондент РАН М.К. Горшков. - М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 102-118. См. Мукомель В.И. Ксенофобия и насилие в России: современные и грядущие вызовы // Вестник Института Кеннана в России. 2009. Выпуск 16. См. Кузнецов И. Мигранты в мегаполисе и провинция: вариативность реализации интеграционного потенциала // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. - вып.7. - М.: Институт социологии РАН, 2008. С.273-288.

⁴ См. Козина И. Карелина М. Металина Т. Трудовые практики иностранных рабочих в России "Социологические исследования", №2, 2005. См. Флоринская Ю. Наем мигрантов в период кризиса (по результатам социологических опросов и фокус-групп) // Проблемы прогнозирования. 2010. №6, стр.149-156. См. Мукомель В.И., Кузнецов И.М., Лившин А.А., Полунов А.Ю., Батоврина Е.В. Социологический анализ проблем трудоустройства мигрантов: точка зрения рекрутинговых агентств - М.: Центр стратегических инноваций Факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Институт социологии РАН. 2008.

⁵ См. Fellini, I., Ferro, A. and Fullin, G. Recruitment Processes and Labour Mobility: The construction industry in Europe, *Work, Employment and Society*, 21 (2), 2007.

⁶ Krings, T., Bobek, A., Moriarty, E, Salamon'ska, J. and Wickham, J. 'From Boom to Bust: Migrant labour and employers in the Irish construction sector', *Economic and Industrial Democracy*, 32 (3), 2011, стр. 461.

⁷ Stawinska A., *The EU-27 construction sector: from boom to gloom*, Eurostat: 7/2010.

⁸ Зайончковская Ж., Мкртчян Н., Тюрюканова Е. Россия перед вызовами иммиграции, в кн.: *Постсоветские трансформации: отражение в миграциях* / Под ред. Ж.А. Зайончковской и Г.С. Витковской. Москва: Адамант, 2009, стр. 34; Тюрюканова Е. (2009) Трудовые мигранты в Москве: «второе общество» // в книге *Иммигранты в Москве* / Институт Кеннана: под ред. Ж. А. Зайончковской. - М.: «Три квадрата», 2009, стр. 155.

⁹ Voronina, N. 'Outlook on Migration Policy Reform in Russia: Contemporary Challenges and Political Paradoxes', in Rios, Roger R. (Ed.) *Migration Perspectives: Eastern Europe and Central Asia*, Vienna, 2006, IOM.

¹⁰ См. Козина И. Карелина М. Металина Т. Трудовые практики иностранных рабочих в России "Социологические исследования", №2, 2005; см. также Зайончковская и др. 2009, стр. 13.

тей, которые организуют вербовку и несут ответственность за дурное обращение¹.

Стали появляться также и общие тенденции. Во-первых, в ЕС подача объявлений о поиске работы стала вытеснять индивидуальную миграцию как способ найма², позволяя тем самым расширить контроль над работодателями³. Исследования в России, в том числе наше, показали, что наем бригад из Центральной Азии через агентства вытесняет мигрантов из Молдовы и Украины, ищущих работу через неформальные сети⁴. Важно отметить, что специалисты из ключевых российских институтов также утверждают, что неформальные сети предоставляют больше шансов для переговоров, чем агентства⁵. Вторая общая особенность состоит в использовании фиктивного самостоятельного предпринимательства с целью избежать договорных обязательств работодателя. Об этом часто докладывают в ЕС⁶, и респонденты подтверждают его использование в России.

Легко сделать вывод о том, что неформальные сети и правила конкурируют с агентствами по найму рабочих, которые зависят от колебаний рынка⁷. Тем не менее, последние тенденции, описанные выше, вкуче с вышеизложенной историей трудовой миграции, наводят на мысль о том, что мобильность рабочих гораздо сложнее ограничить⁸. Изложенные ниже сведения показывают, как сами рабочие понимают и пытаются преодолеть эти ограничения.

Методология

Статья основана на первичных сведениях, собранных в результате исследовательского

проекта «Международная миграция и текучесть кадров» (2010-2012), который был проведен небольшой командой исследователей из Итальянского университета Падуи и Мидлсекской бизнес-школы в Лондоне. Исследование включает в себя коллекцию местных вспомогательных материалов и полуструктурированных интервью с экспертами, управляющими и рабочими. Интервью и наблюдение за участниками проводились на месте работы в главных городах Италии и России, а также по месту жительства мигрантов. Исследовательские рамки работы эмпирически были связаны с непосредственным опытом взаимодействия с прямыми иностранными инвестициями и миграционными потоками из постсоветских регионов, где команды проводили широкомасштабную полевую работу. Интерес Падуи к свежим потокам мигрантов из постсоветского пространства в Италию способствовал взаимному обмену сведениями с исследователями из Мидлсекса. Масштабная полевая работа и доступ к посредникам облегчили отбор респондентов и местных сотрудников.

Сбор данных осуществлялся при помощи этнографических методов, открытых Буравым и Кларком в постсоветском контексте. Диалоговый подход позволяет полно оценить точку зрения мигранта и избежать постмодернистского логоцентризма⁹. Полевые исследования в стране рождения мигранта позволяют произвести аналитический сдвиг с фокусирования на принимающей стране, что характерно для Западной Европы, в сторону регионального подхода. Эмпирически они также создают более стабильную и приятную атмосферу, как для респондента, так и для интервьюера.

Экспертные интервью с учеными, представителями промышленности и гражданского общества (членами профсоюзов, служителями церкви и НКО) проводились в Италии, России и Молдове. Сбор и анализ данных, а также параллельные теоретические разработки, осуществлялись вместе с ведущими специалистами посредством регулярных встреч, в том числе посещений мест полевых исследований. Для сохранения неизменности методов учета совместно разрабатывались опросники и проводились пилотные тесты в регионах.

¹ Human Rights Watch "Are You Happy to Cheat Us?" – Exploitation of migrant construction workers in Russia, New York: HRW. 2009.

² Cremers, J. 'Self-employed and the free provision of services', CLR-News, 2, Brussels: European Institute for Construction Labour Research, 2007.

³ Lillie, N. and Greer, I. "Industrial Relations, Migration, and Neoliberal Politics: The Case of European Construction Sector" *Politics & Society*, 35 (4), 2007. Pp. 551-581.

⁴ Интервью с экспертом, Центросоциально-трудовых прав, Москва, 2012; см. также Mansoor A. and Quillin B. (eds) (2006) *Migration and Remittances. Eastern Europe and the Former Soviet Union*, Washington: World Bank.

⁵ Интервью с экспертом, РАН, Москва, 2010.

⁶ Cremers, J. 'Self-employed and the free provision of services', CLR-News, 2, Brussels: European Institute for Construction Labour Research, 2007, Krings, T., Bobek, A., Moriarty, E., Salamon'ska, J. and Wickham, J. 'From Boom to Bust: Migrant labour and employers in the Irish construction sector', *Economic and Industrial Democracy*, 32 (3), 2011. Pp. 461.

⁷ См. Krings, T., Bobek, A., Moriarty, E., Salamon'ska, J. and Wickham, J. (2011) 'From Boom to Bust: Migrant labour and employers in the Irish construction sector', *Economic and Industrial Democracy*, 32 (3), 2011.

⁸ Castles, S. 'Guestworkers in Europe: A resurrection?', *International Migration Institute*, 40 (4), 2006. Pp. 741-766.

⁹ Burawoy, M. 'The extended Case Study Method', *Sociological Theory*, 16 (1). 1998. Pp. 4-33; Ackroyd, S. (2004) 'Methodology for management and organization studies: some implications of Critical Realism', in S. Fleetwood and S. Ackroyd (eds) *Critical Realist Applications in Organisation and Management Studies*, London: Routledge, 2004. Pp. 137-63.

Наблюдения за участниками и глубинные интервью в Молдове проводились с 11 рабочими из трех деревень — румынской, украинской и русской, которые отличались по этническому составу населения, но были схожи по признакам социо-экономического упадка и высокому уровню миграции. В Кишиневе были проведены интервью с двумя представителями профсоюза и специалистом по вопросам труда. В Москве экспертные интервью были взяты у демографа и социолога из РАН, у двух представителей профсоюза (профсоюза строителей и Глобальной федерации профсоюзов), у молдавского предпринимателя и в ведущей НКО, занимающейся защитой прав работников. Дискуссии с учеными из Высшей школы экономики (ВШЭ) позволили в дальнейшем контекстуализировать их идеи. Еще пять интервью с рабочими, включая бригадира, рабочего из Поволжья и двух рабочих из Центральной Азии, расширили перспективы исследования вопросов о рабочем месте и найме в этой сильно сегментированной области производства. В Италии интервью проводились в Падуе и других областях Венето. Полуструктурированные экспертные интервью были проведены с директором школы (1), в ассоциации малых и средних предприятий (1) и с чиновниками из профсоюзов (8). Глубинные интервью были взяты у 10 молдавских и украинских рабочих. Многообразие посредников, исследовательских параметров и подходов среди исследователей позволило раскрыть разнообразие и сложность жизненного опыта мигрантов и преодолеть классические ограничения методологического национализма.

Трудовые мигранты-строители в России

Миграционный опыт в России оформлен в понятие «заработки», что означает временную смену места жительства с целью заработать на жизнь. Большинство опрошенных мигрантов не были изначально строителями и имели совсем другие планы на будущее. Неформальные сети, основанные на личных связях, играют важную роль в миграционном процессе. Трудовые мигранты рассказывают, что члены семьи или друзья предлагали им работу или помогали в поиске:

«Отец ездил на заработки, брат тоже — в Россию на стройку. В России был 3 месяца (апрель-июль 2010), поехал сам. Там друзья работают» (Стас, ст. Кайнар 2010).

«Я спросил у родственников из Кайнар, если можно заработать, сказали: «Давай приезжай» [в Россию]» (Петру, Кайнары 2010).

Некоторые респонденты изначально уехали на другую работу («1-я работа — сантехник на предприятии (1 год). Потом дома был и потом в Питер поехал. Сначала — установка пожарной сигнализации. Потом 1 год охранником на строительных объектах. Морально тяжело было — сутками без дела» Роман, Первомайск, 2010). Строительство оказалось более привлекательной работой с хорошей оплатой по сравнению с неквалифицированными видами работ, упомянутыми выше («Каждая работа имеет свою зарплату: шел туда, где больше платят», там же).

Если семья и друзья оказывают содействие, то фактический найм осуществляется посредниками, которые работают на стройке и находятся в прямом взаимодействии с руководством объекта или субподрядчиками. Как только мигрант знакомится с работой и начальством, он начинает ждать звонка или предложения от них. При случае его могут попросить нанять других, или со временем он может стать вербовщиком или бригадиром. Таким способом постоянно развиваются длинные цепочки подбора кадров.

«Раньше приезжал на 15 дней. Работал когда простым рабочим, когда звеньевым. — Звеньевым 4 года: есть бригада и я старший в моем звене... В большинстве случаев звеньевые набирают рабочих. Например, я собираю свое звено и спрашиваю, если они знают других рабочих. Они будут предлагать, кого брать» (Виктор К., Москва 2010).

Большинство мигрантов работают циклами, соблюдая трехмесячное ограничение со стороны государства законного пребывания в стране для безвизовиков. Эта особенность позволяет им восстановить силы после изнурительной работы и зачастую плохих условий жизни в бараках на изолированных стройплощадках («Интенсивно — очень устаешь — морально и физически», Иван, Первомайск 2010). Для бизнеса и государства это тоже выгодно, так как способствует высокой продуктивности и максимальной гибкости («Работа сложная и ответственная, но интересная. Мне нравилось. Если бы платили, я бы не уехал. Сейчас наладилось — зовут», Дима, Первомайск 2010).

Переезд на постоянное место жительства воспринимается как совсем другое предприятие, о чем лаконично высказался Петру, который решил переехать в соседнее Приднестровье:

«В России хочу работать — с женой. Я — там, она — здесь: скучать не хочу. На заработки, если тут не получится. Проблемы — гражданство до-

рого, работу найти с большей зарплатой, больничными и отпуском».

Текучесть кадров уже становится структурной особенностью российской миграции наряду с осознанием рабочими ее противоречий. Большинство респондентов не отказались от трудовой миграции также быстро, как Петру, но их слова отзываются эхом в его замечаниях о несовместимости долгого отсутствия и стабильной семейной жизни. Их стратегии являются ответом на условия, предложенные на рабочем месте.

Работа на стройках России: несоблюдение формальностей, сети и текучесть кадров

Несоблюдение формальностей относится к мигрантам, которые, как правило, некорректно сообщают о своем миграционном статусе или занимаемой должности. Граждане СНГ с 2001 для иммиграции должны зарегистрироваться, получить разрешение на работу и желательный трудовой договор. Большинству из мигрантов не удается пройти эти шаги. На работодателей оказывает давление риск быть оштрафованными на большие суммы, но, тем не менее, их сопротивление все еще сильно и дополняется желанием рабочих получить на руки большую зарплату.

«В России работаю без контракта. Даже если будет разрешение на работу, возьмут без контракта. Редко с контрактом – невыгодно работодателю и нам 30% налоги платить» (Стас, там же).

Рабочие знают о потенциальном риске: Андрей, 23 года, после второй поездки в Россию: «Мне все равно по контракту или без: главное, чтобы деньги платили. С контрактом проще: меньше шансов, что обманут и отправят домой без денег» (Золотиевка 2010). Даже русским по происхождению сложно найти нормальные отношения с работодателем, включая хорошую оплату и оформление документов. Виктор, русский из Поволжья, который работает на одного из самых «надежных» работодателей в Москве (протее бывшего мэра со стабильным товарным портфелем) высказывает довольно критические замечания:

«Я работаю по трудовой книжке... Да, но это одна профанация. Никакого отпуска не дают, а больничный оплачивают в случае серьезной травмы, потому что это нарушение с их стороны...» (Москва 2010).

Несоблюдение формальностей означает, что работа управляется скорее обычаями, чем законом или коллективными переговорами, что во

многих аспектах напоминает патерналистское и авторитарное управление советскими цехами, но с меньшей переговорной силой рабочих. Оплата и условия работы сильно отличаются в зависимости от типа стройплощадки, размера фирмы или умений отдельного рабочего, однако, национальность остается важнейшим фактором для определения вида работы и ее условий. Зарплата зависит от объема работы («В Москве это даже чаще: работодателю выгоднее почасово. В основном, все – за объем – от сделки», Славик, Москва 2010). Рабочее время может длиться от девяти до одиннадцати часов в сутки. Ночные часы или работа в выходные обычно не доплачиваются, поэтому рабочие договариваются о расписании. Фактически все респонденты говорят об оплате наличными, которую производит менеджер, бригадир или даже коллеги по бригаде. Оплата обычно производится частями, авансом выдаются только небольшие суммы, поэтому довольно часто происходят споры о задолженностях. Организация работы сводится к небольшим командам – бригадам, которые зачастую этнически гомогенны, и выполняют специфические задания под надзором бригадира. В своих интервью рабочие описывают его с возмущением: «Бригадиры курят, а они платят за работу. Рабочие работают, прорабы не работают» (Славик, Золотиевка 2010). Но одновременно он остается лидером, на которого они возлагают большие надежды: «Выходной за свой счет. Бригадир виноват: он многое мог бы делать для своей бригады, но он ничего не делает» (Андрей, там же).

Хотя наем и отношения на работе полностью зависят от посредников, рабочие не остаются полностью на милости бригадиров. Они пытаются извлечь для себя из этой неустойчивой системы преимущества тем, что сами выбирают сети найма на работу и постоянно торгуются об условиях. «Хороший» посредник должен гарантировать работу и хороший заработок.

«Люди часто уходили из-за проблем с зарплатой... А так кто-то набивал себе карманы за счет кого-то. Этот наш бригадир» (Федор, Кайнары 2012).

«Посредники разные. Например, там в тайге сейчас работы нет. И если мне позвонит кто другой – я поеду» (Валентин, Кайнары 2012).

Таким образом, текучесть кадров может стать для рабочих преимуществом. По словам проф. Мукомеля (РАН, Москва 2010) это затронуло посредников: «За последние несколько лет произошло изменение в механизме трудо-

устройства. Сегодня посредник берет на себя решение всех проблем... Это цивилизованная форма отношений между работодателем и рабочими, но это «теневая» экономика». Последняя является камнем преткновения при попытке снизить текучесть кадров. Другая проблема связана с природой самой работы. Среди рабочих большую озабоченность вызывают здоровье и безопасность:

«Да, работа тяжелая и опасная, когда на этаже высоко. [А страховка для высотников?] Она мешает работать... Смертельных случаев за 4 года было 2: один парень только приехал, его не проинструктировали, он упал и разбился. [А мелкие более часто?] Часто падает что-нибудь на голову, ногу, руку. [А шлем?] Шлем неудобный, падает все время» (Виктор, там же 2010).

Отделочные работы не такие трудоемкие и опасные, как само строительство; тем не менее, стройплощадка всегда описывается как полная рисков, особенно на высотных работах.

Организация рабочих: между неформальными переговорами и дальнейшими перемещениями

Вопреки многим ограничениям рабочие проявляют острое осознание своего положения и пытаются повлиять на него в индивидуальном порядке, либо небольшими группами. Жалобы касаются оплаты, рабочего времени, плохих условий работы и жилья. Также рабочие жалуются на неформальный характер трудовых отношений и отсутствие поддержки профсоюза. Роман: «Там [в России] нет профсоюза. В Европе профсоюзы защищают. Здесь их нет – их было бы видно» – эти слова означают, что ведутся прямые переговоры с начальником подразделения. Слова Славика суммируют возможные варианты доведения жалоб рабочих до начальства:

«Забастовка: С утра бригадир звонит генеральному, что люди не хотят работать, т.к. задержка зарплаты. Он приехал на работу – ну давайте выйдем. Завтра-послезавтра выдал зарплату. 1 раз не выдал – люди начали увольняться. Сами рабочие. Я ездил к нему в офис. Местные боятся. Стучал в дверь и писал заявление: «Прошу выдать зарплату». Дал только половину. Мне надо жить + семья. Идешь и берешь зарплату» (там же 2010).

Основной стратегией борьбы с такими проблемами остается смена фирмы, работы и в итоге страны в индивидуальном порядке. Даже вербовщики и бригадиры не видят будущего из-за высокой ответственности, тяжелой работы и низкой оплаты. Кризис увеличил нестабиль-

ность работы и заработка, Славик говорит: «На старой фирме, когда уходили – никого не брали. Из тех 70-ти осталось 10. Сейчас нет заказов. Раньше 5 объектов, с кризисом – 1» (там же 2010). Таким образом, текучесть кадров – это не просто способ подстроиться под гибкость рынка или регулирование миграции, а поиск мигрантами удовлетворения своих потребностей (стабильная зарплата, хорошие условия работы и трудовые отношения). С этой целью трудовые мигранты используют множество стратегий, включая географическую и профессиональную мобильность. Некоторые выучились работе слесаря или техобслуживанию, чтобы получить «более чистую и хорошо оплачиваемую работу по отделке». Индивидуальная трудовая деятельность среди рабочих также считается высоким уровнем: «иметь свое дело», «стать самостоятельным мастером по ремонту» или «водителем грузовика», «открыть гараж» или «небольшой сельскохозяйственный бизнес» в родном селе – вот некоторые альтернативы работе по найму. Что касается дальнейшей миграции, то для нее характерно разнообразие в направлениях, начиная с соседней Украины и южной России до Западной Европы. Многие рабочие вынужденно становятся «мигрантами»: челночная работа должна поддерживать семью и социальные связи. Один из респондентов четко изложил главный аргумент движения в западном направлении: «Сами россияне говорят, что Россия заканчивается «за МКАДом» (за Московским кольцом), там 6-10 тысяч получают... Нет надежды, что улучшится ситуация в Молдове. Здесь ситуацию может исправить только бунт. В Италии без разницы что делать... Не обязательно – Россия. Даже оставаясь на месте – нет доверия» (Tolik, Cainari 2010).

Великий прыжок: строители-мигранты в Италии

Миграция в Италию из бывшего СССР – явление сравнительно новое и остается частным или семейным предприятием. Интервью или структуры подбора кадров дают мало доказательств этому факту, но после того, как первые мигранты пускают корни, становятся крепче связи, способствующие дальнейшей миграции. Зачастую мигранты имеют опыт поездок в Россию и вопреки сопоставительному анализу они оценивают параметры работы не так, как обычно оценивают дела:

«Сначала люди ездили в Россию на 2-3 месяца, потом начали ездить в Италию... Я тоже был в Москве... без официального договора...

большинство посредников были русские, которые не платили... Россия приняла миграционный закон слишком...» (Дмитрий, Милан, 2010).

«[в СНГ] дисциплина жестче, чем в Италии или Испании... допустим, босс, это не только начальник, он себя там чувствует королем» (Иван, Падуа, 2010).

Отличие также состоит в том, что это тяжелое предприятие с финансовой и законной точки зрения, и предполагает период нелегального пребывания в стране. Единственное исключение — воссоединение семьи за счет супруга, занятого во все растущей сфере персонального ухода. В качестве способов въезда в страну респонденты неизменно перечисляют туристические визы, фальшивый вид на жительство или фальшивые паспорта. Цены на подобные услуги варьируются от 500 до 2000 евро. Бремя долгов заставляет трудовых мигрантов любой ценой максимально увеличить свои заработки. Респонденты говорят:

«Когда вы приезжаете на место назначения, лучше сразу же искать работу. И вы уже не смотрите какую работу, потому что у вас долг 2-3 тысячи долларов США» (Дима, Падуа, 2010).

Выплата первоначального долга может занимать до шести месяцев и даже до года, вынуждая мигрантов браться за нерегулярную работу с оплатой наличными, что, в свою очередь, увеличивает риск неоплаты труда и других трудовых нарушений.

Первая стадия: работа «нелегальных мигрантов»

До 2007-2008 найти нелегальную работу на стройплощадке было просто: «все работают на стройках, потому что им там легче найти работу» (Саша, Милан, 2010). Строители-мигранты приезжают на место доступной работы, где наем осуществляется прямо на месте. Оплата первоначально очень низкая, 3-5 евро в час, включая транспорт, но не еду. Рабочее время колеблется между 9 и 12 часами в сутки шесть дней в неделю. Поначалу, мигранты находят работу на стройплощадках по наводке, в основном от других мигрантов. В разгар сезона вербовщики посещают общественные места, бары или площади, на которых обычно много мигрантов в поисках работы. Такая работа плохо оплачивается и не сопровождается договором. В результате имеет место сильная текучесть кадров, поскольку рабочие ищут лучшие условия в других местах.

«Я долго работал без оформления документов, 4 года. Я начал в Кьюппано, но потом ушел с этой работы, потому что хозяин был постоянно нервным. Там я встретил Славика, у которого был свой бизнес и пошел работать к нему. 2 месяца и тоже самое — низкая зарплата и мало работы. Затем я пошел работать с одним итальянцем...» (Денис, Тьене, 2011).

Мигранты без документов на нелегальной работе могут легко оказаться в тяжелых условиях труда и под негуманным управлением. Все чаще трудовые мигранты находят работу на небольших предприятиях, принадлежащих бывшим соотечественникам или другим мигрантам. Наем на такую работу остается неформальным и основан на языковой общности. В таких случаях рабочие ощущают особое давление из-за личных доверительных связей с посредниками: «Обычно, когда вы создаете бригаду, вы знаете друг друга, и если начальнику нужна рабочая сила, вы зовете друзей, поэтому они могут чувствовать себя немного в долгу перед вами» (Николай, Милан, 2010).

Выдержать эту начальную стадию помогают надежды на интеграцию, которая подразумевает упорядочивание в вопросе проживания и доступ к защите со стороны профсоюза: «Россия — для временной работы. Здесь, если у вас есть бумаги [разрешение на пребывание], вы можете остаться надолго. Если вам удастся интегрироваться» (Андрей, Куртароло, 2011).

Работа и условия занятости после легализации: новое начало?

Легализация пребывания в стране производит мгновенный эффект на условия найма и сокращает текучесть кадров. Чаще всего изменения касаются официального принятия на работу, доступа к услугам профсоюза и снижения риска ущемления прав. Регуляризация также может привести к сокращению рабочего времени: «Девять часов в день с понедельника по пятницу, примерно за 1400 евро в месяц... а иногда, в субботу утром, когда босс просит» (Саша, *ibid.*). Главными задачами, тем не менее, остаются: роль профсоюза, организация работы и степень интеграции.

Респонденты описывают профсоюз скорее как организацию, предоставляющую отдельные услуги, чем как инструмент для организации и защиты их интересов на рабочем месте:

«Всё предприятие [работники] состоит в профсоюзе. Я там был один раз по заявлению, связанному со страховкой от несчастного случая, но мне это было не нужно... Они здесь за-

ставляют вас [вступать в профсоюз]» (Георгий, Падуа, 2010).

«Я член профсоюза с самого начала... Если мне нужно заполнить какие-то формы я всегда хожу туда; они всегда очень доброжелательные. Тем не менее, если есть какие-то вопросы с нанимателем, лучше решать их напрямую с ним, с профсоюзами вы никогда не знаете, как дело повернется» (Стефан, Падуа, 2010).

В результате рабочие зачастую вынуждены заботиться о себе на рабочем месте сами. Здесь уместен спорный вопрос о жесткой дисциплине, преследующей производственные цели, и дополненной этнической сегрегацией. В Италии преобладает прямой надзор и строгая дисциплина: «Вы можете болтать [с коллегами], но никогда не прекращайте работать; если вы остановитесь, на вас начнут ругаться матом» (Дима, Падуа, 2010). Мигранты с существенным опытом работы на востоке и западе сравнивают условия:

«Я привык в Португалии к этому «вы должны работать всё время». Даже если вы курите, вы все равно работаете; вы должны работать без перерыва. Вы должны постоянно двигаться... Те, кто наверху в большом дворе, смотрят на вас и видят, если вы что-то делаете» (Эмилиу, Падуа 2010).

Украинцев и молдаван также воспринимают по-разному, подтверждая существование сегрегации занятости в зависимости от страны происхождения. Саркастический ответ одного из рабочих на вопрос интервьюера емко выразил проблему разделения труда по национальному признаку, существующую как в Италии, так и в России:

«Построить дом в России, как мы говорим: таджики копают, мы [молдаване] делаем стены, а украинцы кроют крышу... [вопрос] А как бы это было в Италии? Кто копает? [ответ] Ну здесь, насчет копать, я один рою...» (Василий, Милан, 2010).

Не удивительно, что работа на западных стройплощадках отнюдь не кажется легче, несмотря на более высокий уровень механизации. Респондентами часто упоминались несчастные случаи, такие, как потеря конечностей или сломанные ребра. Вот, что говорит рабочий, пострадавший от падения: «Я работал здесь год; как-то у меня была травма... Если у вас травма это не очень хорошо, потому что после этого они смотрят на вас косо, вы понимаете? Им нужно, чтобы вы работали; им не нужно, чтобы вы болели дома, никогда» (Василий, *ibid*).

Как правило, отсутствует контроль со стороны профсоюзов и государственных инспекторов: «Я работаю в Италии 11 лет, но ни разу не видел ни одной инспекции по технике безопасности на строительных объектах» (Эмилиу, Падуа, 2010).

Существует две основные причины того, что некоторые рабочие занялись индивидуальной трудовой деятельностью: карьерный рост, либо давление со стороны работодателя. Это означает, во-первых, попытку изменить свое социальное положение. Хотя чаще всего мотивом становится давление со стороны работодателя: «Я решил начать собственный бизнес, потому что они вынудили меня» (Богдан, Милан, 2010). Такие рабочие могут потом нанять родственника или приятеля или посоветовать им пойти той же дорогой. Некоторые мигранты сопротивляются такой перемене из-за страха дискриминации в оплате при работе субподрядчиком. Они также отмечают, что самостоятельная занятость дает возможность работодателю перевести риск на мигранта:

«Сейчас нам нужны хорошие связи с родной, чтобы получить оплачиваемую работу, начальство предпочитает именно такой путь: «откройте своё дело – говорят они – и приходите с нами работать». Если есть работа, вы можете работать, но если нечего делать, они говорят «уходи, я позову тебя, если у меня снова будет тебе работа» (Саша, *ibid*).

Индивидуальная трудовая деятельность характеризуется двойственностью. Если она инициирована самим мигрантом, как в российских случаях, то это попытка избавиться от давления работы по найму. Наши же сведения, подкрепленные существующей литературой, говорят о том, что ее популярность скорее связана с попытками работодателей противодействовать требованиям рабочих.

Выводы

Полученные сведения подтверждают уже известные факты о трудовой миграции в данном секторе: мотивационный фактор различий в зарплате, роль сетей в подборе кадров, несоблюдение формальностей при приеме на работу, плохие условия труда. Они же противоречат таким общим допущениям, как одобрение рабочими гибкости, их зависимость от сетей и отсутствие у них стратегических решений.

В сравнительных терминах текучесть кадров в строительном секторе России и ЕС обладает структурными отличиями. В России смена мест

работы строится вокруг визового режима, и повсеместно временная природа занятости порождает постоянную и устойчивую текучесть кадров. Эта круговая миграция функциональна по отношению к системе производства и позволяет рабочим восстановить силы после изнурительного труда, правда, только это и позволяет. Данная миграционная система действительна и для внутренней миграции. Система охраняется государственным контролем иммиграции и агентами по временному трудоустройству, а также управляется самими рабочими. Положительные изменения в поведении бригадиров можно рассматривать, как частичное приспособление к желаниям рабочих. В Италии миграцию рассматривают как долгосрочные планы; тем не менее, она полностью зависит от получения разрешения на работу. Легализация проживания и разрешение на работу связаны со снижением индивидуальной мобильности. Жизнь и работа строятся вокруг локальных установившихся практик. Система приема на работу может дать стабильность. Но она легко может обернуться неудачей, если работодатель применит свои стратегии — легкое получение работы и увольнение и самостоятельная трудовая деятельность. В обеих зонах наблюдаются рост в использовании объявлений, субподрядов и агентств, что означает стремление работодателей усилить контроль над миграционными потоками.

Миграция удовлетворяет насущную потребность рабочих в большем заработке, но вскоре

лишает их надежд на стабильную занятость, семейные планы и профессиональный рост. Их положение не остается без последствий. В Италии они стремятся к легализации и защите со стороны профсоюза. В России, где легализация сильно затруднена, а профсоюзы практически не работают с мигрантами (за исключением буквально нескольких «настоящих» профсоюзов, а не организаций, у которых в названии есть слово «профсоюз»), итальянский вариант невозможен, поэтому работники сокращают количество поездок или ищут альтернативы «заработкам». Работодатели и власти сопротивляются таким действиям. В Италии они принуждают рабочих заняться индивидуальной трудовой деятельностью, в России они подталкивают вербовщиков искать более дешевую и «покладистую» рабочую силу в других регионах. В обеих странах миграция приобретает новые формы: это рабочие, нанятые «по объявлению» в ЕС и рабочие из Азии в России, которых доставляют посредники и агентства, чтобы заменить «свободных» мигрантов. Миграция играет важную роль в переводе постоянных рабочих в категорию временных, а также для консолидации контроля со стороны работодателей. Текучесть кадров, с одной стороны, свидетельствует о противоречивости миграции, а с другой стороны, является постоянным вызовом для ее воспроизведения.

Перевод Нины Ивановой

Петр БИЗЮКОВ

Неустойчивая занятость как форма деградации трудовых отношений

Описание проблемы

Феномен *неустойчивой занятости* в экономике приобретает особое значение для системы трудовых отношений. Это явление, безусловно, имеет глобальный характер, о нем говорят специалисты во всем мире. Главный фокус дискуссий сосредоточен на том, должна ли стандартная занятость, подразумевающая бессрочный трудовой договор, стабильное время работы и отдыха, нормированную зарплату, участие работников в формировании трудовых отношений через коллективные переговоры и т.д. оставаться не просто доминирующей формой занятости, а той, которая признается нормальной. Подобная постановка вопроса уже подразумевает, что кроме стандартной существуют другие формы занятости, которые объединяются в понятие «нестандартной занятости».

Однако здесь нет не только однозначного содержания, а даже устоявшегося термина. Специалисты и исследователи используют целый ряд терминов, с помощью которых обозначается ряд близких, но не совпадающих понятий, таких как «нестандартная занятость», «неустойчивая занятость», «неформальная занятость», «нерегулярная занятость», «условная занятость», «гибкая занятость» и т.п.

Если использовать подход «от противного», то нестандартной занятостью следует считать все, что не относится к стандартной. Именно так и предлагают поступать авторы наиболее известной работы по проблемам занятости в России В. Гимпельсон и Р. Капелюшников. Под стандартной они понимают «*занятость по найму в режиме полного рабочего дня на основе бессрочного трудового договора на предприятии или в организации под непосредственным руководством работодателя или назначенного им менеджера. В большинстве стран такой "стандарт" так или иначе, закреплён законодательно*»¹. Далее, отталкиваясь от этого определения, авторы определяют нестандартную занятость: «*Все формы занятости (и трудовых отношений), отклоняю-*

щиеся от описанного выше стандарта, <...> могут рассматриваться как нестандартные»².

Таким образом, нестандартная занятость рассматривается как отрицание норм трудового права. Неудовлетворительность такого подхода может быть продемонстрирована следующим примером. Одной из характерных особенностей нестандартной занятости считается работа по срочным трудовым договорам или по гражданско-правовым договорам (так называемым, договорам подряда). Но эти формы найма оговорены в современном российском законодательстве, они вполне легитимны, хотя их применение сопровождается целым рядом условий. Мало того, непригодность подхода, основанного на отрицании правового стандарта, становится еще более очевидной, если рассматривать ситуацию в динамике. Так, в 2006 г. в Трудовой кодекс (ТК) РФ были внесены изменения, которые расширили сферу применения срочных трудовых договоров, после чего то, что было незаконно и, соответственно, относилось к сфере нестандартной занятости, стало законным и перешло в разряд стандартной.

Наиболее проработанным выглядит термин «неформальная занятость», который активно используется органами государственной статистики, представителями властей и многими экспертами. В. Гимпельсон и А. Зудина довольно подробно рассматривают эволюцию этого понятия³ и отмечают множественность подходов к нему. Но даже подробный анализ, основанный на рассмотрении множества источников, не позволяет дать однозначного определения, и авторы вынуждены рассматривать не само понятие «неформальная занятость», а «источники неформальности», влияющие на нее. В. Гимпельсон и А. Зудина выделяют несколько источников неформальности, влияющих на занятость и формирующих эту самую неформальную занятость.

² Там же.

³ Гимпельсон В. Е., Зудина А. А. «Неформалы» в российской экономике: сколько их и кто они? : пре-принт WP3/2011/06; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.

¹ Нестандартная занятость в российской экономике. / Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 16.

Во-первых, это простейшая самозанятость, которая возникает, когда государство не может помочь с работой тем, кто в ней нуждается. Во-вторых, это возникновение неформального предпринимательского сектора, являющегося реакцией на чрезмерную зарегулированность экономики и коррупцию. Как правило, это небольшие частные компании, которые официально не регистрируются и, соответственно, все, кто в них работает, тоже работают неформально. В-третьих, говорится о «разрыве между усилением регулирования деятельности корпоративного сектора и ограниченным институциональным потенциалом правоприменителей обеспечивать соблюдение принятых правил», иными словами, если правил становится слишком много, и/или они очень строгие, то предприниматели перестают их соблюдать и начинают действовать неформально.

Однако для проведения исследований нужны точные определения, которые позволяли бы выделять изучаемый объект среди других. В самом известном и масштабном исследовании по вопросам занятости (Обследование населения по проблемам занятости (ОНПЗ)⁴, которое ежемесячно проводится государственными статистическими органами) неформальная занятость определяется следующим образом:

к числу неформально занятых относят «лиц, которые в течение обследуемого периода были заняты, по меньшей мере, в одной из производственных единиц неформального сектора независимо от их статуса занятости и от того, являлась ли данная работа для них основной или дополнительной»⁵.

К неформально занятым относятся:

« – граждане, занимающиеся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица или на индивидуальной основе, независимо от того, имеют они или не имеют государственную регистрацию в качестве предпринимателя;

– лица, работающие в крестьянских (фермерских) хозяйствах, которые не зарегистрированы в качестве юридических лиц;

– лица, занятые оказанием профессиональных или технических услуг (врачи, нотариусы, аудиторы и др.), независимо от того, имеют они или не имеют государственную регистрацию

в качестве предпринимателя без образования юридического лица;

– лица, занятые оказанием платных услуг по дому (горничные, сторожа, водители, гувернантки, няни, домашние повара, домашние секретари и т.п.);

– лица, работающие по найму у физических лиц, индивидуальных предпринимателей;

– лица, занятые в домашнем хозяйстве производством товаров или услуг, в том числе продукции сельского хозяйства, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и ее переработкой, если производимая продукция предназначена для реализации на рынке»⁶.

При этом подчеркивается, что «работники, задействованные в неформальных отношениях в производственных единицах, являющихся юридическими лицами, не включаются в неформальный сектор и рассматриваются отдельно»⁷.

Здесь видно, что использование понятия «неформальная занятость» сопряжено с целым рядом трудностей методологического характера, прежде всего из-за выбора критериев неформальности. Отсутствие официальной регистрации у работодателя, безусловно, делает всех нанятых им работников «неформально занятыми». Но при этом, к ним не относятся те, кто работает без договора у официально зарегистрированного работодателя. Выделение тех, кто «работает по найму на основе устной договоренности без оформления документов» показывает другой аспект этой проблемы: «неформальность» – это не только то, где работает человек, но и то, как он оформлен на своей работе. Собственно говоря, именно эти два критерия – (1) работа на неформальном предприятии и (2) неоформленная работа на официальном предприятии – стали главными основаниями, позволяющими относить таких работников к неформально занятым. Но, как и всегда бывает, когда сложное и многоплановое явление пытаются описать с помощью простых критериев – возникает упрощение, не позволяющее описать всю полноту того, что нужно изучить. Неформальную занятость, безусловно, нужно изучать. Статистиков вряд ли стоит упрекать в упрощении, ведь при исследованиях такого масштаба трудно оперировать сложными критериями.

Еще одной интересной попыткой изучения неформальной занятости является исследо-

⁴ Федеральная служба государственной статистики. Обследование населения по проблемам занятости http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statisticJournals/doc_1140097038766.

⁵ Методологические положения по проведению обследования населения по проблемам занятости. http://www.gks.ru/bgd/free/B99_10/lssWWW.exe/Stg/d030/i030110r.htm.

⁶ См. «Методологические положения...»

⁷ См. «Методологические положения...»

вание О.В. Синявской⁸. В этом исследовании сделана попытка отойти, хотя бы на уровне определения, от определения неформальной занятости, как способа оформления найма в том или ином секторе экономики. Основой подхода к изучению неформальной занятости предлагается считать определение известного американского исследователя проблем неформальной экономики Э. Фейджа, который считал, что «неформальная экономика охватывает те виды экономической деятельности, которые связаны с уходом от издержек и исключены из выплат и прав, содержащихся в законах и нормативно-правовых документах, регулирующих отношения собственности, лицензирование деятельности, трудовые отношения, деликты, финансовое кредитование и системы социального обеспечения»⁹.

Иными словами, здесь неформальная экономика определяется, как экономическая деятельность вне институциональных рамок, причем уход за пределы институционального регулирования объясняется стремлением не платить издержки, предусмотренные функционированием в рамках институциональной системы. Однако извлечь из этого подхода определение неформальной занятости оказывается непросто. Неформальная занятость здесь определяется так: она «охватывает все формы оплачиваемой занятости — по найму и не по найму, которые формально не зарегистрированы и, следовательно, не учитываются статистикой предприятий и налоговыми органами, не подлежат регулированию и не защищены существующими правовыми или регулирующими структурами»¹⁰.

В этом определении уже почти не прослеживается идея, заложенная в определении Э. Фейджа, о том, что это не просто деятельность, которая не оформлена, здесь нет главного — что неформальность является средством экономии издержек. Безусловно, отсутствие регистрации и самой экономической деятельности и труда, который в ее рамках осуществляется, это все явления из области неформальной экономики и занятости. Но еще есть целый ряд явлений, которые трудно однозначно оценить с точки зрения формализованности отношений. Например, «серая зарплата», т.е. ситуация, при которой работник имеет официальное трудоу-

стройство и даже небольшую «белую зарплату», которую ему начисляют с соблюдением всех правил и норм, но одновременно он еще имеет неформальную зарплату, которая может достигать до 90 % его заработка. В рамках какой занятости этот человек работает? С одной стороны он имеет официальное трудоустройство и даже зарплату, но с другой, большая часть его зарплаты, а, следовательно, и объемов его работы, рабочего времени, отношений с начальством и т.п. будет определяться неформальной договоренностью о зарплатке, который он получает «в конверте». И делается это, прежде всего, для того, чтобы уйти от налогообложения, т.е. выйти за рамки институциональной системы регулирования

Иначе поступают профсоюзы, озабоченные демонтажем системы стандартных трудовых отношений. Они используют способ определения через перечисление черт. Например, указывается, что нестандартная занятость связана с работой по срочным, подрядным или неформальным договорам, вне пределов нормальной продолжительности рабочего времени, когда работники получают меньше. А иногда просто перечисляют те формы, которые они считают нестандартными. Например, к нестандартным формам занятости относят следующие формы:

- передача работ на субподряд другим компаниям, когда работа продолжает выполняться на территории предприятия;
- наем работников через агентства занятости — посредников на рынке труда (т.н. «заемный труд», «аутстаффинг» или «лизинг персонала»);
- прямой наем по временным контрактам: для выполнения конкретного задания или на конкретный срок;
- подрядные (гражданско-правовые) контракты;
- «фриланс», «удаленная занятость»;
- «псевдопредпринимательство», «контрактная работа»;
- испытательный срок более трех месяцев;
- «периоды обучения» или «стажировки» без последующего трудоустройства на постоянную работу;
- поденная работа и работа по вызову;
- работа на дому и др.

Уже из этих многообразных перечислений видно, что здесь тоже нет четких и однозначных критериев, позволяющих отделить тех, кто работает в рамках стандартной или нестандартной занятости. Поэтому в качестве еще одной важной характеристики нестандартной занятости стали появляться описания послед-

⁸ Синявская О.В. Неформальная занятость в современной России: измерение, масштабы, динамика. — М.: Поматур, 2005.

⁹ Цитируется по: Синявская О.В. Неформальная занятость в современной России... Стр. 6.

¹⁰ Там же. Стр. 10.

ствий, к которым приводят, отклоняющиеся от стандартных, трудовые отношения¹¹. Здесь речь уже шла не просто об отсутствии бессрочного найма, а о найме, исключающем гарантии постоянной работы, не просто о заниженной оплате, а о дискриминационном уровне оплаты, который ставит таких работников в худшие условия, по сравнению с теми, кто числится в штате. Иными словами, **нестандартная занятость стала рассматриваться как занятость, ухудшающая положение работника.**

Вместе с тем не все формы нестандартной занятости ухудшают положение работников. Например, многие фрилансеры работают на основе подрядных договоров, а то и вовсе на основе устных договоренностей, но не только не страдают от этого, наоборот, любую попытку привести их деятельность в русло нормальной, стандартной занятости воспринимают как однозначное ухудшение ситуации. Не только высокооплачиваемые фрилансеры не хотят работать в рамках трудовых стандартов. Есть категории работников, которые не претендуют на сложный труд и высокооплачиваемую работу, которые хотят работать немного, немного получать, но сохранять свой статус работающих людей.

Наличие таких категорий позволяет говорить, что не всякая **нестандартность трудовых отношений плоха и вредна для работников.** Поэтому возник еще один термин, который активно используется в последнее время — **неустойчивая занятость.**

Правда и этот термин также не имеет исчерпывающего определения, и если раньше он использовался как синоним нестандартной занятости, то с течением времени он был уточнен и, в конце концов, приобрел несколько определенных черт, позволяющих конкретизировать определение¹². Неустойчивую занятость предлагается рассматривать как сочетание «двух категорий контрактного трудоустройства, характеризующихся четырьмя неустойчивыми условиями труда.

Контрактные договоренности:

1. Ограниченный срок контракта (фиксированный срок, контрактный срок, временный, сезонный, поденный и случайный труд);

¹¹ См. например: Андрей Ляпин, Гизела Нойнхедфер, Лика Шершуква, Петр Бизюков. «Неустойчивая занятость и ее последствия для работников». ЦСТП. М.: 2007.

¹² Доклад Бюро МОТ по деятельности в интересах трудящихся (АК-ТРАВ), подготовленном к проходившему в 2011 г. симпозиуму «Политика и законодательное регулирование в борьбе с неустойчивой занятостью». МОТ, 2011.

2. Природа трудового взаимоотношения (расщепленные (треугольные) и скрытые отношения найма, ложная самозанятость, контракты с субподрядчиками и агентствами занятости).

Неустойчивые условия:

1. Низкая заработная плата;
2. Низкий уровень защищенности от прекращения трудовых отношений;
3. Отсутствие доступа к механизмам социальной защиты, льготам и пособиям, традиционно ассоциирующимся с полной и постоянной занятостью;
4. Отсутствие или ограничение возможности для работников реализовывать свои права на рабочем месте».

Безусловным достоинством такого определения является включение вопроса об оформлении человека на работе, а также то, в каких условиях он трудится. В связи с предлагаемой трактовкой понятия необходимо рассмотреть проблему самого термина «**неустойчивая занятость**». В русском языке этот термин не несет в себе того смысла, который есть в соответствующем англоязычном термине — «**precarious employment**», который можно перевести как «**опасная**», «**сомнительная**», «**ненадежная**» занятость. Иными словами, речь идет не просто о нестандартной занятости, а именно о «**плохой**» **нестандартной занятости**, которая, тем не менее, в дальнейшем, в соответствии с установившейся традицией, будет называться «неустойчивой».

Особо нужно подчеркнуть, что в качестве одной из существенных характеристик неустойчивой занятости рассматривается проблема соблюдения прав работника. Поэтому в соответствии с вышесказанным можно дать следующее предварительное определение: **неустойчивая занятость — это нестандартные формы занятости с низким уровнем оплаты труда, отсутствием защиты от увольнений, отсутствием системы социальной защиты и невозможностью отстаивания работником своих прав и интересов.** Правда, опять встает вопрос о том, где пролегает граница, как оценивать, например, ситуацию, когда заемный работник работает без счета времени, но ему платят среднюю или даже высокую зарплату? Ведь большинство параметров неустойчивой занятости, указанные в определении, в этом случае есть, отсутствует только один — низкая оплата. Дает ли это основание считать, что мы имеем дело с неустойчивой занятостью?

Ответ, как и подсказывает определение, следует искать в том, что определяет характер занятости работника, делает его занятость стандартной, нестандартной или неустойчивой. Речь идет о *трудовых отношениях, т.е. системе отношений между работниками и работодателями по поводу включения в трудовую деятельность, условий увольнения, а также возможностей взаимного регулирования этих отношений*. В рассматриваемом контексте принципиальное значение имеет то, на какой основе строятся трудовые отношения. Очевидно, что основой стандартных трудовых отношений является трудовое право и взаимодействие работников и работодателей в рамках социального партнерства. Нестандартные, а тем более неустойчивые трудовые отношения устроены как-то иначе и должны иметь какую-то другую основу.

Поиску ответа на этот вопрос было посвящено исследование «Изучение практик регулирования трудовых отношений в условиях неустойчивой занятости». *Главной целью исследования* стал поиск той специфической конфигурации трудовых отношений, которые делают систему трудовых отношений, а, следовательно, и занятость работников – неустойчивой.

Результаты эмпирического исследования проблемы неустойчивой занятости

Для достижения поставленной цели необходимо было решить комплекс *исследовательских задач*.

Во-первых, необходимо было получить информацию о системе нестандартных трудовых отношений, в которые включены работники различных отраслей и сфер занятости.

Во-вторых, необходимо выявить различие и единство практик найма, способов оплаты труда, организации рабочего времени, в том числе переработок и недоработок, практик организации получения очередных оплачиваемых отпусков и отпусков по нетрудоспособности (больничных), выделения дополнительных благ в форме социального пакета и др.

В-третьих, определить причины включения в трудовые отношения, отклоняющиеся от стандартных, определить особенности социальных позиций работников, участвующих в такой системе отношений. Разумеется, что такой набор задач мог быть решен только в рамках качественной методологии, подразумевающей широкое изучение всего контекста трудовых отношений, в который оказывались включены работники.

Объектом данного исследования стали *работники*, которые непосредственно участвуют в трудовых отношениях подобного рода, т.е. *не имеющие официального бессрочного трудового договора*. Это означает, что в поле зрения попали те, кто имеет:

- официальный срочный трудовой договор;
- официальный гражданско-правовой договор, на выполнение определенного объема работ (подрядный договор);
- неофициальный, в том числе, устный договор.

Выбор столь простого критерия был обусловлен тем, что те, у кого нет бессрочного официального договора с большой долей вероятности включены в нестандартные и или неустойчивые трудовые отношения. Конечно, можно допустить, что неустойчивость есть и у тех, кто имеет бессрочный договор, а неустойчивость проявляется в чем-то еще (оплата, режимы и т.п.). Но характер разведывательного исследования требует поиска сути явления, а не выяснения нюансов, которые могут быть определены позже. Поэтому в качестве основного был выбран столь простой критерий, позволявший находить тех, кто точно находится вне системы стандартных трудовых отношений

Помимо работников опрашивались эксперты, т.е. люди, не включенные в нестандартные трудовые отношения, но имеющие информацию о том, как они возникают и регулируются. Прежде всего, это были *представители профсоюзов* – лидеры первичных организаций, и руководители региональных, отраслевых и федеральных структур. Кроме того, в ходе данного исследования была получена информация от представителей *работодателей*, имеющих опыт организации и управления работниками в условиях нестандартных трудовых отношений и *представителей органов региональной власти, отвечающих за регулирование трудовых отношений*.

В качестве основного метода выбран *метод свободного фокусированного и экспертного интервью*. В ходе исследования была проведена серия глубинных фокусированных интервью с работниками. Среди работников выделены две группы. Во-первых, это *работники с низким и средним потенциалом, работающие в условиях, которые заведомо можно отнести к сфере неустойчивой занятости* – мигранты, работники кадровых агентств, временные работники и т.п. Во-вторых, это *работники со средним и высоким потенциалом, которые работают вне сферы стандартной занятости* – творческие работ-

ники, фрилансеры, специалисты и т.п. Среди опрошенных были *работники, которые трудятся на официально зарегистрированных предприятиях и в организациях, а также работники из сферы неформальной занятости.*

Кроме того, были опрошены специалисты, работодатели и лидеры профсоюзов, как первичных организаций, так и региональных. Важным условием исследования стало *отраслевое и региональное разнообразие.* Опросы проводились в следующих регионах: Кемеровская область (г. Кемерово), Омская обл. (г. Омск), Самарская обл. (г. Самара), г. Москва, г. Санкт-Петербург, Ленинградская область (г. Кингисепп), Краснодарский край (г. Ейск). В ходе исследования были опрошены работники машиностроительных и металлургических предприятий, работники пищевой промышленности, сферы услуг, работники культуры, сотрудники средств массовой информации и общественных организаций, строители, преподаватели и научные сотрудники.

Ниже будут приведены основные результаты, показывающие, что из себя представляют неустойчивые трудовые отношения, как они регулируются, и будет сделана попытка определить, что именно делает их неустойчивыми.

Найм. При рассмотрении этого вопроса необходимо было понять, как соотносится реальный трудовой договор между работником и работодателем с его формальным отражением в документе под названием «трудовой договор». На соображение о том, что существует два договора — один на бумаге, а другой на словах — натолкнули ответы тех информантов, которые имеют формальный договор. Часть опрошенных не имела никакого договора и работала только на основании устных договоренностей. Роль формальных трудовых договоров для опрошенных нами работников оказалась ничтожной: в лучшем случае они знают только о факте его существования, а вот его содержание для них почти не имеет значения. Официальные трудовые договоры *выполняют роль ширмы,* за которой скрываются реальные договоренности.

Из проведенных интервью удалось понять, что для реальных договоренностей о найме есть две формы: *установленный порядок* и *произвольные соглашения.*

Установленный порядок подразумевает некое единство параметров. Работники получают одинаковую зарплату и работают в одинаковых условиях. Когда работник уходит, то на его ме-

сто берут другого, на такие же условия, определенные в рамках того самого «порядка». По сути дела, это *стандартные трудовые отношения, только стандарты взяты не из закона, они разработаны работодателем, в соответствии с его интересами, и применяются им.* Разумеется, применяемые в рамках установленного порядка стандарты позволяют избежать затрат, предусмотренных законом, обеспечивают возможность манипулирования работниками, их трудом.

Второй вид нестандартных договоренностей можно назвать *«произвольным соглашением»* — здесь для каждого работника, для каждого этапа работ, для каждого проекта формируется индивидуальный набор условий и параметров. *Произвольное соглашение* формируется иногда в *договорном,* а иногда в *одностороннем порядке.* Это максимально гибкая форма оформления трудового соглашения, но здесь большое значение имеет то, как такие соглашения заключаются.

Произвольное соглашение, основанное на *договоре,* заключается между работниками и работодателями как между *экономическими субъектами, экономическими партнерами,* которые не позволяют ущемлять свои интересы. Как правило, в качестве работников здесь выступают носители высоких, особенных или очень востребованных квалификаций. Чем больше потенциал такого работника, тем выше степень его участия в формировании условий своей работы. Например, те, кого называют фрилансерами, почти полностью контролируют свою трудовую ситуацию, определяя ее важнейшие параметры самостоятельно.

Второй вид договоренностей выглядит иначе. Здесь отсутствует возможность согласования интересов, здесь работодатель конструирует для каждого работника ту ситуацию, которую он считает эффективной для себя. Это соглашение «здесь и сейчас», которое формируется исходя из того, какими ресурсами обладают (или не обладают) договаривающиеся стороны. Это практики, основанные на *произвольных соглашениях с полным доминированием работодателя.* Соглашением такие договоренности могут называться только потому, что работник по тем или иным причинам дает согласие участвовать в них. На этом его активная роль заканчивается, и в дальнейшем ему предстоит только подчиняться. Особенно эффективными такие практики оказываются по отношению к социально слабым категориям работников — мигрантам, инвалидам, людям с невысокой квалификаци-

ей, нуждающимся в работе и т.п. Это жесткие практики, не очень отличающиеся от принудительного труда. В рамках таких соглашений условия могут меняться по «ходу игры», работодатель может полностью или частично отказываться от своих обязательств, а работники почти никак не могут повлиять ни на его позицию, ни на ситуацию в целом. Работа в рамках подобных соглашений носит или разовый, или кратковременный характер. Материалы интервью показывают, что даже слабые и остро нуждающиеся категории работников не всегда могут и хотят находиться в подобных условиях. Не имея возможности сопротивляться и отстаивать свои интересы, они реагируют единственно возможным способом – уходят при первой возможности (когда появился иной, порой даже не лучший вариант) или при первой необходимости (когда ситуация становится угрожающей).

Трудовые траектории неустойчивых работников. Большая часть опрошенных нами работников продемонстрировала *два типа трудовых траекторий*, которые приводят их к необходимости начать работать в нестандартных условиях. *Первая* – это *нисходящая трудовая мобильность*, заставляющая человека соглашаться на работу в неустойчивых трудовых отношениях. Они это делают для того, чтобы *остановить «сползание» в нищету*, переломить свою нисходящую трудовую мобильность. Как правило, это опытные работники, имеющие длительную трудовую биографию, и зачастую ставшие жертвами внешних структурных изменений в экономике или неблагоприятных изменений в личной судьбе. Это внешние и внутренние мигранты; люди, получившие специфическую, ныне не востребованную квалификацию; люди, перенесшие заболевание, ставшие инвалидами, имеющие больных родственников и т.п. Их решение включиться в систему неустойчивых трудовых отношений, суть которой они прекрасно понимают, выглядит ответственным экономическим решением. Их главная цель – начать работать на любых условиях, а потом постепенно пытаться улучшить ситуацию и, в конце концов, выбраться в нормальные, в их понимании, т.е. в стандартные условия труда.

Второй тип траектории может быть охарактеризован как *адаптационная*, которая связана с поиском мест, позволяющих, по мнению работника, достичь успеха и, прежде всего, заработка. Это работники среднего и молодого возраста, не имеющие длинной трудовой биографии. Они сразу начинали свою трудовую

жизнь вне трудовых стандартов, включаясь в неустойчивые трудовые отношения, потому что других они не видели. Те, кто адаптировался в рамках неустойчивой занятости, вполне могут высказывать удовлетворенность своим положением и даже иметь некоторый достаток. Однако они отлично понимают, насколько неустойчиво их положение. Росчерк пера чиновника, меняющего тарифы, смена начальства, которое сочтет должность или человека на этой должности лишними – и ситуация из нормальной превратится в катастрофическую, без всякой надежды на то, чтобы защитить свою работу, свой доход, свое положение.

Практически все работники считают, что работать в рамках стандартных отношений лучше. Однако есть одна особенность, позволяющая работникам оценивать неустойчивые трудовые отношения как нормальные. Это *социальная близорукость*, т.е. нежелание или неспособность смотреть в перспективу. Отсутствие налогов и отчислений с зарплаты этих работников превратит их со временем в нищих пенсионеров, отсутствие отпусков и больничных, постоянные переработки неизбежно приведут к проблемам со здоровьем. Находясь постоянно на работе, люди теряют возможности полноценно участвовать в жизни своих семей, а молодые люди и вовсе теряют шансы на создание семей. Фактически происходит выпадение работников из системы общественных отношений. Они перестают вести культурную жизнь, не участвуют в жизни местного сообщества, не говоря уже о том, что они становятся аполитичными. Существование в рамках трудовых стандартов, которые им определил работодатель, исходя из собственных интересов, становится для них главной частью их жизни.

Регулирование рабочего времени. Изучение практик регулирования рабочего времени и времени отдыха позволяет выделить несколько вариантов организации рабочего времени. Первый связан с *полным отказом работодателя от контроля за рабочим временем работников*, т.е. с использованием *«неограниченного рабочего времени»*. Предпочтение отдается контролю за работниками через результат, так как в этом случае работодатель избавляется от необходимости контролировать объем усилий, а значит – и времени, которые затрачены на полученный результат. В рамках стандартной занятости дела обстоят иначе. Там отрицается результат ценой неограниченных затрат времени. Отказ от контроля за временем и контроль по резуль-

тату означают перекалывание ответственности за способы достижения трудовых целей с работодателя на работника. А если точнее, то снимается ответственность за выбор оптимальных методов работы. Ведь если работник может работать больше или меньше, то не обязательно точный управленческий расчет по выбору оптимальной технологии работы, наличие необходимого оборудования, безопасных условий и т.п. И *чем меньше работодатель несет ответственности за работника, тем больше у него возможностей отказываться от контроля за рабочим временем и переходить к контролю за результатом.*

Другой крайностью является внедрение работодателем максимально жестких режимов. Можно выделить несколько вариантов того, как реализуются жесткие графики рабочего времени в рамках неустойчивых трудовых отношений. Прежде всего, это *графики, превышающие нормальную, установленную законом продолжительность рабочего времени.* Например, это работа по 12 часов, с минимальным количеством перерывов. К ним близки *вахтовые методы*, которые, возможно, оправданы в тех случаях, когда речь идет о работе в регионах с экстремальными условиями. Но использование вахтового метода для работы на обычном предприятии, в современном городе трудно объяснить чем-либо, кроме желания нажиться на труде людей из депрессивных регионов (внешние и внутренние мигранты). Вахтовым методом на обычном предприятии работают люди, попавшие в безвыходную ситуацию, которых работодатель эксплуатирует в собственных интересах, платя им зарплату, на которую местные работники не соглашаются. Другим вариантом жесткого графика является работа *в рамках нормальной продолжительности рабочего дня, но с обязательным условием переработок.* Разумеется, что сверхурочные часы никто не оформляет и не оплачивает, но от них нельзя отказаться.

Еще один вариант — это использование *гибких графиков работы.* Гибкие графики могут не иметь фиксированного начала и окончания рабочего дня при сохранении его общей продолжительности. Другой вариант связан с тем, что работники выбирают себе более удобный режим фиксированного рабочего дня, например, работу только с утра или после обеда. Гибкие графики содержат в себе элемент согласования с работником и даже компенсации, например, за низкую зарплату. Разумеется, вариант регулирования рабочего времени на основе гибкого графика доступен только работникам, облада-

ющим достаточно высокой квалификацией и компетенциями.

Вопрос о рабочем времени нельзя рассматривать в отрыве от того, как *регулируется время отдыха* и, прежде всего, *оплачиваемого отпуска.* Хотя в некоторых случаях этот вопрос просто не имеет смысла, например, в условиях поденной оплаты труда. Но чаще встречается ситуация, при которой работник просто согласовывает свое отсутствие на работе, но не получает за это ничего, т.е. берет отпуск за свой счет.

Оплата труда. Системы оплаты труда в рамках неустойчивых трудовых отношений отличаются простотой, если не сказать, примитивностью. В рамках устных договоренностей преобладают простые, иногда *примитивные повременные ставки — часовая, дневная, месячная.* Примитивность заключается в том, что отсутствует четкий учет рабочего времени. Стандартная месячная ставка подразумевает фиксированное количество дней в месяце, дневная — фиксированное количество часов. В неустойчивых отношениях неясно, сколько часов потребуется отработать в день — восемь или двенадцать — величина будет неизменной. То же самое и с месячной ставкой. Здесь это скорее символы оплаты за приблизительный период, а не количественная мера труда, какой является стандартная временная ставка.

Если работа оценивается по конечному результату, то оплата осуществляется в *виде фиксированной суммы за выполненный проект, полученный результат.* Здесь вообще не учитывается, сколько человек работало, какие работы они выполняли, сколько времени они работали.

Такая примитивность подходов к оплате определяется самой природой используемых форм найма. В рамках устной договоренности, на словах трудно обговорить сложную систему, учитывающую квалификацию работника, продолжительность и качество его работы. Величина заработка определяется потенциалом сторон, способностью вести торг, конкуренцией на рынке. Но в условиях отсутствия норм и институтов для полноценной оценки деятельности, как работников, так и работодателей торг зачастую ведется стихийно. Работники могут «пускать пыль в глаза», обманывая работодателя и заявляя о тех квалификациях и компетенциях, которых у них нет и в помине, работодатель может ставить задачи, для нормального выполнения которых нет ни ресурсов, ни возможностей. Взаимная необязательность порождает оплату

«на глазок», приводя к соревнованию тех «кто делает вид, что платит» с теми, «кто делает вид, что работает».

Уход от «приблизительности» в оплате труда может быть получен только одним способом — стандартизацией условий оплаты. Задания должны разрабатываться с учетом того, какие есть материалы, какое оборудование, какова квалификация работников и т.п. Для адекватной и справедливой оплаты труд должен оцениваться по продолжительности, по сложности выполняемых функций, по качеству и срокам выполнения работы, т.е. на основе стандартов, требующих тщательной разработки систем оплаты и премирования труда, количественной (нормирование) и качественной оценки труда. Но мало разработать систему оплаты, она должна быть согласована с работниками, а это подразумевает диалог работодателя с работниками.

В рамках *неустойчивых, односторонне определяемых трудовых отношений, оценка труда производится не на основе учета количества и качества затраченного труда, а на основе стихийно и ситуативно определяемого рыночного потенциала сторон.*

В этой ситуации работодатель как держатель денежных ресурсов, как сторона, оказывающая решающее влияние на формирование трудовых отношений, заинтересован в занижении социального потенциала работников, стремится сделать их неспособными к отстаиванию своих интересов. Этим определяется *нетерпимость к любым проявлениям активности работников в отстаивании своих трудовых прав.*

Отсюда же стремление к максимальному занижению зарплаты: бедные люди выгодны не только ситуативно, как работники готовые работать здесь и сейчас за любую плату, на любых условиях. Бедняки выгодны и стратегически: законсервированная бедность — это ограничение доступа к образованию, квалификации, гражданской и правовой культуре. Это гарантия того, что всегда будут социально слабые люди, готовые работать за копейки и которым можно навязывать невыгодные условия найма.

Соцпакет и больничный. Современные трудовые отношения — это очень сложный комплекс взаимодействий, зависящий от многих факторов. Их нельзя свести только к экономическому взаимодействию работников и работодателей по поводу обмена денег на рабочую силу, в них должен быть элемент «гуманизма», они должны нести на себе отпечаток «человеческих отношений». Именно это обусловило су-

ществование таких «экономически необоснованных» вещей как оплата очередных отпусков, оплата отпусков по временной нетрудоспособности (больничных) и существование социальных пакетов, т.е. системы благ и льгот, предоставляемых работодателями своим работникам помимо зарплаты. Но если оплачиваемые больничные и очередные отпуска — это требования закона, то социальные пакеты законом не определены — это элемент добровольного согласия сторон, причем весьма распространенный на тех предприятиях и в организациях, где действуют стандартные трудовые отношения.

Неустойчивые трудовые отношения максимально дегуманизированы. Соцпакет, как форма заботы о работниках, отсутствует почти напроць. Более того, там, где в рамках одного предприятия штатные работники имеют соцпакет, а их коллеги, исключенные из стандартной системы трудовых отношений, не имеют доступа к системе заботы о работнике. Это лишний раз подчеркивает дискриминационный характер неустойчивой занятости.

Не лучше обстоит ситуация и с отпусками по временной нетрудоспособности из-за болезни (больничные). В целом ряде случаев они просто отсутствуют. Поденщики, заболев, могут лишиться не только зарплаты, но и рабочего места. Подобный отпуск для них не предусмотрен вовсе. Те, кто работает постоянно, имеют право болеть, и даже могут взять отпуск по болезни — но оплачивать его никто не будет. В рамках неустойчивой занятости право болеть и отдыхать предусмотрено в самой минимальной форме. На это могут выделить время, но уж компенсировать его никто не будет. Да и времени на болезнь выделяется немного. Запретить болеть, в большинстве случаев нельзя, но вот болеть долго — точно нельзя: можно потерять работу. Кстати, очень интересной выглядит практика некоторых работодателей, которые требуют оформлять больничный как документ, свидетельствующий о том, что работник действительно болел, но не собираются его оплачивать, хотя больничный лист предназначен не только для контроля за работником, но и для оплаты дней болезни. Здесь опять видна односторонняя природа таких трудовых отношений. Работодатель не пренебрегает функцией контроля, который ему выгоден, но отказывается от обязательств по оплате.

Рассмотренные практики позволяют выделить главную особенность неустойчивых трудовых отношений. *Неустойчивую занятость можно определить как деятельность работника*

включенного в нестандартные трудовые отношения, формируемые работодателем только в его собственных интересах и исключаящие возможность работника участвовать в формировании этих отношений. Это односторонне формируемые трудовые отношения.

Граница, отделяющая неустойчивые трудовые отношения, и, соответственно, неустойчивую занятость от нестандартной занятости со знаком «плюс» пролегает по линии согласования параметров трудовых отношений с работниками. Чем больше этого согласования, чем больше диалоговых форм используется в отношениях работодателей с работниками, тем меньше той самой неустойчивости, а точнее, «сомнительности», «опасности», «ненадежности» в такой занятости и в таких отношениях.

Кстати, не случайно, что одной из ярких особенностей неустойчивых трудовых отношений является их *бесконфликтность*. Действительно, какие могут быть конфликты в односторонне определяемых отношениях? Принцип «не нравится — уходи!» очень точно отражает ситуацию. *Работодатель конфигурирует трудовые отношения так, как считает нужным. Их можно либо принимать, либо отвергать, но их нельзя корректировать*, так как корректировка подразумевает наличие двух позиций у акторов и процесс какого-то взаимодействия в форме диалога или конфликта по поводу этих позиций. Но в односторонних отношениях не может быть ни диалога, ни конфликта, так как любые попытки навязать дискуссию в явной или скрытой форме пресекаются, и те, кто не готов принимать навязанные отношения просто исключаются из взаимодействия, на их место берется кто-то другой, более покладистый и покорный.

Тем не менее, довольно часто тип отношений, отрицающий нормы, стандарты, свободный от институционального регулирования, рассматривается как весьма желательный. Сторонники отказа от стандартов говорят о том, что трудовые стандарты сдерживают инициативу работников, препятствуют реальному освобождению труда, ограничивают экономическую свободу. Отказ от стандартов, движение в сторону неформальности считается прорывом в новую, более прогрессивную реальность. Увы, но изучение реальной практики нестандартных и, тем более неустойчивых трудовых отношений позволяет считать, что «прорыва к свободе» здесь нет.

В рамках неустойчивых трудовых отношений не возникает перехода в пользу неких новых принципов, обеспечивающих развитие, помогающих работникам лучше реализовать свой потенциал и повышать эффективность своего труда. Судя по используемым практикам, здесь происходит откат в пользу принципов, которые использовались в доиндустриальную эпоху, т.е. в начале прошлого века. Тогда это привело к масштабным социальным напряжениям и даже катастрофам, и появилось понимание необходимости стандартизации трудовых отношений, и, в конечном счете, к современным достижениям в экономике и в социальном развитии.

Неустойчивая занятость — далеко не безобидное явление, касающееся только непосредственных участников трудовых отношений. Распространение односторонне регулируемых трудовых отношений приводит к *отрицанию целого ряда социально-экономических ценностей*, таких как необходимость свободного времени для достойной жизни, необходимость вознаграждения в соответствии с количеством и качеством затраченного труда, необходимость гуманизации трудовых отношений. Отрицание этих ценностей, попытки «расплавить» сложившиеся стандарты трудовых отношений приводят к *ослаблению и демонтажу социальных институтов*, регулирующих не только трудовые отношения, но основы социально-экономической жизни общества.

К сожалению, в России в настоящее время происходит экспансия неустойчивой занятости. Методов противодействия этому пока просто нет. Профсоюзы порой просто не замечают эту проблему, сосредоточившись на регулировании привычных стандартных трудовых отношений. Власти зачастую занимают позицию внешних наблюдателей, не имея возможности или желания ограничить распространение неустойчивых трудовых практик. Публицисты и эксперты часто в своих прогнозах прибегают к пугающим фразам о том, что если не начать ничего менять, то мы столкнемся с социальным разложением и деградацией.

Похоже, что распространение неустойчивых форм занятости это и есть процесс разложения трудовых отношений. Гипотетическая угроза становится реальностью.

Елена АВРААМОВА

Первоклассники и их родители: Жизнь по новым правилам

Система образования, как, пожалуй, никакая иная, переживает непрерывные реформы, касающиеся каждого, кто переступает порог образовательного учреждения. 2012 год также оказался не обделен вниманием реформаторов. Не говоря уже о новом Законе об образовании, изменения касались перехода бюджетных учреждений на новые формы¹, оптимизации числа образовательных учреждений, новой формы зачисления детей в первые классы и др. Попробуем выяснить на основании имеющихся эмпирических данных, как воспринимаются перемены и как удастся семьям адаптироваться к постоянно меняющимся правилам.

Перевод бюджетных учреждений образования в автономные, казенные и новые бюджетные

2012 год прошел в условиях реализации 83-ФЗ, и исследование² связанных с ним проблем позволило выяснить отношение населения к данному нововведению в числе других. Отвечая на вопрос, в какую сторону изменилось качество образования за последние 3 года, порядка 40% респондентов, имеющих в семье

школьников или студентов, отметили ухудшение качества школьного и высшего образования. Не видят каких-либо изменений около трети респондентов. Что касается дошкольного образования, а также образования, предоставляемого учреждениями начального и среднего профессионального образования, то, по мнению большинства респондентов, их качество осталось без изменений. Применительно к вопросу о том, проще или сложнее стало получить качественное образование, респонденты дали оценки, характеризующие ситуацию как весьма непростую и даже тревожную: почти две трети респондентов негативно оценили тенденции, связанные с доступностью качественного образования. Причины снижения качества и доступности образования многообразны (см. табл. 1).

В ходе опроса у респондентов выяснялось, в каких целях, по их мнению, проводится реформа, касающаяся перехода учреждений образования в новые формы хозяйствования. Большинство отвечавших (72%) практически ничего не знали о содержании этой реформы, однако,

Таблица 1

МНЕНИЯ О ПРИЧИНАХ СНИЖЕНИЯ КАЧЕСТВА И ДОСТУПНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ (в % от числа опрошенных)

Причины	Полностью или скорее согласны	Полностью или скорее не согласны	Затруднились ответить	Всего
Государство выделяет слишком мало денег учреждениям образования	78	18	4	100
Нет надлежащего контроля со стороны государства за работой образовательных учреждений	71	22	7	100
Нет надлежащего контроля со стороны общества за работой образовательных учреждений	73	19	8	100
Снижается квалификация работников образования	70	25	5	100
Низкая оплата труда работников образования	81	12	7	100

¹ В соответствии с данным законом (83 ФЗ РФ) все бюджетные учреждения должны были перейти в форму автономных, новых бюджетных и казенных, различающихся степенью финансовой свободы и ответственности от минимальной (казенные) до максимальной (автономные).

² Опрос 1200 домохозяйств, членами которых состоят дети в возрасте от 6 до 25 лет, осуществлен РАНХиГС осенью 2012 г. в пяти регионах России. В качестве респондентов выступали родители, имеющие детей разного возраста.

ознакомившись с основными положениями Закона (респондентам была представлена соответствующая карточка), больше половины респондентов (62%) делали немедленный вывод о том, что он принят в целях повышения платности образовательных услуг. В качестве другой цели данного новшества 37 процентами

респондентов указывалось стремление законодателя трансформировать нынешние теневые платежи в легальную плату за образовательные услуги. Вместе с тем, избавление сферы образования от теневых платежей представляется значительной части опрошенных маловероятным: на то, что подобные платежи значительно сократятся в результате реализации Закона, надеются только 19% респондентов.

Как следует из результатов опроса, лишь чуть более трети респондентов в качестве результата реформы ожидали повышение качества работы образовательных учреждений. Ровно столько же — тех, кто полагает, что качество останется на прежнем уровне, и почти каждый пятый ожидал его снижения.

Говоря о качестве услуг в связи с возможным расширением их платности, следует заметить, что в представлениях респондентов между «платная» и «более качественная» услуга далеко не всегда стоит знак равенства. В рамках опроса исследовался опыт респондентов с точки зрения использования платных услуг, им также было предложено провести сравнение качества услуг, получаемых за деньги и предоставляемых бесплатно. Как следует из полученных ответов, половине домохозяйств доводилось прибегать к использованию платных услуг. Мнения респондентов о том, есть ли какая-то разница между ними в качестве услуг в дошкольных учреждениях, разделились практически пополам: 46% считает, что такая разница есть, 38% это отрицает. В рамках школьного образования наличие разницы в качестве платных и бесплатных услуг признает большая доля респондентов — 50%, считающая, что платные услуги более качественные, против трети респондентов, кто такую разницу отрицает.

Большинство респондентов не ожидает от реформы облегчения поступления в детский сад; треть полагает, что ничего не изменится, и еще 15% считают, что поступить туда станет труднее. Прогнозы в сфере школьного образования пессимистичнее: только пятая часть респондентов полагает, что в результате реформы станет легче отдать ребенка в хорошую государственную школу, в то время как 28% считают, что их доступность сократится, и еще 36% — что по сравнению с сегодняшним днем ничего не изменится.

Как следует из ответов, в ситуации расширения спектра платных услуг и/или повышения размера оплаты порядка трети респондентов будут вынуждены отказаться от образовательных услуг, если они станут платными (напри-

мер, изучение предметов, не обязательных в рамках новых образовательных стандартов).

Подготовка к школе и поступление в первый класс

Исследование, проведенное Институтом гуманитарного развития мегаполиса осенью 2012 г. совместно с Левада-центром, дает возможность увидеть, как московские домохозяйства (исследование проводилось только в Москве) адаптировались к изменениям. Попытаемся рассмотреть ситуацию с точки зрения родителей первоклассников¹.

Выяснилось, что московских детей интенсивно готовят к школе: лишь 3% детей не охвачено никакими формами дошкольной подготовки. На первом месте — посещение детских садов, где осуществляется программа подготовки к школе, на втором — посещение групповых занятий, в которые вовлечены две трети московских детей-дошкольников, на третьем — посещение подготовительных занятий при школе, в которую с очевидностью будет поступать ребенок. Не редкостью являются индивидуальные занятия с преподавателем (о них сообщили родители 17% детей). Более половины детей совмещают несколько форм дошкольного образования.

Таблица 2
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО ФОРМАМ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ

Использованные ресурсы	Число респондентов, %
Посещение детского сада	87,5
Посещение дополнительных групповых занятий	66,5
Индивидуальные занятия с преподавателем	17,0
Посещение подготовительных занятий в школе	52,0
Занятия с родителями	90,9

Большинство современных родителей высказывают мнение, согласно которому ребенок должен быть хорошо подготовлен к школе, и лишь 15% респондентов-родителей считают, что никаких особенных знаний не требуется, так как всему ребенку научат в школе.

¹ Исследование касалось широкого круга вопросов, описывающих ситуацию в сфере школьного образования. В его ходе были опрошены директор школы, учителя и родители школьников разного возраста: по 1000 респондентов — родителей первоклассников, четвероклассников, девятиклассников и одиннадцатиклассников.

Таблица 3

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ ПЕРВОКЛАССНИКОВ О НЕОБХОДИМОСТИ ДОШКОЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Достаточный уровень подготовки	Число респондентов, %
Никаких специфических знаний не требуется – всему должны научить в школе	15,0
Ребенок должен знать буквы и цифры	46,6
Ребенок должен уметь читать и решать простые примеры (складывать, вычитать)	38,4
Всего	100

Усилия родителей, понимающих необходимость достаточно серьезной подготовки детей к школе, дали вполне очевидный результат: современные московские дети подготовлены хорошо (см. табл. 4).

Таблица 4

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: ЧТО УМЕЛ ВАШ РЕБЕНОК К МОМЕНТУ ПОСТУПЛЕНИЯ В ПЕРВЫЙ КЛАСС?

Уровень подготовки	Число респондентов, %
Знал буквы	97,1
Читал по слогам	84,9
Читал бегло	22,1
Знал цифры	96,9
Умел считать от 1 до 10	97,3
Умел складывать и вычитать в пределах 10	80,7
Умел перемножать числа	5,6
Знал несколько стихотворений наизусть	89,1
Мог составить рассказ по картинке	85,0
Мог пересказать прочитанный текст	71,7
Знал набор слов на иностранном языке	37,3
Мог составить простые предложения на иностранном языке	9,4
Мог составить и изложить рассказ на иностранном языке	2,1
Умел пользоваться компьютером	61,2

Агрегировав знания детей, получаем следующую группировку по степени подготовленности к обучению в начальной школе:

1 группа – очень хорошо подготовленные – дети, обладающие к моменту поступления в 1 класс не менее чем тремя продвинутыми навыками («беглое» чтение / умение складывать

и вычитать / умение перемножать числа / способность составить рассказ по картинке / способность пересказать прочитанный текст), и в дополнение к этому способные составить простые предложения или текст на иностранном языке – 8,4%;

2 группа – хорошо подготовленные – дети, обладающие к моменту поступления не менее чем тремя продвинутыми навыками, но не способные составить простые предложения на иностранном языке – 54,7%;

3 группа – средне подготовленные – дети, обладающие к моменту поступления менее чем тремя продвинутыми навыками, но полным набором базовых навыков (знание букв / чтение по слогам / знание цифр / способность считать до десяти / знание нескольких стихотворений) – 20,6%;

4 группа – плохо подготовленные – дети, обладающие к моменту поступления менее чем тремя продвинутыми навыками и неполным набором базовых навыков – 16,3%.

Прослеживается определенная зависимость уровня дошкольной подготовки детей от материального достатка домохозяйств (см. табл. 5). Так, среди высоко обеспеченных домохозяйств большая доля детей с уровнем подготовки, превышающий средний, и в то же время среди низко обеспеченных больше тех, кто плохо подготовлен. Во второй и третьей группе, различающихся по уровню подготовки (средний и хороший уровень), примерно равное число семей с разным уровнем достатка. Аналогичные зависимости прослеживаются при анализе распределения детей по уровням подготовки и социальному положению домохозяйств. В целом, это свидетельствует о некотором выравнивании стартовых условий обучения.

В ходе исследования была изучена зависимость между уровнем подготовки детей и степенью вовлеченности родителей в процесс их образования. Группировка родителей по этому показателю имеет следующий вид:

а) максимально вовлеченные родители – сюда включены родители долго и придирчиво выбиравшие школу для своего ребенка, а также конкретного учителя, осуществляющие плотный контроль за учебной работой ребенка, постоянно коммуницирующие с учителем (39,0%);

б) средне вовлеченные – респонденты этой группы выполняют все названные функции, но не так активно, как представители первой группы (39,2%);

в) минимально вовлеченные – респонденты выполняют лишь одну или две из перечис-

ленных функций с невысокой активностью (21,8)%.

Выбор школы является важной проблемой для каждой семьи, где есть дети, достигшие школьного возраста (см. табл. 6). С утверждением, что «с первого класса нужно учиться в хорошей школе», согласны 78% респондентов.

Именно поэтому около 60% родителей тщательно выбирали школу для своего ребенка — изучали форумы в Интернете, ходили на Дни открытых дверей и пр. (см. табл. 7). Причем 43% из тех, кто занимался выбором, озаботились этой проблемой за год-два до наступления часа «X».

Усилия родителей по отбору школы почти в 100% случаев увенчиваются успехом: 98,2% детей поступили в ту школу, которую выбрали родители. При этом большинство респондентов

столкнулись с определенными трудностями. С большими сложностями столкнулись менее 2% респондентов.

Информатизация и компьютеризация школ

В рамках модернизации школьного образования была поставлена задача компьютерного оснащения школ, и, как следует из ответов московского директорского корпуса¹, эта задача к 2013 году решена. Все опрошенные директора сообщили о достаточно высокой оснащенности их школ компьютерной техникой. Некоторые говорили, что степень насыщения практически абсолютная:

«В каждом классе, везде персональное место учителя — это компьютер, принтер, сканер, мультимедийная система. Даже в мастерских есть все».

Таблица 5

ПОДГОТОВЛЕННОСТЬ К ПОСТУПЛЕНИЮ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ МАТЕРИАЛЬНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ ДОМОХОЗЯЙСТВ

Уровень материальной обеспеченности (по субъективной оценке)	Подготовленность детей к поступлению в школу (число респондентов, %)				
	4 группа (min)	3 группа	2 группа	1 группа (max)	Всего
Высокий	16,7	11,1	55,6	16,7	100
Выше среднего	15,8	12,3	58,8	13,2	100
Средний	15,2	21,6	55,0	8,2	100
Ниже среднего / низкий	23,3	24,0	49,6	3,1	100

Таблица 6

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ О ВАЖНОСТИ ПОСТУПЛЕНИЯ ДЕТЕЙ В ХОРОШУЮ ШКОЛУ

Уровень согласия	число респондентов, %		
	Чтобы получить хорошее образование, необходимо с первого класса учиться в хорошей школе	Основная задача первых классов — помочь ребенку освоиться в школе	Чтобы получить хорошее образование, необходимо с первого класса посещать дополнительные занятия, заниматься индивидуально
Совершенно не согласны	9,5	6,0	13,5
Скорее не согласны	12,7	12,5	34,9
Скорее согласны	42,3	41,3	35,9
Полностью согласны	35,5	40,2	15,7
Всего	100	100	100

Таблица 7

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ИСТОЧНИКИ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ПРИ ВЫБОРЕ ШКОЛЫ (в % от всех опрошенных)

Информационные источники	
Отзывы в Интернете	30,1
Официальные рейтинги московских школ	12,9
Статьи в газетах и журналах, теле- и радиопередачи, посвященные образованию	1,0
Мнение друзей, знакомых	80,0
Дни открытых дверей в школах	44,9

лей первоклассников считают, что поступить в школу было не особенно сложно — только 15%

¹ Углубленный опрос директоров московских школ (25 респондентов) был проведен в рамках исследования ИГРМ совместно с Левада-центром осенью 2012 г.

Что касается влияния компьютеризации на труд учителей, то на первых порах компьютеризация учебного процесса увеличила нагрузку учителей, особенно старших возрастов. Однако затем, после периода освоения техники и использования для подготовки к урокам, начали проявляться различные положительные эффекты, прежде всего в виде расширения возможностей привлечения на уроке иллюстративного материала, а также экономии времени:

«Учителя ворчали сначала немножко. Действительно, это очень много времени занимает, не столько освоение, сколько подготовка к урокам на интерактивной доске — должны уже не просто план, который они давно знают и могут провести практически без подготовки. Это к каждому уроку очень серьёзная должна быть подготовка. Но они увидели результат, насколько детям это интересно, и теперь уже с удовольствием это делают. Сейчас у нас 11 досок, а обещают во всех классах. Мы очень надеемся».

В целом директора школ положительно оценивают введение электронных журналов и дневников, хотя на первых порах и до сих пор это нововведение существенно осложнило работу учителей. Во-первых, в силу необходимости овладения новой техникой, во-вторых, в силу отсутствия локальной сети, в-третьих, потому, что наличие электронных журналов не отменило традиционных бумажных:

«Учителям тяжело, они ответственно относятся, хотят всё вовремя сделать. Начались проблемы: журнал бумажный один, заполнять на уроке учителям нельзя, соответственно, надо туда— сюда носить, время занимает. Отказаться от бумажного журнала мы пока не можем».

Причиной сохранения бумажных журналов респонденты, прежде всего, называют страх компьютерных сбоев, чреватых утратой данных. Другая причина состоит в том, что пока не все родители, даже при технической возможности, используют электронные дневники. А у некоторых и нет такой возможности.

Среди плюсов электронных журналов и дневников респонденты называют:

а) оперативную связь с родителями, которые оказываются в курсе не только текущих оценок и посещаемости своих детей, но и пройденных тем, домашних заданий и т.д., а также могут не приходить в школу, а вести переписку с учителями, своевременно выявляя и решая возникшие проблемы. Важно, что таким образом некоторые родители легче преодолевают психологический барьер в общении с педагогом;

б) экономию времени и сил учителей на общение с родителями часто болеющих учеников младших классов по вопросам пропущенных занятий и т.п.;

в) оперативный контроль со стороны администрации школы за посещаемостью и успеваемостью учащихся;

г) оперативный сбор статистики, связанной с успеваемостью и т.п.

Проблемы и ограничения использования электронных журналов и дневников следующие:

а) необходимость технической поддержки, которая требует дополнительного расходования финансовых средств на периодическое привлечение сторонних организаций или постоянное содержание технического работника;

опасения педагогов, что в условиях централизованных информационных сетей, внесенная ими ошибочно или несвоевременно информация станет известна образовательному начальству и может негативно сказаться на школе и на них персонально.

После введения электронных журналов родители получили, во-первых, возможность более плотного контроля за успеваемостью детей и, во-вторых, канал оперативной связи с учителем. Открывшимися возможностями пользуются большинство, но не все родители: подтвердили проверку электронного журнала 60% родителей первоклассников.

В целом же родители демонстрируют высокую степень контроля за успеваемостью ребенка. Большинство респондентов заявили, что ежедневно помогают первоклассникам выполнять домашние задания. Так поступают и родители, которые отдали в школу хорошо подготовленных детей: более 83% респондентов соответствующей группы помогают детям в выполнении домашних заданий в первом классе. Так или иначе, о постоянном контроле за успеваемостью заявили 91,4% респондентов, о периодическом контроле — 7,7%. Важно отметить и то, что чем хуже подготовлен к школе ребенок, тем меньше уровень контроля за его успеваемостью со стороны родителей (см. табл. 8).

В 2012 году вводилась новая, электронная форма записи детей в школу, и для 67% респондентов этого оказалось достаточно для устройства детей в выбранную школу. Вместе с тем, 20% респондентов в дополнение к электронной записи задействовали ресурс личного контакта с администрацией школы, а 6% вместо электронной записи использовали «другой» способ. Можно предположить, что неформальные спо-

Таблица 8

КОНТРОЛЬ УСПЕВАЕМОСТИ ДЕТЕЙ, РАЗЛИЧАЮЩИХСЯ УРОВНЕМ ПОДГОТОВКИ К ШКОЛЕ

Уровень подготовленности детей	Наличие постоянного контроля (число респондентов, %)		
	Присутствует	Отсутствует	Всего
4 группа (min)	83,8	16,2	100
3 группа	91,5	8,5	100
2 группа	92,7	7,4	100
1 группа (max)	97,7	2,3	100

собы устройства в школу имеют место, но нельзя говорить об их массовом распространении. Помощь родственников, друзей и знакомых для зачисления детей в школу потребовалась лишь 5% респондентов, во всяком случае, это следует из их ответов.

На основании проведенных исследований можно говорить о достаточно высокой степени адаптированности детей и их родителей к

переменам в школьном образовании. Эти перемены, по мнению большинства респондентов, мало затрагивают качество образования, оцененное ими не слишком позитивно. В то же время запрос на качественное образование со стороны родителей весьма настоятелен, и проблема решается массовым обращением к дополнительным образовательным услугам.

АВТОРЫ НОМЕРА

АВРААМОВА Елена Михайловна (Институт гуманитарного развития мегаполиса)

БИЗЮКОВ Петр Вячеславович (Центр социально-трудовых прав)

БОНДАРЕНКО Наталья Владимировна (Аналитический центр Юрия Левады)

КРАСИЛЬНИКОВА Марина Дмитриевна (Аналитический центр Юрия Левады)

ЛЕВИНСОН Алексей Георгиевич (Аналитический центр Юрия Левады)

МАКАРЕНКО Борис Игоревич (Центр политических технологий, НИУ ВШЭ)

МОРРИСОН Клаудио (Claudio Morrison) Школа бизнеса, Мидлсекский университет, Лондон)

НИКОЛЮК Сергей Александрович (политолог, Минск)

ОСИПОВА Валентина Николаевна (Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова)

ПОПОВА Ирина Викторовна (Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова)

SUMMARY

New Cleavages in the Russian Society: an Attempted Reconstruction (by Boris Makarenko). The article is based on a poll undertaken by Levada-Center in February, 2013. It discusses the new “public demand” in the sphere of Russian politics. The poll found that a plurality of Russian society (38 per cent), when asked about a desirable path for development of political system chose ‘democracy of European type’. The ‘status quo’ associated with political course of Vladimir Putin appeared preferable to 24 per cent, while the remainder of the sample was almost equally divided between advocates of a ‘strong-hand’ regime and Soviet-type socialism.

The divides between these “imagined futures” crosscut traditional party electorates. While the notions of “democracy” or “stability” are not explicated, at least two conclusions are sufficiently substantiated. First, that the popularity of “Putin’s stability” is giving way to a demand for a more open and pluralistic political system. and second, as the cluster analysis showed, the support base of Putin’s power is far from being monolithic: it consists of a nucleus of dedicated supporters flanked by two cohorts of conditional supporters, one, concentrated on more openness and sound social policy, the other, authoritarian inclined.

The article also discusses ambivalences of the public attitudes towards collective action and civil society, as well as the perceptions of two types of new legislation introduced in 2012: laws tightening regulation of collective actions and civil society, and laws constituting reform of the political system.

Russian society before and after 2012 (by Aleksey Levinson). Bureaucracy was the class who benefitted under Putin’s rule at the expense of the rest of the society. The political crisis of late 2011 early 2012 was caused by the peaceful uprisal of the citizens against the overexpansion of this class. The civic society demonstrated its potential for self-regulation without any political leadership which is both unprecedented and contrasting to age long tradition of autocracy in Russia. The new prospect of democratic transformation for Russia

has appeared. Escalating the repressions since May 2012 and on the class above try to extinguish it.

Belarusian modernization as a measure against labor emigration (by Sergey Nikolyyuk). In this paper, we describe a variety of scenarios for the Belarusian modernization and some considerations on their priority for the population. Scholars and experts identify three components of the modernization: economic modernization, social modernization and political modernization. The Belarusian variant of Uskoreniye (the Acceleration) is reduced to accelerated re-equipment of state-owned enterprises. Belarusians in general share the views of experts, although the preference is given to the technology (and economic) modernization rather than to the political one. Respondents who did not approve of Lukashenko referred to the need of political modernization more often than their opponents. The main issue of the modernization is what it should be applied to. In Belarus the subject is its officials, and this fact raises concerns about the realizability of the whole process. Without liberalization there cannot be any technology or economy modernization.

Trust and financial behavior of the population (by Marina Krasilnikova). Studies on the financial behavior of the population of Russia are increasingly coming to the conclusion that possible reasons for the absence of significant changes in people’s patterns of behavior should be sought not only in such economic characteristics as income, interest rates, inflation rates and institutional frameworks regulating the private consumption, but also in the socio-cultural characteristics of the society. In particular, a special attention is paid to the importance of such concepts as trust, sense of responsibility and degree of adaptation to the prevailing socio-economic conditions.

Lack of trust has long become a key issue in the discussion on economic and socio-political situation in the Russian society. The rhetoric of trust is used as a tool to attract consumers and to improve the image of individual players in the interaction

between agents in the consumer market. The effectiveness of this kind of appeal to the notion of 'trust' is not obvious, since the connection between the verbal expression of trust (even if it is sincere and honest) and the financial or other kind of behavior in practice has not been determined.

The paper provides evidence that today's Russian society is characterized not simply by an extremely low level of trust, but also by the lack of its influence on behavioral practices even in cases where people show willingness for a confidential social interaction. Trust relationships are not considered by people as an extra resource that can be used to induce or facilitate the financial or other kind of behavior. The sense of control over one's life circumstances, which is interconnected with trust (and basically with the sense of responsibility), is a significant factor in shaping people's consumer behavior. The level of adaptation is also important, although its influence is far less than that of the sense of control. Against the backdrop of meeting the current needs, an expansion of control and an increase in adaptation both contribute to the development of long-term consumption goals, thereby inducing long-term savings as well as the development of the credit market by reducing the proportion of those who prefer private loans.

Public perceptions of the financial system and financial risks in Russia and other countries (by Natalia Bondarenko). In this paper, we used data collected for the study on the financial behavior of Russia's urban population (of 18-65 y. o.) that was carried out by the Levada Center for Sberbank (2012), as well as data from the Global Financial Inclusion study released by the World Bank (2011) and studies of Eurobarometer on retail financial services (2003, 2011).

Financial inclusion of different groups is an important indicator of the development of a financial system. It gives an indication of whether Russia belongs to the countries with a "cash under the mattress" financial system or to the countries with inclusive financial systems (where a greater involvement of people in the financial system increases their financial opportunities, reduces social inequality and creates more favorable conditions for economic growth).

The level of financial inclusion in Russia, especially regarding institutional forms, is below the European average (in terms of banking, savings, credits). Russia is closer to the CIS countries (e.g. to Kazakhstan or Ukraine) and currently tends to a high cash usage system rather than to an inclusive financial system. The pattern of Russian financial

behavior is influenced to a great extent by the lack of trust in financial institutions. Public awareness of the financial system and the availability of financial information in Russia are general and restricted, showing a mindset of an observer rather than a participator. Consumer and information demands of the Russians are abstract and far away from practice. Even the most educated and advanced groups involved in the financial activity are yet not able to articulate their needs clearly and rationally, considered from a practical standpoint.

Attitudes towards migrants among the recipient population (by Irina Popova and Valentina Osipova). The article presents data on the attitudes of 400 citizens of Kostroma (quotas were imposed on gender and age) towards labor migrants. The purpose of the study was to determine the degree of toleration among the recipient population. Poor economic conditions in the former Soviet republics and a need for cheap labor in Russia forced a significant part of the workforce from these countries leave their homes and head to Russia in search of a better life. An uncontrolled influx of immigrants caused a breakdown in cross-cultural communication which is threatening the development of ethnic relationships in Russia. Negative attitudes towards immigrants are conditioned by downturns in the labor market, increasing unemployment, growing wealth inequality and impoverishment of the majority of Russia's population.

Builders of Russia: mobility, recruitment and workplace resistance of post soviet migrant construction worker (by Claudio Morrison). This article focuses on migrant worker's agency exploring the relationship between working and employment conditions, on one side, and labour mobility, on the other. The study is based on qualitative research involving workers from Moldova and Ukraine working in the Russian and Italian construction sector. Fieldwork has been carried out in Russia, Italy and Moldova to investigate informal networks, recruitment mechanism and employment conditions to establish their impact on migration processes. Overcoming methodological nationalism, this study recognises transnational spaces as the new terrain where antagonistic industrial relations are rearticulated. Labour turnover is posited as key explanatory factor and understood not simply as the outcome of capital recruitment strategies but also as workers' agency.

Unstable forms of employment as a form of degradation of labor relations (by Petr Bizyukov).

This article attempts to examine the phenomenon of unstable forms of employment and its implications for the system of labor relations. Based on a series of interviews with employees who work in non-standard relations, we determine the factors that make these relations unstable. The key factor is that employers regulate labor relations unilaterally. They ignore the interests of workers and eliminate the possibility of dialogue with them on such fundamental issues as wage, schedule, working conditions, terms of employment. The paper concludes that attempts to make these kinds of labor relations freer, less formalized, and thus more progressive usually seem to fail. In fact, unstable labor relations are a return to the primitive and pre-industrial practices of labor regulation.

First graders and their parents: a new life with new rules (by Elena Avramova). The author explores how the education reform is perceived by parents of first graders and how families manage to adapt to ever-changing rules. Based on the studies, the author concludes that the level of adaptation of children and their parents to changes in school education is high. These changes, according to most respondents, usually don't affect the quality of education, which is, in their opinion, far from being good. At the same time, a demand for a better quality of education is strong in this group, and parents tend to solve this problem by providing their children with extra educational services.

ПОДПИСНОЙ КУПОН
ПОДПИСНОЙ КУПОН НА 2013 год

на комплект из _____ номеров (№1, №2, №3, №4 – нужное вписать)

«Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии»

Стоимость 1 номера – 240 руб. (включая НДС 10%)

Мы перевели сумму* _____ (включая НДС 10%) за подписку на «Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии» платежным поручением № _____ от _____ на расчетный счет

40703810100010000119 в банке «Кредит-Москва» (ОАО) г. Москвы.

Корр. счет **30101810700000000501** БИК **044583501** ИНН **7705466756**

Получатель: Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)

Просим выслать по адресу: _____

Куда. _____

Кому. _____

Телефон (e-mail) для связи _____

Предпочтительный способ доставки (почта, самовывоз)

Заполненный купон и копию платежного поручения отправьте, пожалуйста, по адресу: 125319, Москва, ул. Черняховского, д. 16, или на электронный адрес direct@levada.ru, или на факс (495)229-38-25

Редакция осуществляет подписку на **электронную версию** журнала (файл формата PDF).

Стоимость подписки на один номер — 118 рублей (включая 18% НДС).

По всем вопросам подписки, пожалуйста, звоните по тел. (495) 229-38-10 или пишите на direct@levada.ru

* Стоимость подписки следует уточнить по тел.: (495) 229-38-10 или по электронному адресу

direct@levada.ru

ORDER FORM

for 2013

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussion

1 issue – USD 22

1 year subscription (4 issue) – USD 88

January–March

April–June

July–September

October–December

Subscription fee for _____ issue Quarterly

USD _____ transferred to:

Beneficiary: Levada-Center, RUSSIA, Credit-Moscow

Bank. SWIFT code : CRMORUMMXXX

Acc. № 40703840400010000119

113054, Russia, 6-th Monetchikovsky, 8

Correspondent Bank: Commerzbank, Neue Mainzerstrasse 32-36, 60311, Frankfurt/Main, Germany

acc. № 400/8866709/00 SWIFT code: COBA DEFF

Please send the Journal to:

Name _____

Address _____

City _____

Please fax this order form to: +7(495) 229-38-25 or mail it to direct@levada.ru to Levada-Center, 16 Chernyakhovskogo Str, Moscow, 125319, Russia.

For further information, please contact us via email direct@levada.ru or by phone +7(495)229-38-10